

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 2 № 3
2022

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 3
2022

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 2 № 3 2022

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 3 2022

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “**Russian Journal of Deviant Behavior**” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “**Russian Journal of Deviant Behavior**” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А. 250

Психологические исследования девиантного поведения

Дорфман Л. Я., Курочкин Е. А. Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 2. 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрика..... 252

Жидкова О. А. Профилактика агрессивности и враждебности сотрудников полиции при помощи технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции..... 262

Злоказов К. В., Порозов Р. Ю., Тяньдэ Х. Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования..... 277

Реан А. А., Шевченко А. О. Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения..... 288

Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Пашукова А. Д. Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов..... 299

Филипенко Е. В. Профилактика девиантного поведения подростков в контексте духовно-нравственного воспитания..... 308

Криминологические исследования девиантного поведения

Бабук А. В. Судебная автороведческая экспертиза предсмертных записок..... 317

Никуленко А. В. Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления..... 325

Скиба А. П. Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы..... 332

Огарь Т. А., Харламов В. С. Виктимизация населения современной России. Девиантологический взгляд..... 346

Сообщения о научных событиях

Злоказов К. В., Каверина Л. В. «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор первой международной научно-практической конференции).. 354

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	250
-------------------------	-----

Psychological research of deviant behavior

Dorfman L. Ya., Kurochkin E. A. Integrative approach, 4-factor questionnaire of personality self-destruction, and its psychometric features Report 2. 4-factor questionnaire of personality self-destruction and its psychometric features.....	252
Zhidkova O. A. Prevention of aggressiveness and hostility of police officers with the technology development abilities of emotional-volitional self-regulation.....	262
Zlokazov K. V., Porozov R. Yu., Tiande H. Relations with the social environment as a driving force for the law-abiding behavior of young people: cross-cultural research experience.....	277
Rean A. A., Shevchenko A. O. The use of gamification in the empathy development and prevention of bullying as a form of deviant behavior.....	288

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Pashukova A. D. Pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees working with convicts - former law enforcement officers.....	299
Filipenko E. V. Prevention of deviant behavior of adolescents in the context of spiritual and moral education.....	308

Criminological research of deviant behavior

Babuk A. V. Forensic authorship examination of suicide notes.....	317
Nikulenko A. V. Police deviance: causes and possibilities of overcoming.....	325
Skiba A. P. Deviant behavior of convicted prisoners of war and corrective and preventive influence in their respect: statement of the problem.....	332
Ogar T. A., Kharlamov V. S. Victimization of the population of modern Russia. Deviantological view.....	346

Reports on scientific events

Zlokazov K. V., Kaverina L. V. Russian deviantological panorama: theory and practice (review of the international scientific and practical conference).....	354
--	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-250-251

Уважаемые читатели!

Перед вами новый номер «Российского девиантологического журнала», представляющий актуальные новейшие исследования в области девиантного поведения. Уверен, что работа авторов и редакционной команды послужит толчком для следующих шагов российских и зарубежных девиантологов.

В разделе «Психологические исследования девиантного поведения» продолжаем знакомить читателей с исследованием «Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 2. 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрика», одним из результатов которого явилось создание с позиций интегративного подхода к самодеструкции личности (локализация и объединение) опросника самодеструкции (ОСД).

Автор статьи «Профилактика агрессивности и враждебности сотрудников полиции при помощи технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции» считает, что в деятельности сотрудников полиции агрессивность выступает в роли защитного механизма, который часто превышает пределы умеренно-защитных реакций и достигает уровня экстремальной агрессии, проявляющейся в виде неадекватного ответа на воздействие стимулов среды. В связи с этим цель исследования состояла в выявлении степени интенсивности различных показателей агрессивности и враждебности сотрудников полиции, а также анализе их изменения в результате применения технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции.

Коллектив авторов из России и Китая представил статью «Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования», в которой рассматривают правопослушное поведение молодежи как социально значимое. Знание психологических причин правопослушного поведения важно для осуществления профилактической и превентивной работы с девиантной молодежью и социализации подрастающего поколения. Современные научные представления не обладают достаточной информацией о роли всей системы отношений субъекта с социальным окружением в мотивации правопослушного поведения, сосредоточившись на изучении роли конкретных его участников – членов семьи, родственников, друзей и коллег. Исследователи изучили отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения и провели кросс-культурную оценку данных отношений в выборках китайской и российской молодежи. Представленная классификация мотивов правопослушного поведения может использоваться для разработки процедур измерения и оценки готовности молодежи к соблюдению правовых норм.

В статье «Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения» авторами представлены новые методы выявления и реагирования на акты буллинга в процессе наблюдения и обучения, которые способны обеспечить качественную эффективность практической работы. В результате проведенного исследования были отобраны и описаны современные примеры использования геймифицированных программ в области развития эмпатии и профилактики агрессивного поведения.

Раздел «Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения» открывает публикация, посвященная разработке педагогического алгоритма развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов, который представляет собой комплекс последовательных действий, направленных на достижение результата, а именно повышение уровня сформированности профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарных учреждений. Полученные результаты показали, что эффективность

деятельности по ресоциализации и исправлению осужденных различной категории напрямую зависит от профессионализма сотрудников исправительного учреждения.

В следующей статье раздела анализируется одна из актуальных проблем современной образовательной практики – проблема профилактики девиантного поведения подростков как необходимого условия прогрессивного и безопасного развития общества в частности и цивилизации в целом. При рассмотрении заявленной проблемы акцент делается на исследовании феномена девиантного поведения, поскольку эффективное осуществление превентивной воспитательной практики требует более глубокого и всестороннего осмысления сути отклоняющегося поведения.

Раздел «Криминологические исследования девиантного поведения» открывает статья белорусского исследователя, в которой раскрывается сущность предсмертной записки суицидента как объекта судебной автороведческой экспертизы, проводимой в целях составления психолингвистического портрета автора текста на основе его обликовых характеристик (возраста, пола, профессиональной принадлежности и т. д.). Подчеркивается важность такой экспертизы при расследовании убийств, когда требуется раскрыть факт инсценировки убийства под самоубийство, при этом если ранее, когда текст предсмертной записки составлялся от руки и имел персонального адресата, основными методами исследования были в основном лингвокогнитивные, то в настоящее время в связи с развитием интернет-коммуникации все чаще используются лингвостатистические методы, позволяющие составлять характеристики человека на основе совокупности количественных признаков в тексте короткого электронного сообщения, опубликованного в открытом доступе и имеющего интерперсонального адресата.

Автор статьи «Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления» утверждает, что стремление подвести правовую основу под полицейскую деятельность привело к чрезмерной урегулированности возможного и должного поведения самих сотрудников полиции и к противоречиям между различными нормативными правовыми актами, особенно это касается уголовного законодательства. Данное обстоятельство порождает различные формы девиантного поведения сотрудников полиции, оказавшихся в очередной стрессовой ситуации, которыми изобилует правоохранительная служба.

В статье «Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы» констатируется отсутствие национального регулирования вопросов обращения с интернированными осужденными военнопленными (в первую очередь, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации) и только частичное их упоминание в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными», что особенно актуализируется проведением специальной военной операции на Украине.

Изучению проблем виктимизации населения современной России с девиантологической точки зрения посвящено еще одно исследование данного раздела, в ходе которого авторы приходят к выводу, что недостаточная приспособленность россиян к обеспечению персональной безопасности вызвана их личностной криминальной уязвимостью (виктимностью).

В этом номере продолжаем знакомить читателей с научными мероприятиями, посвященными обсуждению проблем девиантного поведения. 30 сентября 2022 года под эгидой нашего журнала прошла международная научно-практическая конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», в ходе которой состоялся обмен научными знаниями о девиантном поведении, анализ современных методологий исследования и профилактики девиаций, коммуникация ученых и практиков, работающих в этом предметном поле.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-252-261

Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики

Сообщение 2. 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрика

Леонид Яковлевич Дорфман

Пермский государственный институт культуры,
Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Евгений Александрович Курочкин

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

Аннотация

С позиций интегративного подхода к самодеструкции личности (локализация и объединение) создан опросник самодеструкции (ОСД). В самодеструкции здоровой личности были выделены 4 домена и соответственно 4 шкалы ОСД: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. ОСД состоит из 42 пунктов, по 10 пунктов на одну шкалу, 2 пункта относятся к шкале лжи. Шкалы ОСД имели нормальное распределение по асимметрии и эксцессу. Исследование проводилось на двух выборках. В первую (основную) выборку вошли 78 участников, средний возраст 35,19 лет, 32 мужчин и 46 женщин, педагоги школ и вузов, социальные работники («педагоги»). Во вторую выборку вошли 107 участников, средний возраст 32,08 лет, 89 мужчин и 18 женщин, участковые уполномоченные, оперативные работники, сотрудники ГИБДД, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних («полицейские»). Было установлено, что шкалы ОСД обладают достаточной степенью надежности. Они имели внутреннюю конструктивную валидность и внешнюю валидность. Шкалы ОСД, взятые совместно, характеризовали самодеструкцию личности в целом.

Ключевые слова

опросник самодеструкции личности, недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление, надежность, валидность, самодеструкция личности в целом

Для цитирования: Дорфман, Л. Я., Курочкин, Е. А. (2022). Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 2. 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрика. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 252-261. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-252-261.

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture,
Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Evgenij A. Kurochkin

Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

Integrative approach, 4-factor questionnaire of personality self-destruction, and its psychometric features Report 2. 4-factor questionnaire of personality self-destruction and its psychometric features

Abstract

A self-destruction questionnaire (SDQ) is developed on the basis of the integrative approach to personality self-destruction (localization and unification). There are 4 domains and, accordingly, 4 scales of SDQ in the process of self-destruction of a healthy personality: dissatisfaction with oneself, authoritativeness, intolerance, and detachment. The SDQ consists of 42 points, 10 points per scale, 2 points belonging to the deception scale. The SDQ scales had a normal distribution in asymmetry and excess. The study included two samples. The first (main) sample consisted of 78 participants, average age 35.19 years, 32 men and 46 women, school and university teachers, social workers («educators»). The second sample consisted of 107 participants, the average age 32.08 years, 89 men and 18 women, divisional inspectors, operational detectives, traffic police officers, juvenile departments employees. The author came to the following results. The SDQ scales had a sufficient degree of reliability. They had internal structural validity and external validity. The SDQ scales in total characterized the personality self-destruction in general.

Keywords

dissatisfaction with oneself, authoritativeness, intolerance, detachment, reliability, validity, personality self-destruction

For citation: Dorfman, L. Ya., Kurochkin, E. A. (2022). Integrative approach, 4-factor questionnaire of personality self-destruction, and its psychometric features Report 2. 4-factor questionnaire of personality self-destruction and its psychometric features. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 252-261. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-252-261.

Введение

В предыдущем сообщении (Дорфман, Курочкин, 2022) разрабатывался и излагался подход к исследованию самодеструкции личности, который основывался на дополнении локальных подходов интегративным. В рамках интегративного подхода эти направления исследований кладутся в основу интегративной модели самодеструкции и развиваются с позиций концептуальной модели полимодального Я. В ее свете

речь идет о деформациях полимодального Я и самодеструкция предстает как антипод полимодального Я. В самодеструкции здоровой личности были выделены 4 домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и обобщает их.

Но насколько эти теоретические рассуждения о самодеструкции личности соответствуют реальности? Позитивный ответ на этот вопрос сдерживается отсутствием адекватных инструментов измерения самодеструкции. В данном сообщении предпринята попытка в определенной степени преодолеть существующий здесь пробел. Предлагается 4-факторный опросник самодеструкции личности (ОСД) и приводятся его некоторые психометрические характеристики.

Гипотезы и исследовательские задачи

Базовым является положение о том, что самодеструкция личности выражается в ее разнородности, гетерогенности, многокачественности. В самодеструкции здоровой личности выделяются 4 домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление (Дорфман, Курочкин, 2022). На этой основе был разработан ОСД.

Были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Шкалы ОСД соответствуют доменам недовольства собой, властности, нетерпимости, обособления.
2. Шкалы ОСД обладают достаточной степенью надежности.
3. Шкалы ОСД обладают достаточной степенью внутренней конструктивной валидности.
4. Шкалы ОСД обладают достаточной степенью внешней валидности.
5. Шкалы ОСД, взятые совместно, характеризуют самодеструкцию личности в целом.

Исходя из гипотез, были сформулированы следующие задачи:

- 1) Разработать ОСД, направленный на измерение четырех доменов самодеструкции личности;
- 2) выявить степень надежности доменов ОСД по их внутренней согласованности и эквивалентности их частей;
- 3) установить внутреннюю конструктивную валидность ОСД;
- 4) оценить внешнюю валидность ОСД;
- 5) оценить применимость ОСД для измерения им самодеструкции личности в целом.

Метод

Участники

Исследование проводилось на двух выборках. В первую (основную) выборку вошли 78 участников, возраст $35,19 \pm 7,56$ лет, 32 мужчин и 46 женщин, педагоги школ и вузов, социальные работники («педагоги»). Во вторую выборку вошли 107 участников, возраст

$32,08 \pm 4,66$ лет, 89 мужчин и 18 женщин, участковые уполномоченные, оперативные работники, сотрудники ГИБДД, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних («полицейские»). В выборку вошли только те участники, которые по данным самоотчетов свободно говорили и понимали русский язык.

Выборки формировались по случайному принципу, а их объем, возраст и распределение по полу свидетельствуют о репрезентативности к генеральным совокупностям в части взрослых людей, вовлеченных в образовательную деятельность, и полицейских.

Анализ данных

Общие особенности ОСД характеризовались описательной статистикой: средние, стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс. Критерием нормальности служат сравнения асимметрии со стандартной ошибкой асимметрии и эксцесса со стандартной ошибкой эксцесса. Асимметрия по модулю не должна превышать $3,29 \times$ стандартную ошибку асимметрии. Эксцесс по модулю не должен превышать $3,29 \times$ стандартную ошибку эксцесса (Mayers, 2013, p. 53). Оценка нормальности распределения производилась на основании асимметрии и эксцесса, а не критериев нормальности (Колмогорова–Смирнова, Шапиро–Уилка и т.п.), так как последние становятся чувствительными при большом объеме выборки, возрастает опасность совершения ошибки II рода.

Для сравнения по полу использовался t-критерий Стьюдента.

Психометрическая надежность шкал ОСД тестировалась по двум показателям. Первым был показатель альфа Кронбаха. Вторым был показатель эквивалентности при расщеплении шкалы на 2 половины («четная–нечетная») по критерию Гутмана (он не требует равенства дисперсий).

Внутренняя конструктивная валидность ОСД тестировалась с использованием 4-х факторного дисперсионного анализа General Manova. Если шкалы со «своими» пунктами значимо распределяются по четырем факторам, значит ОСД обладает внутренней конструктивной валидностью.

Внешняя конвергентная валидность ОСД оценивалась по следующим конструктам: Я-структурный тест Г. Аммона (шкалы агрессии, страха/тревоги, внешнего Я-отграничения, внутреннего Я-отграничения, нарциссизма на уровне их деструкции) в адаптации Тупицына и др.¹, шкала самоуважения М. Розенберга (Золотарева, 2020), тест ситуативной и личностной тревожности Спилбергера в адаптации Ханина (Ханин, 1976), 4-х факторный опросник Я (Дорфман, Калугин, 2020).

¹ Тупицын, Ю. Я., Бочаров, В. В., Алхазова, Т. В., Бродская, Е. В. (1998). *Я-структурный тест Г. Аммона: опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: пособие для психологов и врачей*. Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева.

Внешняя дивергентная валидность ОСД оценивалась путем сравнения шкал ОВД у педагогов и полицейских по t-критерию Стьюдента.

В дополнение к анализу отдельных шкал ОСД, изучались шкалы ОСД как инструментальное целое. Для этого шкалы ОСД объединялись и усреднялись. Оценивались интеркорреляции шкал ОСД и проводился их эксплораторный 1-факторный анализ. Также проводился эксплораторный 2-х факторный анализ шкал ОСД и полимодального Я. Факторы подвергались ротации методом Varimax normalized. Самодеструкция в целом изучалась также путем оценки различий (по t-критерию Стьюдента) между педагогами и полицейскими по выраженности шкал ОСД как инструментальным целым.

Описательная статистика ОСД

ОСД состоит из 42 пунктов, по 10 пунктов на одну шкалу, 2 пункта относятся к шкале лжи. Пункты ОСД расположены в случайном порядке. Ответы участников выражают степень их согласия с суждениями по пунктам и градуируются по 6 ступеням в диапазоне от -3 (совершенно не согласен) до +3 (полностью согласен), затем переводятся в значения от 1 до 6 (см. Приложение).

Основные показатели дескриптивной статистики шкал ОСД у педагогов характеризуются следующими данными. Разброс пунктов в каждой шкале находился в диапазоне от 1 до 6 баллов. Чем выше значение шкалы, тем выше выраженность самодеструкции личности в рамках соответствующего домена. Среднее значение шкалы недовольства собой находилось в диапазоне $3,17 \pm 0,38$ с разбросом индивидуальных значений от 1 до 6 баллов. Среднее значение шкалы власти находилось в диапазоне $3,12 \pm 1,19$ с разбросом индивидуальных значений от 1 до 6 баллов. Среднее значение шкалы нетерпимости находилось в диапазоне $3,21 \pm 1,09$ с разбросом индивидуальных значений от 1 до 6 баллов. Среднее значение шкалы обособления находилось в диапазоне $3,05 \pm 1,20$ с разбросом индивидуальных значений от 1 до 6 баллов.

Шкалы ОСД имели нормальное распределение по асимметрии и эксцессу. Отрицательные значения асимметрии шкал недовольства собой (-,468) и власти (-,139) свидетельствовали о смещении их распределений в левую сторону, а положительные значения асимметрии шкал нетерпимости (,153) и обособления (,148) - о смещении их распределений вправо. Положительные значения эксцесса шкал недовольства собой (,570) и нетерпимости (,369) свидетельствовали о сдвигах их распределений в сторону островершинности. Отрицательные значения эксцесса шкал власти (-,115) и обособления (-,537) свидетельствовали о сдвигах их распределений в сторону плосковершинности.

По t-критерию Стьюдента половые различия имели место по шкале обособления. Она была выражена в большей степени у мужчин, чем у женщин ($t = 2,23$, $p < ,01$). По другим шкалам (недовольства собой, власти, нетерпимости) половые различия были незначимы.

Надежность

Показатели согласованности пунктов (альфа Кронбаха) имели значения 0,728 (шкала недовольства собой), 0,767 (шкала власти), 0,707 (шкала нетерпимости), 0,717 (шкала обособления). Это значит, что пункты шкал были согласованы в приемлемой степени.

Показатели эквивалентности пунктов шкал при расщеплении их на половины (критерий Гутмана) имели следующие значения: по шкале недовольства собой - 0,789, по шкале власти - 0,702, по шкале нетерпимости - 0,674, по шкале обособления - 0,620. Эти результаты свидетельствуют о том, что половины шкал были приемлемо эквивалентны.

Валидность

Приведем результаты тестирования ОСД на внутреннюю конструктивную валидность, внешнюю конвергентную валидность, внешнюю дивергентную валидность.

Внутренняя конструктивная валидность

Внутренняя конструктивная валидность ОСД возникает тогда, когда его пункты распределяются между шкалами так, чтобы: (а) в одну шкалу входили пункты, относящиеся к данной шкале; (б) пункты, относящиеся к одной шкале, не появлялись в других шкалах; (в) пункты, относящиеся к разным шкалам, не пересекались в составе одной шкалы.

В рамках MANOVA (тип III суммы квадратов, ортогональный, параметризация, ограниченная сигмой) выделялись 4 фактора (дизайн зависимых выборок), которые соответствовали шкалам недовольства собой, власти, нетерпимости, обособления и их пунктам. Было установлено, что Wilks Lambda = 0,86, $F(3,75) = 3,96$, $p < 0,01$, размер эффекта (частичная Eta-квадрат) = 0,51. Эти результаты соответствуют дифференциации ОСД на указанные выше шкалы. Запланированные сравнения (полиномиальные контрасты) факторов (шкал) также поддержали внутреннюю конструктивную валидность ОСД: Wilks Lambda = 0,79, $F(10,68) = 1,84$, $p < 0,06$.

Внешняя конвергентная валидность

Корреляции шкал ОСД с субмодальностями Я приводятся в табл. 1.

Шкала недовольства собой отрицательно коррелировала с Авторской и Превращенной субмодальностями Я ($p < 0,01 \pm 0,001$). Шкала власти отрицательно коррелировала с Авторской и Превращенной субмодальностями Я ($p < 0,05$) и положитель-

но – с Воплощенной и Вторящей субмодальностями Я ($p < 0,05 \pm 0,01$). Шкала нетерпимости положительно коррелировала с Воплощенной субмодальностью Я ($p < 0,001$). Шкала обособления положительно коррелировала с Воплощенной и Вторящей субмодальностями Я ($p < 0,01$) и отрицательно – с Превращенной субмодальностью Я ($p < 0,01$).

Корреляции шкал ОСД со шкалами деструктивности Я-структурного теста приводятся в табл. 2.

Все шкалы ОСД положительно коррелировали с агрессией ($p < 0,01 \pm 0,001$), страхом/тревогой ($p < 0,01 \pm 0,001$). Шкалы недовольства собой, нетерпимости и обособления положительно коррелировали с внутренним и внешним Я-отграничением, нарциссизмом ($p < 0,05 \pm 0,001$).

Кроме того, все шкалы ОСД положительно коррелировали с ситуативной и личностной тревожностью ($p < 0,01 \pm 0,001$), а шкалы ОСД недовольства собой и нетерпимости отрицательно коррелировали с самоуважением ($p < 0,05$).

Приведенные результаты говорят в пользу внешней конвергентной валидности шкал ОСД.

Внешняя дивергентная валидность

Различия между педагогами и полицейскими (по t-критерию Стьюдента) приводятся в табл. 3. Легко

заметить, что они являются значимыми. Выраженность шкал недовольства собой, властности и обособления была выше у педагогов, чем у полицейских ($p < 0,05 \pm 0,001$), а выраженность нетерпимости, наоборот, выше у полицейских, чем у педагогов ($p < 0,001$).

Эти данные свидетельствуют о том, что шкалы ОСД обладают внешней дивергентной валидностью.

Шкалы ОСД как инструментальное целое

Шкалы ОСД положительно коррелировали между собой в диапазоне от 0,284 до 0,619 ($p < 0,01 \pm 0,001$). При эксплораторном факторном анализе выделился 1 фактор, в который вошли все шкалы ОСД со значимыми нагрузками и отрицательными знаками в диапазоне от -0,65 до -0,88 (собственное значение 2,37, доля объяснимой дисперсии 59,27 %). Эти данные позволяют судить о шкалах ОСД как инструментальном целом, их внутреннем единстве.

О внешней конвергентной и дивергентной валидности шкал ОСД как инструментального целого можно судить по результатам 2-х факторного анализа шкал ОСД совместно со шкалами полимодального Я. Они приводятся в табл. 4.

После ротации были выделены 2 фактора с общей долей объяснимой дисперсии 55,08 %. В фактор

Таблица 1. Корреляции шкал ОСД с субмодальностями Я

Table 1. Correlations of OSD scales with submodalities of I

Шкалы ОСД	Субмодальности Я			
	Авторская	Воплощенная	Превращенная	Вторящая
Недовольство собой	-0,311***	-0,036	-0,246**	0,097
Властность	-0,208*	0,186*	-0,176*	0,223**
Нетерпимость	-0,056	0,277***	-0,118	0,087
Обособление	-0,067	0,222**	-0,223**	0,240**

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 2. Корреляции шкал ОСД со шкалами Я-структурного теста

Table 2. Correlations of the OSD scales with the scales of the I-structural test

Шкалы ОСД	Я-структурный тест				
	Агрессия	Страх/Тревога	Внутреннее Я-отграничения	Внешнее Я-отграничение	Нарциссизм
Недовольство собой	0,379***	0,340***	0,235**	0,263**	0,248**
Властность	0,248**	0,278**	0,157	0,135	0,161
Нетерпимость	0,237**	0,273**	0,315***	0,170*	0,245**
Обособление	0,215**	0,241**	0,228**	0,247**	0,296***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

1 (30,50 %) со значимыми и положительными нагрузками вошли все 4 шкалы ОСД. Его можно обозначить «шкалы ОСД как инструментальное целое». В фактор 2 (24,58 %) со значимыми и положительными нагрузками вошли все 4 шкалы полимодального Я. Его можно обозначить «шкалы полимодального Я как инструментальное целое». Кроме того, можно обратить внимание на то, что шкалы ОСД как инструментальное целое и шкалы полимодального Я как инструментальное целое зависят, скорее всего,

от разных факторов. Значит, имеет место одновременно конвергенция шкал ОСД (внутри фактора) и дивергенция со шкалами полимодального Я (между факторами).

Различия между педагогами и полицейскими по самодеструкции в целом приводятся в табл. 5.

Можно заметить, что самодеструкция, взятая в единстве ее шкал, выражена в большей степени у педагогов, чем у полицейских (в тенденции, $p < 0,07$).

Таблица 3. Различия между педагогами и полицейскими по шкалам ОСД

Table 3. Differences between teachers and police officers according to the OSD scales

Шкалы ОСД	N	Педагоги	N	Полицейские	t	df	p
Недовольство собой	78	3,85±0,64	107	3,39±0,77	4,229	183	0,001
Властность	78	3,04±0,77	107	2,84±0,76	1,796	183	0,07
Нетерпимость	78	3,21±0,67	107	3,51±0,60	3,23	183	0,001
Обособление	78	3,05±0,71	107	2,85±0,67	1,89	183	0,05

Таблица 4. Факторный анализ шкал ОСД и полимодального Я

Table 4. Factor analysis of OSD and polymodal Self scales

Шкалы	Факторы после ротации	
	1	2
ОСД		
Недовольство собой	0,74	-0,06
Властность	0,78	-0,04
Нетерпимость	0,66	0,08
Обособление	0,86	-0,14
Субмодальности Я		
Авторская	0,08	0,80
Воплощенная	0,06	0,79
Превращенная	-0,10	0,74
Вторящая	-0,10	0,42
Собственное значение	2,44	1,97
Доля объяснимой дисперсии, %	30,50	24,58

Таблица 5. Различия между педагогами и полицейскими по самодеструкции в целом

Table 5. Differences between teachers and police officers on self-destruction in general

	N	Педагоги	N	Полицейские	t	df	p
Самодеструкция	78	3,29±0,54	107	3,15±0,53	1,714	183	0,07

Обсуждение

С позиций интегративного подхода к самодеструкции личности (локализация совместно с объединением) был разработан ОСД. Анализ пунктов ОСД показывает, что они соответствуют шкалам недовольство собой, властности, нетерпимости, обособления, как и предусматривалось гипотезой 1. ОСД состоит из 42 пунктов, по 10 пунктов на одну шкалу, 2 пункта относятся к шкале лжи. Шкалы ОСД имели нормальное распределение по асимметрии и эксцессу. По t-критерию Стьюдента половые различия имели место по шкале обособления. Она была выражена в большей степени у мужчин, чем у женщин. По другим шкалам (недовольства собой, властности, нетерпимости) половые различия были незначимы.

Гипотеза 2 о том, что шкалы ОСД обладают достаточной степенью надежности, получила эмпирическую поддержку. Пункты шкал были согласованы в приемлемой степени. Половины шкал были приемлемо эквивалентны.

Гипотеза 3 о том, что шкалы ОСД обладают достаточной степенью внутренней конструктивной валидности, получила эмпирическую поддержку. Шкалы ОСД характеризовались внутренней конструктивной валидностью по данным MANOVA.

Гипотеза 4 о том, что шкалы ОСД обладают достаточной степенью внешней валидности, получила эмпирическую поддержку применительно к шкалам полимодального Я, со шкалами деструктивности Я-структурного теста, ситуативной и личностной тревожности, самоуважения. Внешняя дивергентная ва-

лидность ОСД получила эмпирическую поддержку при сравнении педагогов и полицейских по шкалам ОСД.

Гипотеза 5 о том, что шкалы ОСД, взятые совместно, характеризуют самодеструкцию личности в целом, получила эмпирическую поддержку. Было установлено, что шкалы ОСД положительно коррелировали между собой. При эксплораторном факторном анализе выделился 1 фактор, в который вошли все шкалы ОСД со значимыми нагрузками. Эти данные позволяют судить о шкалах ОСД как инструментальном целом, их внутреннем единстве. О внешней конвергентной и дивергентной валидности шкал ОСД как инструментального целого свидетельствуют результаты 2-х факторного анализа шкал ОСД совместно со шкалами полимодального Я. Они вошли в разные факторы. Также различия между педагогами и полицейскими по самодеструкции в целом имели тенденцию быть значимыми.

Следовательно, ОСД характеризуется надежностью и валидностью, включая ОСД как инструментальное целое.

Заключение

Решена задача по созданию ОСД и выполнен его психометрический анализ. Теоретической предпосылкой создания ОСД является интегративная модель самодеструкции личности. Психометрический анализ свидетельствует о том, что ОСД является надежным и валидным инструментом измерения самодеструкции личности. Его можно использовать в психодиагностике, научных и прикладных исследованиях, в том числе в области образования и сфере МВД.

Список литературы

- Дорфман, Л. Я., Калугин, А. Ю. (2020). Четырехфакторный опросник Я: его концептуальный и психометрический анализ. *Сибирский психологический журнал*, 75, 53-74. <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>
- Дорфман, Л. Я., Курочкин, Е. А. (2022). Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 151-163. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-151-163>
- Золотарева, А. А. (2020). Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 2, 52-57. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>
- Ханин, Ю. Л. (1976). *Краткое руководство к применению шкалы реактивной личностной тревожности* (автор Ч. Д. Спилбергер). Ленинград: Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры.
- Mayers, A. (2013). *Introduction to statistics and SPSS in psychology*. Harlow: Pearson Education Limited.

References

- Dorfman, L. Ya., Kalugin, A. Yu. (2020). Chetyrekhfaktornyj oprosnik Ya: ego konceptual'nyj i psihometricheskij analiz. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 75, 53-74. <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>
- Dorfman, L. Ya., Kurochkin, E. A. (2022). Integrativnyj podhod, 4-faktornyj oprosnik samodestrukicii lichnosti i ego psihometricheskie harakteristiki. Soobshchenie 1. Lokalizaciya i integraciya samodestrukicii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2(2), 151-163. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-151-163>
- Zolotareva, A. A. (2020). Validnost' i nadezhnost' russkoyazychnoj versii shkaly samoocenki M. Rozenberga. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 2, 52-57. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>
- Hanin, Yu. L. (1976). *Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoj lichnostnoj trevozhnosti* (avtor CH. D. Spilberger). Leningrad: Leningradskij nauchno-issledovatel'skij institut fizicheskoj kul'tury.
- Mayers, A. (2013). *Introduction to statistics and SPSS in psychology*. Harlow: Pearson Education Limited.

Опросник самодеструкции личности

Инструкция

Вам предлагается ряд суждений. «Примеряйте» каждое суждение на себя, насколько возможно Вам. Некоторые суждения могут показаться Вам очень схожими. Тем не менее, отвечайте на каждое из них.

Обведите кружком цифру -3	Если Вы совершенно не согласны с суждением
Обведите кружком цифру -2	Если Вы не согласны с суждением
Обведите кружком цифру -1	Если Вы скорее не согласны, чем согласны с суждением
Обведите кружком цифру +1	Если Вы скорее согласны, чем не согласны с суждением
Обведите кружком цифру +2	Если Вы согласны с суждением
Обведите кружком цифру +3	Если Вы полностью согласны с суждением

По каждому суждению обведите кружком только один ответ

Например, суждение «Я готов отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно». Как Вы могли бы ответить сходным образом? Если Вы согласны с тем, что Вы могли бы ответить так же, Вам нужно обвести цифру в столбике +2 (см. рис.)

Порой у меня появляются необычные идеи	-3	-2	-1	+1	+2	+3
--	----	----	----	----	----	----

Приведенные ниже суждения, не являются ни правильными, ни ошибочными, ни «хитрыми», ни шуточными. Работайте быстро, давайте ответ на каждое суждение.

В ОТВЕТ НА КАЖДОЕ СУЖДЕНИЕ ОБВЕДИТЕ КРУЖКОМ ТОЛЬКО ОДНУ ЦИФРУ

№	Суждения	Ваши ответы					
		-3	-2	-1	+1	+2	+3
1	Я ясно понял инструкцию	-3	-2	-1	+1	+2	+3
2	Я готов отвечать на каждое суждение так искренне, как только возможно	-3	-2	-1	+1	+2	+3
3	Некоторые поступки друзей приводят меня в ярость	-3	-2	-1	+1	+2	+3
4	Обычное дело, когда споришь с друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3
5	Отношение друзей ко мне оставляет меня равнодушным	-3	-2	-1	+1	+2	+3
6	В моих привычках есть стремление руководить моими друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3
7	У друзей почти нет совместных дел со мной	-3	-2	-1	+1	+2	+3
8	Я склонен сомневаться в себе	-3	-2	-1	+1	+2	+3
9	Скорее я недоволен собой, чем доволен	-3	-2	-1	+1	+2	+3
10	Мое давление регулирует мои отношения с друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3
11	Когда друзья вступают в спор, у меня нет желания в него включаться	-3	-2	-1	+1	+2	+3
12	Вызывая чувство стыда у друзей, восстанавливаешь справедливость	-3	-2	-1	+1	+2	+3
13	Мои друзья поддаются моему давлению	-3	-2	-1	+1	+2	+3
14	Я чувствую в себе внутренний надлом	-3	-2	-1	+1	+2	+3
15	Сомнительные идеи друзей достойны порицания	-3	-2	-1	+1	+2	+3
16	Я склонен раздражаться от своей неповоротливости	-3	-2	-1	+1	+2	+3
17	Непримиримость к неблагоприятным поступкам друзей лучше позиции гуманиста	-3	-2	-1	+1	+2	+3

Суждения		Ваши ответы					
18	Представления друзей обо мне не касаются меня	-3	-2	-1	+1	+2	+3
19	Я предпочитаю скорее уединение, чем общение с друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3
20	Моя конфликтность снижает у моих друзей желание сопротивляться	-3	-2	-1	+1	+2	+3
21	Дать справедливую оценку друзьям важнее их переживаний	-3	-2	-1	+1	+2	+3
22	Я склонен переживать чувство разочарования собой	-3	-2	-1	+1	+2	+3
23	Мои вмешательства в дела моих друзей происходят довольно часто	-3	-2	-1	+1	+2	+3
24	Друзья бывают назойливыми и надоедают мне	-3	-2	-1	+1	+2	+3
25	Мои друзья подчиняются моим намерениям, пусть даже внутренне сопротивляясь	-3	-2	-1	+1	+2	+3
26	У друзей бывают несуразные идеи	-3	-2	-1	+1	+2	+3
27	Мои друзья подчиняются моим планам	-3	-2	-1	+1	+2	+3
28	Скорее я не уважаю себя, чем уважаю	-3	-2	-1	+1	+2	+3
29	Чем реже встречи с друзьями, тем больше у меня личной свободы	-3	-2	-1	+1	+2	+3
30	Мои указания выполняют друзья, даже вопреки своим планам	-3	-2	-1	+1	+2	+3
31	В моих намерениях преобладает желание управлять моими друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3
32	Я замечаю, что склонен разрушать свой мир	-3	-2	-1	+1	+2	+3
33	Некоторые идеи друзей бесполезны	-3	-2	-1	+1	+2	+3
34	Скорее я не ценю себя, чем ценю	-3	-2	-1	+1	+2	+3
35	К друзьям у меня нет особой привязанности	-3	-2	-1	+1	+2	+3
36	У друзей есть вкусы, которые не выдерживают критики	-3	-2	-1	+1	+2	+3
37	Некоторые мнения друзей раздражают	-3	-2	-1	+1	+2	+3
38	Общение с друзьями вызвано у меня скорее привычкой	-3	-2	-1	+1	+2	+3
39	Представления друзей обо мне не вызывают у меня любопытства	-3	-2	-1	+1	+2	+3
40	Я склонен испытывать раздражение к себе	-3	-2	-1	+1	+2	+3
41	Друзья заслуживают осуждения за неблагоприятный поступок	-3	-2	-1	+1	+2	+3
42	Моя сила во власти над моими друзьями	-3	-2	-1	+1	+2	+3

**ПРОВЕРЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА ВСЕ ЛИ СУЖДЕНИЯ ВЫ ОТВЕТИЛИ?
СПАСИБО!**

Служебные материалы для исследователя

Участникам исследования не предъявлять!

Первые 2 суждения – проверочные. Они не учитываются при подсчете баллов.

Перевод ответов в баллы

Ответы участников		Баллы
В цифрах	Их значения	
-3	Совершенно не согласен	1
-2	Не согласен	2
-1	Скорее не согласен, чем согласен	3
+1	Скорее согласен, чем не согласен	4
+2	Согласен	5
+3	Полностью согласен	6

КЛЮЧИ

№	Шкалы	Пункты									
		8	9	14	16	19	22	28	32	34	40
1.	Недовольство собой	8	9	14	16	19	22	28	32	34	40
2.	Властность	6	10	13	20	23	25	27	30	31	42
3.	Нетерпимость	4	12	15	17	21	26	33	36	37	41
4.	Обособление	3	5	7	11	18	24	29	35	38	39

Суммарный балл по каждой шкале определяется суммой баллов по пунктам, входящим в соответствующую шкалу.

Информация об авторах:

Леонид Яковлевич Дорфман – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин.

Евгений Александрович Курочкин – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры военной педагогики и психологии.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20.05.2022

Одобрена после рецензирования 20.10.2022

Опубликована 29.10.2022

About the authors:

Leonid Ya. Dorfman – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines.

Evgenij A. Kurochkin – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Military Pedagogy and Psychology.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 20, 2022

Approved after reviewing October 20, 2022

Accepted October 29, 2022

УДК 159.944.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-262-276

Профилактика агрессивности и враждебности сотрудников полиции при помощи технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции

Ольга Александровна Жидкова

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

olgingi@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5446-1772

Аннотация

Введение. Агрессивность является одной из форм проявления девиаций личности и дифференцируется по степени интенсивности от нормативных ее показателей до экстремальных. В деятельности сотрудников полиции агрессивность выступает в роли защитного механизма, который часто превышает пределы умеренно-защитных реакций и достигает уровня экстремальной агрессии, проявляющейся в виде неадекватного ответа на воздействие стимулов среды. Теоретический анализ феноменов агрессивности и враждебности, а также особенностей их проявления в профессиональной деятельности сотрудников полиции показывает склонность сотрудников к агрессивно-враждебным формам поведения, характеризующимся устойчивостью и стереотипностью, детерминируемым как эмоциями страха, так и сформировавшимися деформациями личности, патологическими свойствами характера. Необходимость самоконтроля эмоциональных реакций и отсутствие компетентности в оценке эмоциональных состояний иных лиц повышает риски агрессивности и девиантного поведения сотрудников полиции и формирует тип деструктивной личности. Для сферы профессиональной деятельности это является существенным препятствием в обеспечении ее эффективности и надежности. Профилактика агрессивности и враждебности требует разработки и внедрения технологии, обеспечивающей развитие навыков регуляции негативных аффектов, эмоциональных состояний и поведения.

Цель исследования состояла в выявлении степени интенсивности различных показателей агрессивности и враждебности сотрудников полиции, а также анализе их изменения в результате применения технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции.

Методология, методы и методики. В анализе изменений показателей агрессивности использовался комплекс эмпирических и математических методов. Эмпирические данные были получены с помощью следующих методик: шкала нервно-психической адаптации (И. Н. Гурвич), методика «Виды агрессивности» (Л. Г. Почебут), шкала диагностики враждебности Кука–Медлей. Обработка данных осуществлялась с помощью специализированного пакета компьютерных программ IBM SPSS Statistics 23 и программы Excel. В исследовании использовался сравнительный анализ эмпирических данных. Из общей выборки испытуемых ($n = 253$) была выделена группа сотрудников ($n = 82$) с признаками нервно-психической дезадаптации непатологического характера и разделена на экспериментальную ($n = 41$) и контрольную ($n = 41$) группы. В экспериментальной группе были организованы занятия по развитию способностей к эмоционально-волевой саморегуляции (формирующий эксперимент).

Результаты исследования. Сравнительный анализ значений агрессивности и враждебности сотрудников полиции до и после проведения с ними эксперимента показал достоверные различия по трем показателям из девяти (33,33 %): самоагрессия, общий показатель агрессивности, враждебность. В значениях контрольной и экспериментальной групп при проведении констатирующего эксперимента достоверных различий не выявлено, после

эксперимента обнаружены статистически значимые различия в показателях: вербальная агрессия, эмоциональная агрессия, самоагрессия, общий показатель агрессивности, цинизм, агрессивность, враждебность.

Научная новизна исследования состоит в выявлении показателей проявления агрессивности и враждебности сотрудников полиции, испытывающих состояния нервно-психической дезадаптации, в уточнении роли способностей к эмоционально-волевой саморегуляции в профилактике агрессивности и враждебности, в определении параметров изменения интенсивности агрессивно-враждебных проявлений в процессе эксперимента.

Практическая значимость. Изменение показателей агрессивности и враждебности, выявленное в результате проведения формирующего эксперимента, свидетельствует об эффективности технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции и позволяет на этой основе разрабатывать авторские программы по управлению негативными эмоциями и осуществлять профилактику девиантного поведения сотрудников полиции.

Ключевые слова

агрессивность, враждебность, цинизм, эмоционально-волевая саморегуляция, сотрудник полиции

Для цитирования: Жидкова, О. А. (2022) Профилактика агрессивности и враждебности сотрудников полиции при помощи технологии развития способностей к эмоционально-волевой саморегуляции. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 262-276. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-262-276.

Original paper

Prevention of aggressiveness and hostility of police officers with the technology development abilities of emotional-volitional self-regulation

Olga A. Zhidkova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia)

olgingi@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5446-1772

Abstract

Introduction. Aggressiveness is one of the forms of manifestation of the personality deviations and is differentiated by the degree of intensity from its normal indicators to extreme ones. In the activities of police officers, aggressiveness acts as a defense mechanism, which often exceeds the limits of moderately protective reactions and reaches the level of extreme aggression, manifested as an inadequate response to the exposure of the environmental stimuli. Theoretical analysis of the phenomena of aggressiveness and hostility, as well as the peculiarities of their manifestation in the professional activities of police officers shows the propensity of employees to aggressive and hostile forms of behavior, characterized by stability and stereotypes, determined by both the emotions of fear and formed personality deformities, pathological properties of character. The need for self-control of emotional reactions and lack of competence in assessing the emotional states of others increases the risks of aggressiveness and deviant behavior of police officers and forms a type of destructive personality. For the sphere of professional activity this is a significant obstacle in ensuring its effectiveness and reliability. Prevention of aggressiveness and hostility requires the development and implementation of technology that ensures the development of negative affects regulation skills, emotional states and behavior.

The purpose of the study was to identify the degree of intensity of various indicators of aggressiveness and hostility of police officers, as well as to analyze their changes due to the application of the technology development abilities of emotional-volitional self-regulation.

Methodology, methods and techniques. A complex of empirical and mathematical methods was used in the analysis of changes in the aggression indicators. Empirical data were obtained with the following techniques: the scale of neuropsychic adaptation (J.N. Gurvich), the method «Types of aggressiveness» (L.G. Pochebut), the Cook-Medley Hostility Scale. Data processing was performed using a specialized software package IBM SPSS Statistics 23 and Microsoft Excel. The research used a comparative analysis of empirical data. A group of employees (n=82) with signs of neuropsychic maladaptation of a nonpathological nature was separated from the total sample of subjects (n=253) and divided into an experimental

(n=41) and a control group (n=41). In the experimental group, classes were organized for the development of abilities to emotional-volitional self-regulation (forming experiment).

Results and interpretation. A comparative analysis of the values of aggressiveness and hostility of police officers before and after the experiment showed reliable differences for 3 indicators out of 9 (33.33%): self-aggression, total aggressiveness index, and hostility. In the values of the control and experimental groups during the realization of the ascertaining experiment no reliable differences were revealed, after the experiment statistically significant differences in the indicators were found: verbal aggression, emotional aggression, self-aggression, total aggressiveness index, cynicism, aggressiveness, hostility.

Scientific novelty of the study lies in identifying the indicators of aggression and hostility of police officers experiencing states of neuropsychic maladaptation, in clarifying the role of abilities to emotional and volitional self-regulation in the prevention of aggression and hostility, in determining the parameters of changes in the intensity of aggressive and hostile manifestations in the experiment.

Practical Significance. The change in the indicators of aggressiveness and hostility, identified as a result of the forming experiment, indicates the effectiveness of the technology development abilities to emotional and volitional self-regulation and on this basis allows to develop author programs to manage negative emotions and implement the prevention of deviant behavior of police officers.

Keywords

aggressiveness, hostility, cynicism, emotional-volitional self-regulation, police officer

For citation: Zhidkova, O. A. (2022). Prevention of aggressiveness and hostility of police officers with the technology development abilities of emotional-volitional self-regulation *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 262-276. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-262-276.

Введение

Правоохранительная деятельность сотрудников полиции сопряжена с переживанием эмоционально напряженных состояний, сложных межличностных коммуникаций, требующих умений управления собственным настроением и поведением (Крук, Федотов, 2021; Bakker & Heuven, 2006; Hochschild, 2003; O'Neill & Cushing, 1991). Речь идет об осознании негативных эмоций и их рефлексивной регуляции, в противовес экспрессивному подавлению «нежелательных» эмоций. Чрезмерная регуляция «неудобных» эмоций с помощью избегания или подавления может привести к усилению негативного аффекта, так как препятствует когнитивной обработке информации (Гончарова, Попинако, 2020; Pennebaker & Susman, 1988). В условиях повышенных стрессовых нагрузок, обеспечивающих накопление негативных эмоций, экспрессивное подавление приводит к усилению враждебного поведения (Bryant & Zillmann, 1979). Когнитивные ресурсы, которые должны использоваться в важных процессах оценки и принятия решений, направлены в таком случае на преднамеренное подавление нежелательных эмоций. В результате ситуация оценивается как более угрожающая, чем реально существующая (Griffin & Bernard, 2003). В силу этого субъект стремится задействовать все ресурсы для минимизации возможных потерь, вплоть до проявления необоснованной агрессии. Агрессивное поведение реализуется субъектом при следующих условиях: ситуация оценивается им как угрожающая, субъект предрасположен к проявлению агрессии, когнитивная дисфункция не позволяет найти более конструктивные решения (Robertson et al., 2012).

Актуальность исследования агрессивного и враждебного поведения сотрудников полиции обусловлена сопряженными с таким поведением негативными явлениями, проявляющимися как во взаимодействии с коллегами (недоверие, раздражительность, оговоры, сплетни, принижение заслуг), так и в отношении к гражданам (подозрительность, цинизм, угрозы, необоснованное применение физической силы). В совокупности это снижает эффективность и качество правоохранительной деятельности, так как недоверие граждан к полицейским и проблемы во взаимоотношениях с коллегами создают помехи в реализации трудовых функций и обуславливают дезадаптивное поведение. Стрессовый характер деятельности полицейских в совокупности с неспособностью проводить когнитивную оценку стрессоров и адекватно на них реагировать увеличивает чувствительность к стрессорам, обеспечивая их восприятие в качестве угрозы и обуславливая повышенную агрессивность ответов (Griffin & Bernard, 2003). Неумение сдерживать собственные неадаптивные реакции провоцирует «состояния неуравновешенности и жестокого отношения к другим», что сказывается на эффективности выполняемой деятельности и «формирует модели поведения, определяемые высоким уровнем агрессивности и конфликтности в отношениях» (Гончарова, 2021). В связи с этим развитие способностей к эмоционально-волевой саморегуляции рассматривается нами как фактор, обеспечивающий адаптивное поведение субъекта труда при реализации им правоохранительной деятельности.

В целях профилактики агрессивного и враждебного поведения сотрудников полиции мы предлагаем орга-

низовать в период обучения профессии «Полицейский» специальный цикл занятий, обеспечивающий повышение компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции. Такой подход сделает возможным превентивное развитие способностей субъекта труда к самоконтролю агрессивных и враждебных проявлений.

”

Развитие способностей к эмоционально-волевой саморегуляции рассматривается нами как фактор, обеспечивающий адаптивное поведение субъекта труда при реализации им правоохранительной деятельности.

”

Анализ взглядов отечественных¹ (Рван, 2013) и зарубежных (Allen & Anderson, 2017; Anderson & Bushman, 2002; Berkowitz, 1993; Geen, 2001; Krahe, 2013; Pytel-Pandey, 2021; Richardson, 1994) исследователей на сущность понятия «агрессия» позволяет рассматривать ее как комплексный феномен, проявляющийся в мотивированном разрушительном поведении, в результате которого причиняется вред (ущерб) другому человеку или возникают отрицательные переживания, сопровождающиеся подавленностью настроения, страхом, напряженностью. Было установлено, что на агрессивное поведение людей влияет оценка ими поведения других людей с точки зрения справедливости их намерений (Huesmann et al., 1992).

Агрессия – одна из самых распространенных и разрушительных проблем, преследующих современное общество (Santos et al., 2019). Чаще всех в современном обществе встречается вербальная агрессия. Социальное пространство, обуславливающее возникновение

агрессивных высказываний, охватывает практически все общество, при этом вербальная агрессия может проявляться в виде неуважения к партнеру по диалогу (агрессивные высказывания), а может представлять собой недоброжелательный интерес к проблемам собеседника (интерес носит неискренний, враждебный характер) (Pytel-Pandey, 2021).

Проявление агрессии всегда детерминировано, а причины собственного агрессивного поведения могут быть как понятны субъекту, так и скрыты от него. Например, в сложных и трудных (фрустрирующих) ситуациях, вызывающих психическую напряженность, проявление агрессии может выступить в качестве способа психической разрядки. Речь идет о ситуации «нападения» на другого человека, обусловленного эмоциональным возбуждением и испытываемыми негативными эмоциями. В данном случае субъект может осознавать, что такое поведение нанесет вред не только объекту нападения, но и самому «агрессору». Факт осознания при этом не предотвращает реализацию агрессивного поведения. Здесь агрессия не направлена на достижение какой-либо осознаваемой выгоды для агрессора, она возникает как ответ на сильный негативный аффект и проявляется в виде побуждения ударить другого человека или разбить, разломать какую-нибудь вещь. Данный вид агрессии определяется как аффективная (Anderson et al., 1995; Berkowitz, 1998; Lindsay & Anderson, 2000), эмоциональная^{2,3}, гневная (Griffin & Bernard, 2003) или враждебная агрессия (Feshbach, 1984).

Агрессию следует отличать от агрессивности и враждебности. Агрессивность представляет собой свойство личности, выражающееся в готовности к агрессии и склонности интерпретировать поведение другого как враждебное (Рван, 2013). Агрессивность имеет различную степень выраженности: от почти полного отсутствия до ее предельного развития. Отсутствие агрессивности приводит к пассивности, зависимости и конформности, а чрезмерная ее выраженность – к социально опасным формам поведения (Buss & Durkee, 1957). Следует учитывать, что агрессивность человека не всегда проявляется в агрессивных действиях, так же как и не любая демонстрация агрессии детерминирована агрессивностью личности.

Враждебность можно описать как феномен, отражающий негативные чувства и негативные оценки людей и событий (Buss & Perry, 1992). Враждебность обусловлена негативной установкой и недружелюбием по отношению к другому человеку или группе лю-

¹ Почебут, Л. Г. (2012). *Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие*. Питер.

² Берковиц, Л. (2007). *Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии*. Прайм-ЕВРОЗНАК.

³ Почебут, Л. Г. (2012). *Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие*. Питер.

дей (Берковиц, 2007). А. Buss и А. Durkee предложили рассматривать обиду и подозрительность как проявления враждебности личности (Buss & Durkee, 1957). Е. П. Ильин определяет обиду как «эмоциональную реакцию на несправедливое отношение к себе..., когда задевается чувство собственного достоинства человека» (Ильин, 2001). Ю. М. Орлов определяет обиду как «болезненную эмоцию», которая является следствием выполнения трёх умственных операций: построение ожиданий, наблюдение реального поведения, сравнение (Орлов, 2004). Обида проявляется как реакция на несогласованность собственных ожиданий по отношению к другому человеку и его реальному поведению (Бельтюкова, 2019). Таким образом, обида представляет собой сложное чувство, включающее в себя переживание гнева по отношению к обидчику и жалость к себе в уже завершившейся ситуации. Подозрительность, в отличие от обиды, проявляется в ситуации, когда неблагоприятные действия со стороны другого лица отсутствуют, но в силу безосновательной недоверчивости и мнительности предвосхищаются субъектом. Диапазон проявления подозрительности довольно широк: от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред (Buss & Durkee, 1957).

S. Griffin и T. Bernard, исследовав проявление агрессии у полицейских, выяснили, что сотрудники полиции склонны переносить агрессию на видимые и уязвимые цели, что может проявляться в незаконном применении силы. В качестве выхода из данной ситуации они предложили обучать полицейских методам когнитивного структурирования и снижения стресса (Griffin & Bernard, 2003). V. Romosiou с коллегами установили, что организация с сотрудниками полиции групповых занятий по специально разработанной программе развивает навыки эмпатии, повышает устойчивость к стрессу и учит управлению эмоциями (Romosiou et al., 2018). В исследовании, проведенном M. Berking с группой ученых, было подтверждено, что сотрудников полиции можно обучить навыкам регулирования собственных эмоций (Berking et al., 2010).

Завершая обзор, следует отметить, что в литературных источниках повышенная агрессия и враждебность рассматриваются в качестве актуальной проблемы, препятствующей задаче реализации правоохранительной деятельности с минимальным ущербом для психического и физического здоровья личности. Речь идет об угрозах, оскорблениях, циничных высказываниях, подозрительности, мнительности, недоброжелательности, неправомерном применении физической силы в ситуациях, когда таких проявлений возможно избежать. В качестве решения данной проблемы ученые предлагают развивать способности к осознанной и рефлексивной регуляции эмоций, что способствует самоконтролю агрессии и других негативных аффектов

и выступает как фактор, обеспечивающий адаптивное поведение субъекта в эмоционально затрудненных ситуациях деятельности.

Методология, методы и материалы исследования

Для организации нашего исследования были обследованы сотрудники полиции, обучающиеся в Санкт-Петербургском университете МВД России по программам подготовки к профессиональной деятельности. Мы согласны с мнением Л. Г. Почебут, что адаптивное и агрессивное поведение относятся к характеристикам полюсного значения, определяющим индивидуальный стиль поведения в стрессовых ситуациях и особенности приспособления в социальной среде. Исходя из этого, из общей выборки численностью 253 человека (мужчины), были отобраны и разделены на две группы (экспериментальную и контрольную) 82 респондента, которые испытывают состояния нервно-психической дезадаптации непатологического характера (скрининговая процедура проведена по шкале НПА И. Н. Гурвича). Возраст испытуемых варьируется от 20 до 33 лет ($23,35 \pm 2,54$). Респонденты преимущественно имеют среднее специальное образование (52 человека – 63,4 %), полное среднее у 28,1 % (23 человека), высшее образование – только у 8,5 % (7 человек). Исследование проведено в период с сентября 2018 года по декабрь 2019 года. Стаж службы в должности составляет от 6 месяцев до 1 года.

Гипотезы исследования:

1. Сотрудников полиции уже на этапе обучения профессии «Полицейский» можно дифференцировать по уровню агрессивности и враждебности.
2. Показатели агрессивности и враждебности поддаются коррекции в результате применения технологии по развитию способностей к эмоционально-волевой саморегуляции.

Исследование предполагало использование комплекса теоретических (изучение и анализ психологической литературы по проблеме исследования, анализ и обобщение положений нормативных документов), эмпирических (тестирование, психологический эксперимент, метод качественного анализа эмпирических данных) и математических методов (сравнительный анализ, корреляционный анализ).

Значения агрессивности и враждебности измерялись надежными и валидными методиками: методика Л. Г. Почебут «Виды агрессивности», шкала диагностики враждебности Кука–Медлей.

При разработке своей методики Л. Г. Почебут опиралась на уже известную и доказавшую свою эффективность методику диагностики показателей и форм агрессии Басса–Дарки. Авторская методика «Виды агрессивности» была адаптирована на русскоязычной выборке и опубликована в 1995 году. 40 утверждений

методики сгруппированы в пять основных шкал, измеряющих разные формы проявления агрессии: вербальная агрессия, физическая агрессия, предметная агрессия, эмоциональная агрессия, самоагрессия. Математическая обработка результатов производится в соответствии с ключом способом простого подсчета баллов по каждой шкале. Полученные результаты оцениваются следующим образом: низкая степень агрессивности и высокая степень адаптированности при значении шкалы от 0 до 2 баллов; средняя степень агрессивности и адаптированности при сумме баллов от 3 до 4; высокая степень агрессивности и низкая степень адаптивности по шкале при сумме баллов 5 и выше. Автором предусмотрена возможность измерить интегративный показатель агрессивности (шкала «общий показатель агрессивности»), который вычисляется путем простого суммирования значений всех шкал. Выраженное адаптивное поведение характерно при показателе интегративной шкалы от 0 до 10 баллов. Средний уровень агрессивности, определяющий нестабильность характеристик адаптивного поведения, свойственен для респондентов, набравших от 11 до 19 баллов. При показателе интегративной шкалы свыше 20 баллов говорят о высоком уровне агрессивности поведения и низких адаптационных способностях личности.

Шкала диагностики враждебности Кука–Медлей (Cook–Medley Hostility Scale) разработана на основе соответствующей шкалы ММРІ в 1954 году У. Куком и Д. Медлей (W. W. Cook, D. M. Medley). Данная методика адаптирована Л. Н. Собчик на русскоязычной выборке. С помощью шкалы определяется предрасположенность к неявной агрессивной и враждебной манере поведения. В соответствии с инструкцией респонденты оценивают 27 утверждений по шкале от 1 до 6 баллов. Степень согласия с утверждениями имеет следующие значения: 6 – обычно, 5 – частично, 4 – ино-

гда, 3 – случайно, 2 – редко, 1 – никогда. Утверждения распределены по 3 шкалам: шкала цинизма, шкала агрессивности, шкала враждебности. Методика защищена от искажений, свойственных для самоотчета: большинство утверждений сформулированы таким образом, что испытуемый оценивает не себя, а других людей. Выраженность показателей шкал описывается в соответствии с установленным уровнем: высокий; средний (с тенденцией к высокому или к низкому); низкий. Числовое значение уровня индивидуально для каждой шкалы. Для шкалы цинизма установлены следующие значения: высокий (65 баллов и выше); средний с тенденцией к высокому (40–65 баллов); средний с тенденцией к низкому (25–40 баллов); низкий (25 баллов и ниже). Показатели шкалы агрессивности интерпретируются в соответствии со следующими значениями: высокий (45 баллов и выше); средний с тенденцией к высокому (30–45 баллов); средний с тенденцией к низкому (15–30 баллов); низкий (15 баллов и ниже). Враждебность оценивается исходя из следующих значений: высокий (25 баллов и выше); средний с тенденцией к высокому (18–25 баллов); средний с тенденцией к низкому (10–18 баллов); низкий (10 баллов и ниже).

Статистическая обработка и анализ исходных и промежуточных эмпирических данных производилась средствами компьютерного анализа данных IBM SPSS Statistics 23 и программы Excel.

Результаты исследования и их обсуждение

Диагностика различных форм проявления агрессии осуществлялась с помощью методики Л. Г. Почебут «Виды агрессивности» (таблица 1). Результаты диагностики свидетельствуют, что сотрудники полиции, испытывающие состояния нервно-психической дезадаптации непатологического характера, более склонны к проявлению различных форм агрессии. Достоверные различия выявлены по 5 из 6 шкал (83,33 %).

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей агрессивности сотрудников полиции с разным уровнем адаптации (методика Л. Г. Почебут)

Table 1. Comparative analysis of indicators of aggressiveness of police officers with different levels of adaptation (L. G. Pochebut's methodology)

№	Шкалы	Группа с оптимальной адаптацией M ± σ	Группа с непатологической дезадаптацией M ± σ	p ≤
1	Вербальная агрессия	2,75 ± 1,32	4,35 ± 1,22	0,001
2	Физическая агрессия	3,89 ± 1,27	4,93 ± 1,53	0,001
3	Предметная агрессия	1,94 ± 0,93	2,26 ± 1,24	-
4	Эмоциональная агрессия	1,48 ± 0,61	2,03 ± 0,87	0,001
5	Самоагрессия	1,66 ± 0,84	2,72 ± 1,23	0,001
6	Общий показатель агрессивности	11,68 ± 2,79	16,31 ± 4,56	0,001

Значения шкалы «вербальная агрессия» у группы с оптимальной адаптацией не достигли значения 3 баллов, что свидетельствует о низкой степени агрессивности и высокой степени адаптированности по данному типу поведения. В группе с непатологической дезадаптацией установлен средний уровень вербальной агрессии. Различия между группами достоверны при $p \leq 0,001$.

Физическая агрессия у респондентов двух групп на среднем уровне выраженности, причем значения группы с непатологической дезадаптацией максимально приближены к высокой степени агрессивности, что предполагает низкую степень адаптивности по анализируемой шкале. Различия между группами достоверны при $p \leq 0,001$. Данный результат отражает специфику профессиональной деятельности сотрудников полиции, где от субъекта труда требуется готовность применять физическую силу и оказывать правомерное психологическое воздействие на правонарушителей. Это позволяет в критической ситуации обеспечить личную безопасность и выполнить возложенные на сотрудника служебные обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

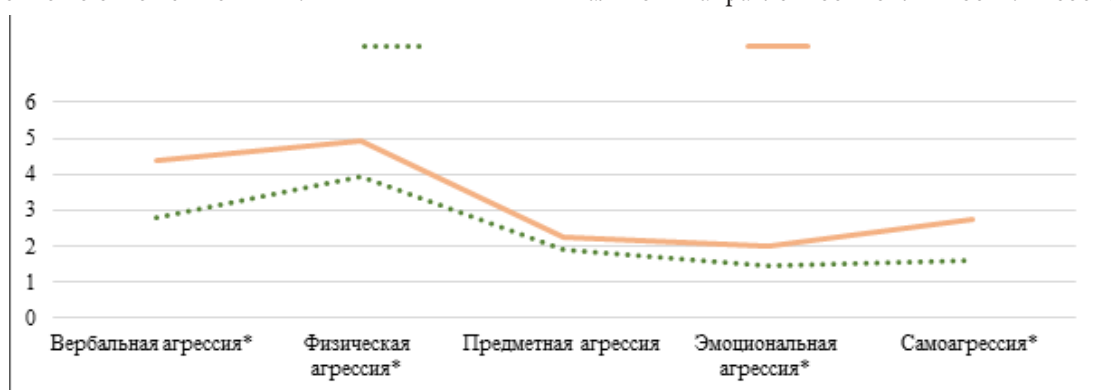
Установлена низкая степень выраженности предметной и эмоциональной агрессии сотрудников полиции: эмпирические данные двух групп не превышают установленных нормативных значений в 3 балла. По шкале «предметная агрессия» достоверных различий не выявлено. Обнаружены достоверные различия по шкале «эмоциональная агрессия», что свидетельствует о склонности сотрудников с непатологической дезадаптацией к эмоциональному отчуждению при общении с окружающими, сопровождаемому подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к ним.

Значения шкалы «самоагрессия» находятся в пределах низкой выраженности у респондентов двух групп, что свидетельствует о сформированном чувстве защищенности в окружающей агрессивной среде. Вместе с тем выявлены достоверно более высокие значения показателей по анализируемой шкале ($p \leq 0,001$) в группе с непатологической дезадаптацией, что обнаруживает ослабленность механизмов психологической защиты и уязвимость сотрудников.

Несмотря на то, что показатели по анализируемым шкалам относятся к одной степени выраженности агрессивности – низкой или средней (за исключением показателя «вербальная агрессия»), профиль агрессивного поведения респондентов группы с оптимальной адаптацией достоверно отличается от профиля поведения группы с непатологической дезадаптацией (рис. 1).

Представляют интерес результаты сравнительного анализа интегрального показателя агрессивности у респондентов двух групп: сумма баллов по шкале находится в установленных нормативных значениях от 11 до 24 баллов, что соответствует среднему уровню агрессивности и адаптированности. При этом установлены достоверные различия с высоким уровнем значимости ($p \leq 0,001$) в анализируемых показателях, что определяет предрасположенность респондентов с непатологической дезадаптацией к демонстрации превосходства в силе, а также готовность к проявлению агрессии. Полученные данные наглядно представлены на рис. 2.

Возможно, более высокие показатели агрессивности сотрудников полиции с непатологической дезадаптацией связаны со спецификой правоохранительной деятельности, реализуемой в системе «человек–человек», предполагающей повышенные стрессовые нагрузки в результате взаимодействия с гражданами с асоциальной направленностью личности. Необходимость

Примечание: «*» – достоверно значимые различия между группами

Рис. 1. Сравнение профилей агрессивного поведения сотрудников полиции (методика Л. Г. Почебут «Виды агрессивности»)

Fig. 1. Comparison of profiles of aggressive behavior of police officers (L.G. Pochebut's methodology «Types of aggressiveness»)

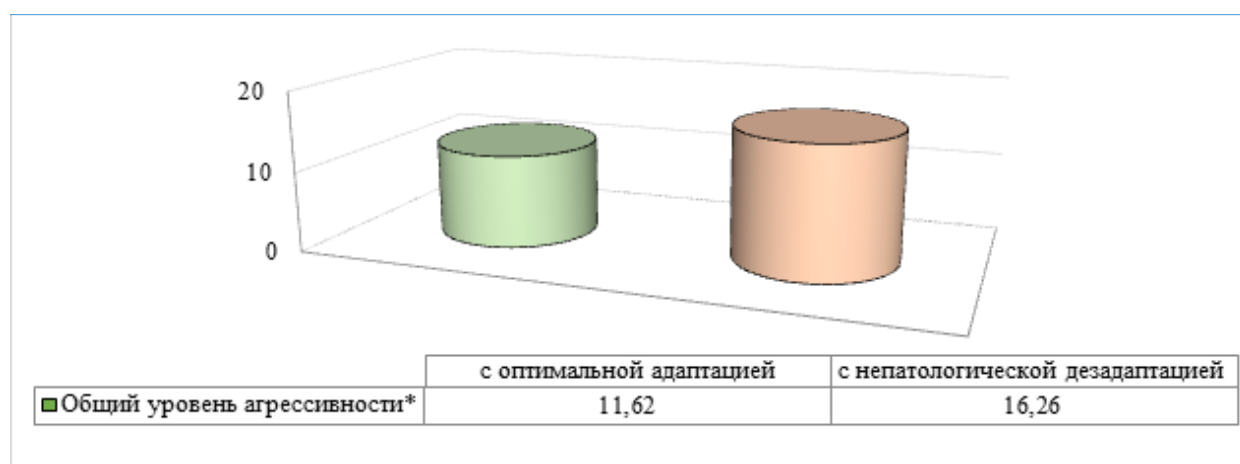

Рис. 2. Сравнение интегрального показателя агрессивности сотрудников полиции (методика Л.Г. Почебут «Виды агрессивности»)

Fig. 2. Comparison of the integral indicator of aggressiveness of police officers (L.G. Pochebut's methodology «Types of aggressiveness»)

решать оперативно-служебные задачи в условиях дефицита времени, придерживаться нормативно закреплённых рамок взаимодействия, не выходя при этом за пределы делового общения, может детерминировать у неподготовленного субъекта труда психическую напряжённость и переживания отрицательного характера. При достаточности психических ресурсов полицейский справляется со стрессовой нагрузкой деятельности и сохраняет рабочие параметры, в противном случае развиваются состояния нервно-психической дезадаптации.

Как отмечает М. М. Калашникова, «начинающие сотрудники более чувствительны к внутренним стрессорам, ... так как не обладают абсолютной уверенностью в том, что все внутренние механизмы, обеспечивающие оперативный результат, в нужный момент будут функционировать наиболее оптимально» (Калашникова, 2009). В подавляющем большинстве случаев в обстоятельствах угрозы происходит интуитивное обращение индивида к таким средствам саморегуляции,

которые позволяют оптимизировать функциональное состояние без больших временных и энергетических затрат. Одним из самых эффективных способов защиты выступает агрессивное поведение, которое является эволюционно готовым и доступным из числа реакций на реальную или мнимую опасность (Суворова, 2017). Однако такая форма поведения зачастую социально неприемлема и опасна, отклоняется от правовых норм и деструктивна для личности сотрудника правоохранительных органов. Непродуктивность реакции на раздражающее воздействие способствует возникновению стрессов, увеличению страхов, снижению самооценки и уверенности в себе, что может привести к скрытым и ошибкам в профессиональной деятельности. Поэтому самоконтроль и управление эмоциями для сотрудника полиции выступают значимыми профессиональными умениями и показателями компетентности в сфере эмоционально-волевой саморегуляции.

Диагностика враждебности осуществлялась с помощью опросника Кука-Медлей (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей враждебности сотрудников полиции с разным уровнем адаптации (шкала Кука-Медлей)

Table 2. Comparative analysis of indicators of hostility of police officers with different levels of adaptation (Cook-Medley scale)

№	Шкалы	Группа с оптимальной адаптацией M ± σ	Группа с непатологической дезадаптацией M ± σ	p ≤
1	Цинизм	49,77 ± 8,13	51,94 ± 8,37	0,07
2	Агрессивность	30,09 ± 5,99	33,42 ± 7,12	0,08
3	Враждебность	13,59 ± 3,57	17,49 ± 4,76	0,001

Респонденты двух групп продемонстрировали средний уровень цинизма с тенденцией к высокому, что отражает недоверие, которое свойственно сотрудникам полиции в отношении способности других людей совершать альтруистические поступки. Причины поведения окружающих объясняются неявными для наблюдающего корыстными намерениями или скрытыми отрицательными чертами характера. Различия по шкале между группами обнаружены на уровне тенденции ($p \leq 0,07$).

Показатель агрессивности (вторая шкала) также находится в пределах среднего уровня выраженности с тенденцией к высокому. Достоверных различий по шкале не выявлено, вместе с тем установлены различия на уровне тенденции ($p \leq 0,08$), что может проявляться в более агрессивном поведении «дезадаптированных» сотрудников при обострении конфликтных ситуаций.

Значения по шкале «враждебность» находятся в пределах средней степени выраженности с тенденцией к низкому, что может обнаруживаться в периодически возникающем неприязненным отношении к окружающим. По анализируемой шкале показатели сотрудников полиции с непатологической дезадаптацией достоверно выше ($p \leq 0,001$), что может характеризовать их склонность к негативным чувствам и оценкам окружающих людей и событий.

Эмпирическое подтверждение динамики показателей агрессивности и враждебности было реализовано путем проведения формирующего эксперимента с респондентами экспериментальной группы, в которую были включены сотрудники полиции с показателями нервно-психической дезадаптации непатологического характера (41 человек).

В табл. 3 представлены результаты сравнительного анализа показателей агрессии по методике «Виды агрессивности» (Л. Г. Почебут) респондентов до и по-

сле проведения с ними эксперимента. Согласно значениям, приведенным в таблице, показатели экспериментальной группы по шкалам «вербальная агрессия» и «физическая агрессия» претерпели изменения на уровне тенденции ($p \leq 0,07$, $p \leq 0,06$ соответственно), что позволяет предположить готовность к конструктивной реакции на средовые раздражители.

В значениях шкал «предметная агрессия» и «эмоциональная агрессия» достоверных различий не установлено.

Выявлено снижение показателя по шкале «самоагрессия» ($p \leq 0,01$), что свидетельствует о гармонизации личности и готовности к конструктивному разрешению внутриличностных конфликтов.

Установлено достоверное снижение ($p \leq 0,01$) общего уровня агрессивности, что подтверждает положительные изменения во взаимоотношениях и активизацию конструктивных реакций на средовые раздражители в результате применения технологии по развитию способностей к эмоционально-волевой саморегуляции. На рис. 3 представлено сравнение средних значений интегрального показателя агрессивности экспериментальной группы до и после эксперимента и контрольной группы.

Условные обозначения на рисунке: экспериментальная группа до эксперимента – «Эксп. гр. 1», экспериментальная группа после эксперимента – «Эксп. гр. 2», контрольная группа (первичная диагностика) – «Контр. гр. 1», контрольная группа (повторная диагностика) – «Контр. гр. 2». В показателях контрольной группы достоверных различий не выявлено.

Степень выраженности различных форм агрессии в результате проведения формирующего эксперимента не изменилась и осталась в пределах нормативно установленных значений: средний уровень выраженности вербальной и физической агрессии, низкий – предмет-

Таблица 3. Сравнительный анализ показателей агрессивности респондентов до и после эксперимента (методика Л. Г. Почебут)

Table 3. Comparative analysis of respondents' aggressiveness indicators before and after the experiment (L. G. Pochebut's method)

№	Шкалы	Экспериментальная группа (значения показателей)		p ≤
		до эксперимента M ± σ	после эксперимента M ± σ	
1	Вербальная агрессия	4,4 ± 1,20	3,93 ± 1,31	0,07
2	Физическая агрессия	4,92 ± 1,55	4,34 ± 1,32	0,06
3	Предметная агрессия	2,23 ± 1,01	1,91 ± 0,87	0,13
4	Эмоциональная агрессия	2,01 ± 0,84	1,75 ± 0,72	0,12
5	Самоагрессия	2,67 ± 1,05	2,13 ± 0,86	0,01
6	Общий показатель агрессивности	16,21 ± 4,23	13,96 ± 3,61	0,01

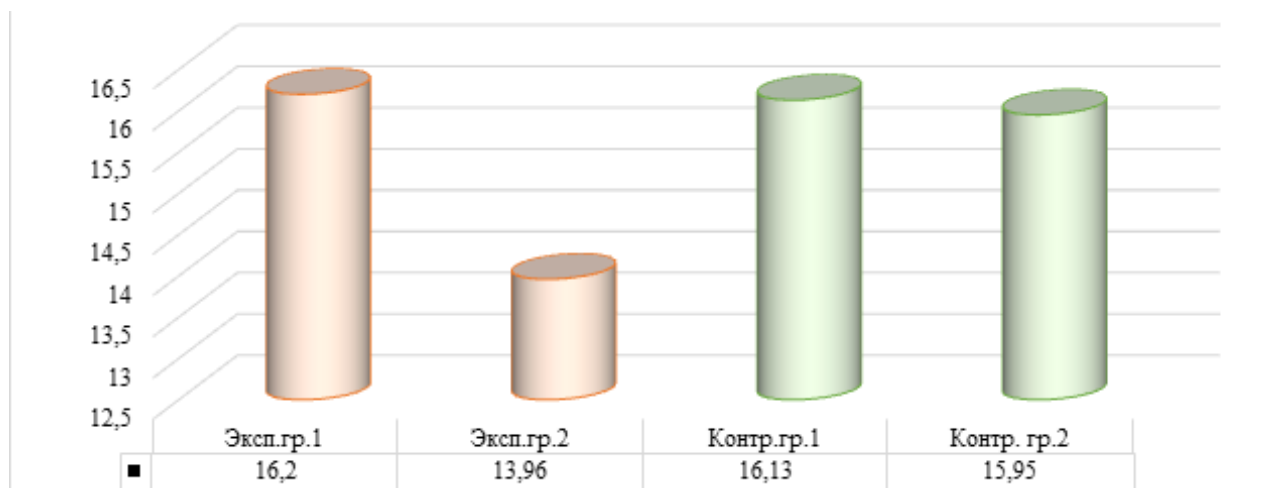

Рис. 3. Сравнение общего уровня агрессивности контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента (методика Л. Г. Почебут «Виды агрессивности»)

Fig. 3. Comparison of the general level of aggressiveness of the control and experimental groups before and after the experiment (L. G. Pochebut's method «Types of aggressiveness»)

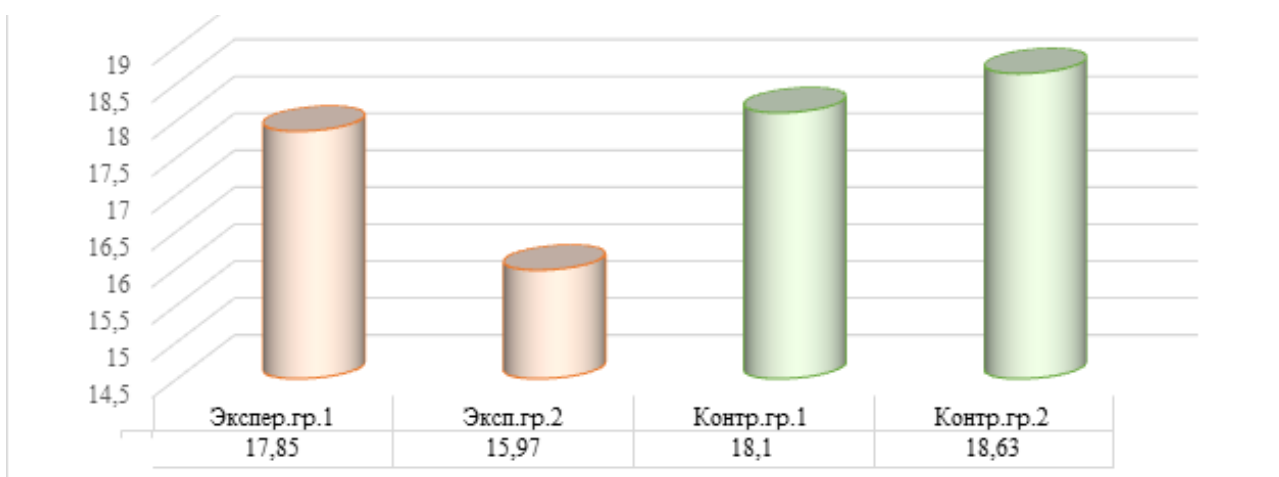

Рис. 4. Сравнение показателей враждебности контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента (Шкала диагностики враждебности Кука-Медлей)

Fig. 4. Comparison of the hostility indicators of the control and experimental groups before and after the experiment (Cook-Medley Hostility Diagnostic Scale)

ной, эмоциональной агрессии и самоагрессии. Значения общего показателя агрессивности соответствуют среднему уровню агрессивности, что отражает сохранность рисков дезадаптации в процессе интеграции личности в профессиональную среду.

Достоверно снизились показатели враждебности ($p \leq 0,05$), что подтверждается данными, полученными в результате обследования респондентов с помощью шкалы Кука-Медлей. Полученные результаты нагляд-

но представлены на рис. 4. Достоверных различий в показателях контрольной группы не выявлено.

Снижение показателей по шкале «враждебность» может свидетельствовать о готовности сотрудников, принявших участие в формирующем эксперименте, занимать более конструктивную позицию по отношению к окружающим людям и происходящим событиям. В значениях шкал «цинизм» и «агрессивность» разли-

$p \leq 0,07$). Результаты диагностики по шкале Кука–Медлей представлены в табл. 4.

Сравнительный анализ значений, полученных в результате повторной диагностики агрессивности и враждебности респондентов экспериментальной и контрольной групп, позволил выявить достоверные различия по ряду показателей. В табл. 5 представлены результаты обследования респондентов по методике Л. Г. Почебут и шкале Кука–Медлей.

Как следует из табл. 5, установлены достоверные различия по четырем из шести шкал методики Л. Г. Почебут (66,67 % от общего числа показателей): «вербальная агрессия» ($p \leq 0,01$), «эмоциональная агрессия» ($p \leq 0,01$), «самоагрессия» ($p \leq 0,05$), общий показате-

ль агрессивности ($p \leq 0,01$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что профиль агрессивного поведения респондентов экспериментальной группы после проведения с ними формирующего поведения достоверно отличается от профиля агрессивного поведения контрольной группы, построенного в результате анализа показателей агрессивности, полученных при повторной диагностике. На рис. 5 представлены профили агрессивного поведения экспериментальной и контрольной групп до и после эксперимента.

По опроснику Кука–Медлей показатели экспериментальной группы также достоверно ниже: «цинизм» ($p \leq 0,01$), «агрессивность» ($p \leq 0,01$), «враждебность» ($p \leq 0,001$).

Таблица 4. Сравнительный анализ показателей враждебности респондентов до и после эксперимента (шкала Кука–Медлей)

Table 4. Comparative analysis of respondents' hostility indicators before and after the experiment (Cook–Medley scale)

№	Шкалы	Экспериментальная группа (значения показателей)		$p \leq$
		до эксперимента $M \pm \sigma$	после эксперимента $M \pm \sigma$	
1	Цинизм	52,62 ± 8,82	49,1 ± 8,02	0,06
2	Агрессивность	34,26 ± 6,63	31,55 ± 6,37	0,07
3	Враждебность	17,85 ± 4,11	15,97 ± 3,34	0,05

Таблица 5. Сравнительный анализ показателей враждебности и агрессивности респондентов контрольной и экспериментальной групп (повторная диагностика)

Table 5. Comparative analysis of indicators of hostility and aggression of respondents in the control and experimental groups (repeated diagnosis)

№	Шкалы	Экспериментальная группа $M \pm \sigma$	Контрольная группа $M \pm \sigma$	$p \leq$
Тест агрессивности (методика Л.Г. Почебут)				
1	Вербальная агрессия	3,93 ± 1,31	4,52 ± 0,63	0,01
2	Физическая агрессия	4,34 ± 1,32	4,58 ± 1,01	0,32
3	Предметная агрессия	1,91 ± 0,87	2,21 ± 0,77	0,13
4	Эмоциональная агрессия	1,75 ± 0,72	2,16 ± 0,67	0,01
5	Самоагрессия	2,13 ± 0,86	2,51 ± 0,76	0,05
6	Общий показатель агрессивности	13,96 ± 3,61	15,95 ± 1,64	0,01
Диагностика враждебности (шкала Кука–Медлей)				
1	Цинизм	49,1 ± 8,02	53,02 ± 5,97	0,01
2	Агрессивность	31,55 ± 6,37	34,78 ± 4,68	0,01
3	Враждебность	15,97 ± 3,34	18,63 ± 3,14	0,001

Рис. 5. Профиль агрессивного поведения контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента (методика Л. Г. Почебут «Виды агрессивности»)

Fig. 5. The profile of aggressive behavior of the control and experimental groups before and after the experiment (L. G. Pochebut's method «Types of aggressiveness»)

Выводы

Теоретический анализ литературы позволяет рассматривать агрессивное и враждебное поведение полицейских как системную проблему, требующую внимательного отношения и комплексного научного исследования. Причиняемые гражданам в результате неконтролируемой агрессии физические и нравственные страдания противоречат основным принципам деятельности полиции и обуславливают необходимость поиска путей для решения задачи конструктивного управления негативными аффектами. В качестве фактора, обеспечивающего адаптивное поведение субъекта в эмоционально затрудненных ситуациях деятельности, можно рассматривать самоконтроль агрессии, основанный на развитой способности субъекта правоохранительной деятельности к эмоционально-волевой саморегуляции.

Сравнительное исследование средних оценок показателей агрессивности (методика Л. Г. Почебут) в результате констатирующего эксперимента позволило выявить достоверно более высокие ($p \leq 0,001$) значения показателей сотрудников с нервно-психической дезадаптацией непатологического характера по следующим шкалам: вербальная агрессия, физическая агрессия, эмоциональная агрессия, самоагрессия, общий показатель агрессивности. Показатель «враждебность» (шкала Кука–Медлей) также достоверно выше ($p \leq 0,001$) и находится в пределах средней степени выраженности, что отражает неприязненное отношение к окружающим и негативную оценку людей и событий.

Достоверное снижение ($p \leq 0,01$) значений показателей сотрудников полиции после проведения с ними

формирующего эксперимента по шкалам «самоагрессия» и «общий показатель агрессивности» (методика Л. Г. Почебут), а также по шкале «враждебность» ($p \leq 0,05$, опросник Кука–Медлей), свидетельствует об отрицательной динамике показателей агрессивности и враждебности и подтверждает эффективность технологии по развитию способностей к эмоционально-волевой саморегуляции. Это подкрепляется данными, полученными в результате сравнительного анализа показателей контрольной и экспериментальной групп: до эксперимента статистически значимых различий между группами не выявлено, после эксперимента различия достоверны по четырем шкалам методики Л. Г. Почебут: вербальная агрессия ($p \leq 0,01$), эмоциональная агрессия ($p \leq 0,01$), самоагрессия ($p \leq 0,05$), общий показатель агрессивности ($p \leq 0,01$), и по всем показателям шкалы враждебности Кука–Медлей: цинизм ($p \leq 0,01$), агрессивность ($p \leq 0,01$), враждебность ($p \leq 0,001$).

Практические рекомендации

Статистически значимые различия в значениях, установленные в результате проведения формирующего эксперимента, подтверждают снижение агрессивности и враждебности сотрудников полиции, что свидетельствует о необходимости целенаправленно развивать их способности к эмоционально-волевой саморегуляции. Полученные результаты могут учитываться при организации психологической работы с сотрудниками и разработке авторских программ по управлению негативными эмоциями.

Список литературы

- Бельтюкова, А. В. (2019). Понятие обидчивости: природа возникновения, особенности проявления. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 29 (3), 262-267.
- Бэрн, Р., Ричардсон, Д. (2001). *Агрессия*. Санкт-Петербург: Питер.
- Гончарова, Н. А., Попинако, Е. А. (2020). Анализ доминирующих состояний личности в прогнозе адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. *Прикладная юридическая психология*, 2(51), 41–50. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).041-050](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).041-050)
- Гончарова, Н. А. (2021). Влияние изменений методов управления персоналом на проявления агрессивности и конфликтности сотрудников. *Modern Science*, 1-1, 372-375.
- Ильин, Е. П. (2001). *Эмоции и чувства*. Санкт-Петербург: Питер.
- Калашникова, М. М. (2009). *Развитие стрессоустойчивости сотрудников оперативного состава МВД*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань.
- Крук, В. М., Федотов, А. Ю. (2021). Психологические особенности овладения специалистом технологией саморегуляции в рамках обеспечения профессиональной надежности. *Психология обучения*, 2, 47-54.
- Орлов, Ю. М. (2004). *Обида. Вина*. Москва: Слайдинг.
- Реан, А. А. (2013). *Психология личности*. Санкт-Петербург: Питер.
- Суворова, О. В., Сорокоумова, С. Н., Фрундина, М. Н. (2017). Личностные детерминанты эмпатии и агрессии современных подростков. *Проблемы современного педагогического образования*, 56-3, 337-346.
- Allen, J. J., & Anderson, C. A. (2017). Aggression and violence: Definitions and distinctions. In P. Sturmey (Ed.), *The wiley handbook of violence and aggression* (pp. 4–16). UK: John Wiley & Sons.
- Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2002). Human aggression. *Annual Review of Psychology*, 53, 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
- Anderson, C. A., Deuser, W. E., & DeNeve, K. M. (1995). Hot temperatures, hostile affect, hostile cognition, and arousal: Tests of a general model of affective aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 434-448.
- Bakker, A. B., & Heuven, E. (2006). Emotional dissonance, burnout, and in-role performance among nurses and police officers. *International Journal of Stress Management*, 13(4), 423–440. <https://doi.org/10.1037/1072-5245.13.4.423>
- Berking, M., Meier, C., & Wupperman, P. (2010). Enhancing Emotion-Regulation Skills in Police Officers: Results of a Pilot Controlled Study. *Behavior therapy*, 41 (3). 329-339. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2009.08.001>
- Berkowitz, L. (1993). *Aggression: Its causes, consequences, and control*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Berkowitz, L. (1998). Affective aggression: The role of stress, pain, and negative affect. In R. G. Geen & E. Donnerstein (Eds.), *Human aggression: Theories, research, and implications for social policy* (pp. 49-72). San Diego, CA: Academic Press.
- Bryant, J., & Zillmann, D. (1979). Effect of intensification of annoyance through unrelated residual excitation on substantially delayed hostile behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 15, 470-480.
- Buss, A. H., & Durkee, A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 21 (4), 343–349. <https://doi.org/10.1037/h0046900>
- Buss, A. H., & Perry, M. (1992). The aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 452-459.
- Geen, R. G. (2001). *Human aggression* (2nd ed.). Buckingham, UK: Open University Press.
- Griffin, S., & Bernard, Th. (2003). Angry Aggression Among Police Officers. *Police Quarterly*, 6. 3-21. <https://doi.org/10.1177/1098611102250365>
- Hochschild, A. R. (2003). *The managed heart: Commercialization of human feeling* (20th ed.). Berkeley, CA: University of California Press.
- Huesmann, L. R., Guerra, N. G., Miller, L. S., & Zelli, A. (1992). The Role of Social Norms in the Development of Aggressive Behavior. In: A. Fraczek, H. Zumkley (Eds.), *Socialization and Aggression*. Recent Research in Psychology. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-84653-3_9
- Krahe, B. (2013). *The social psychology of aggression* (2nd ed.). New York, NY: Psychology Press.
- Lindsay, J. J., & Anderson, C. A. (2000). From antecedent conditions to violent actions: A general affective aggression model. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26, 533-547.
- O'Neill, J. L., & Cushing, M. A. (1991). *The impact of shift work on police officers*. Washington, D.C.: Police Executive Research Forum.
- Pennebaker, J. W., Susman, J. R. (1988). Disclosure of traumas and psychosomatic. *Social Science & Medicine*, 26(3), 327-332.
- Pytel-Pandey, D. (2021). Agresja językowa wyrażona dyrektywnymi aktami mowy (żądania). *Slavica Wratislaviensia*, 174, 151-161. <https://doi.org/10.19195/0137-1150.174.12>
- Richardson, D. R. (1994). *Human aggression*. New York; London: Plenum press, Cop. Perspectives in social psychology.
- Robertson, T., Daffern, M., & Bucks, R. (2012). Emotion regulation and aggression. *Aggression and Violent Behavior*, 17, 72-82. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.09.006>

- Romosiou, V., Brouzos, A., & Vassilopoulos, S. P. (2018). An integrative group intervention for the enhancement of emotional intelligence, empathy, resilience and stress management among police officers. *Police Practice and Research*, 20 (5), 460-478. <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1537847>
- Santos, D., Briñol, P., Petty, R. E., Gandarillas, B., & Mateos, R. (2019). Trait aggressiveness predicting aggressive behavior: The moderating role of meta-cognitive certainty. *Aggressive Behavior*, 45 (3), 255-264. <https://doi.org/10.1002/ab.21815>

References

- Bel'tyukova, A. V. (2019). Ponyatie obidchivosti: priroda vozniknoveniya, osobennosti proyavleniya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*, 29 (3), 262-267.
- Beron, R., Richardson, D. (2001). *Agressiya*. Saint Petersburg: Piter.
- Goncharova, N. A. Popinako, E. A. (2020). Analiz dominiruyushchih sostoyanij lichnosti v prognoze adaptacii k professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2(51), 41-50. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).041-050](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).041-050)
- Goncharova, N. A. (2021). Vliyanie izmenenij metodov upravleniya personalom na proyavleniya agressivnosti i konflikt-nosti sotrudnikov. *Modern Science*, 1-1, 372-375.
- Il'in, E. P. (2001). *Emocii i chuvstva*. Saint Petersburg: Piter.
- Kalashnikova, M. M. (2009). *Razvitie stressoustojchivosti sotrudnikov operativnogo sostava MVD: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk*. Kazan'.
- Kruk, V. M., Fedotov, A. Yu. (2021). Psihologicheskie osobennosti ovladeniya specialistom tekhnologiej samoregulyacii v ramkah obespecheniya professional'noj nadezhnosti. *Psihologiya obucheniya*, 2, 47-54.
- Orlov, Yu. M. (2004). *Obida. Vina*. Moscow: Slajding.
- Rean, A. A. (2013). *Psihologiya lichnosti*. Saint Petersburg: Piter.
- Suvorova, O. V., Sorokoumova, S. N., Frundina, M. N. (2017). Lichnostnye determinanty empatii i agressii sovremennyh podrostkov. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 56-3, 337-346.
- Allen, J. J., & Anderson, C. A. (2017). Aggression and violence: Definitions and distinctions. In P. Sturme (Ed.), *The wiley handbook of violence and aggression* (pp. 4-16). UK: John Wiley & Sons.
- Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2002). Human aggression. *Annual Review of Psychology*, 53, 27-51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
- Anderson, C. A., Deuser, W. E., & DeNeve, K. M. (1995). Hot temperatures, hostile affect, hostile cognition, and arousal: Tests of a general model of affective aggression. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 434-448.
- Bakker, A. B., & Heuven, E. (2006). Emotional dissonance, burnout, and in-role performance among nurses and police officers. *International Journal of Stress Management*, 13(4), 423-440. <https://doi.org/10.1037/1072-5245.13.4.423>
- Berking, M., Meier, C., & Wupperman, P. (2010). Enhancing Emotion-Regulation Skills in Police Officers: Results of a Pilot Controlled Study. *Behavior therapy*, 41 (3). 329-339. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2009.08.001>
- Berkowitz, L. (1993). *Aggression: Its causes, consequences, and control*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Berkowitz, L. (1998). Affective aggression: The role of stress, pain, and negative affect. In R. G. Geen & E. Donnerstein (Eds.), *Human aggression: Theories, research, and implications for social policy* (pp. 49-72). San Diego, CA: Academic Press.
- Bryant, J., & Zillmann, D. (1979). Effect of intensification of annoyance through unrelated residual excitation on substantially delayed hostile behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 15, 470-480.
- Buss, A. H., & Durkee, A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 21 (4), 343-349. <https://doi.org/10.1037/h0046900>
- Buss, A. H., & Perry, M. (1992). The aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 452-459.
- Geen, R. G. (2001). *Human aggression* (2nd ed.). Buckingham, UK: Open University Press.
- Griffin, S., & Bernard, Th. (2003). Angry Aggression Among Police Officers. *Police Quarterly*, 6. 3-21. <https://doi.org/10.1177/1098611102250365>
- Hochschild, A. R. (2003). *The managed heart: Commercialization of human feeling* (20th ed.). Berkeley, CA: University of California Press.
- Huesmann, L. R., Guerra, N. G., Miller, L. S., & Zelli, A. (1992). The Role of Social Norms in the Development of Aggressive Behavior. In: A. Fraczek, H. Zumkley (Eds.), *Socialization and Aggression*. Recent Research in Psychology. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-84653-3_9
- Krahe, B. (2013). *The social psychology of aggression* (2nd ed.). New York, NY: Psychology Press.
- Lindsay, J. J., & Anderson, C. A. (2000). From antecedent conditions to violent actions: A general affective aggression model. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26, 533-547.

- O'Neill, J. L., & Cushing, M. A. (1991). *The impact of shift work on police officers*. Washington, D.C.: Police Executive Research Forum.
- Pennebaker, J. W., Susman, J. R. (1988). Disclosure of traumas and psychosomatic. *Social Science & Medicine*, 26(3), 327-332.
- Pytel-Pandey, D. (2021). Agresja językowa wyrażona dyrektywnymi aktami mowy (żądania). *Slavica Wratislaviensia*, 174, 151-161. <https://doi.org/10.19195/0137-1150.174.12>
- Richardson, D. R. (1994). *Human aggression*. New York; London: Plenum press, Cop. Perspectives in social psychology.
- Roberton, T., Daffern, M., & Bucks, R. (2012). Emotion regulation and aggression. *Aggression and Violent Behavior*, 17, 72-82. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.09.006>
- Romosiou, V., Brouzos, A., & Vassilopoulos, S. P. (2018). An integrative group intervention for the enhancement of emotional intelligence, empathy, resilience and stress management among police officers. *Police Practice and Research*, 20 (5), 460-478. <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1537847>
- Santos, D., Briñol, P., Petty, R. E., Gandarillas, B., & Mateos, R. (2019). Trait aggressiveness predicting aggressive behavior: The moderating role of meta-cognitive certainty. *Aggressive Behavior*, 45 (3), 255–264. <https://doi.org/10.1002/ab.21815>

Информация об авторе:

Ольга Александровна Жидкова – старший преподаватель кафедры юридической психологии.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.06.2022

Одобрена после рецензирования 01.08.2022

Опубликована 29.10.2022

About the author:

Olga A. Zhidkova – senior lecturer of the Department of Legal Psychology.
The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 9, 2022

Approved after reviewing August 8, 2022

Accepted October 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9.072:316.6

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287

Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования

**Кирилл Витальевич
Злоказов**

Санкт-Петербургский
университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

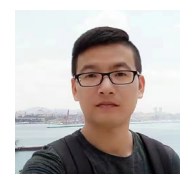
ORCID: 0000-0002-0664-8444

**Роман Юрьевич
Порозов**

Уральский государственный
педагогический университет,
Институт психологии
(Екатеринбург, Россия)
r.porozov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1932-1624

Хуан Тяньдэ

Институт европейских языков
и культур Гуандунского
университета иностранных языков
и международной торговли
(Гуанчжоу, Китай)
tiande-88@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4697-6426

Аннотация

Введение. Понимание оснований правопослушного поведения молодежи является социально значимым, но при этом недостаточно изученным предметом исследования. Знание психологических причин правопослушного поведения важно для осуществления профилактической и превентивной работы с девиантной молодежью и социализации подрастающего поколения. Современные научные представления не обладают достаточной информацией о роли всей системы отношений субъекта с социальным окружением в мотивации правопослушного поведения, сосредоточившись на изучении роли конкретных его участников – членов семьи, родственников, друзей и коллег. **Целью** исследования является изучение отношений с социальным окружением как мотива правопослушного поведения. Для этого в исследовании выполняется кросс-культурная оценка данных отношений в выборках китайской и российской молодежи.

Методология, методы и методики. Методологической основой исследования выступает социально-сетевой подход к изучению социального окружения. Данный подход позволяет описывать социальное окружение в качестве квазисоциальной группы, основанием (центром) которой является субъект, а остальные участники связаны с ним социальными и психологическими отношениями. Применение этого подхода раскрывает значение социального окружения как мотива правопослушного поведения, показывая влияние отношений с социальным окружением на готовность к правонарушающему поведению.

Стратегией исследования выступает кросс-культурное исследование. Методом сбора информации являются анкета, изучающая характеристики социальных отношений и мотивы правопослушного поведения, а также стандартизированный самоотчет, измеряющий субъективные характеристики взаимодействия.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, непараметрическая альтернатива однофакторного дисперсионного анализа – Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Выборка исследования: 100 человек, состояла из русских (50 человек) и китайских (50 человек) студентов, эквивалентных по возрасту и полу.

Результаты: определены характеристики социального окружения, влияющие на правопослушное поведение и составляющие мотивацию: (1) Параметры организации социального окружения (объем, гомогенность, трудности

взаимодействия) в пределах средних (типовых) значений не влияют на правопослушное поведение молодежи; (2) Самооценка взаимодействия с социальным окружением усиливает мотивацию правопослушного поведения для русской молодежи; (3) Социальная поддержка со стороны лиц, входящих в социальное окружение, усиливает мотивацию правопослушного поведения в русской и китайской выборках; (4) Система мотивов правопослушного поведения может быть представлена в виде эмоциональных, социальных, персональных и рациональных мотивов, формируемых под влиянием социального окружения.

Научная новизна. Полученные данные расширяют представление о мотивирующей роли отношений с социальным окружением, показывая, что помощь и поддержка окружающих, а также самооценка взаимодействия с социальным окружением усиливает мотивацию правопослушного поведения.

Практическая значимость. Представленная классификация мотивов правопослушного поведения может использоваться для разработки процедур измерения и оценки готовности молодежи к соблюдению правовых норм.

Ключевые слова

правопослушное поведение, правосознание, социальный контроль, социальные отношения, социальная поддержка, самооценка взаимодействия

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00415.

Для цитирования: Злоказов, К. В., Порозов, Р. Ю., Тяньдэ, Х. (2022). Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 277-287. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287.

Original paper

Relations with the social environment as a driving force for the law-abiding behavior of young people: cross-cultural research experience

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Roman Yu. Porozov

Ural State Pedagogical University,
Institute of Psychology
(Yekaterinburg, Russia)
r.porozov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1932-1624

Huang Tiande

Institute of European Languages
and Cultures, Guangdong University
of Foreign Studies (Guangzhou, China)
tiande-88@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4697-6426

Abstract

Introduction. Understanding the grounds of the law-abiding behavior of young people is a socially significant, but poorly studied research domain. Knowledge of the psychological causes of law-abiding behavior is important for the implementation of preventive work with deviant youth and the socialization of the younger generation. Contemporary scientific ideas do not have sufficient information about the role of the entire system of relations of the subject with the social environment for the motivation of law-abiding behavior, focusing on the study of the role of its specific participants - family members, relatives, friends and colleagues. The study is **focused** on the relations with the social environment as a motive for law-abiding behavior. For this purpose, the study performs a cross-cultural assessment of these relationships in Chinese and Russian youth samples.

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the study is the social network approach to the social environment studies. This approach makes it possible to describe the social environment as a quasi-social group, the basis (center) of which is the subject, while the rest of the participants are connected to the subject through social and psychological relations. Application of this approach reveals the significance of the social environment as a motive for law-abiding behavior, showing the effect of relations with the social environment on delinquent behavior readiness.

Cross-cultural studies represent the **research strategy**. Information collecting method is a questionnaire analyzing the social relations and the motives of law-abiding behavior, as well as a standardized self-report measuring the subjective interaction features.

Results processing method: descriptive statistics, non-parametric alternative to one-way analysis of variance - Kruskal-Wallis H-test.

Survey sample: 100 people, consisted of Russian (50 people) and Chinese (50 people) students, of the similar age and gender.

Results: the social environment features have been determined affecting law-abiding behavior and making up motivation: (1) Social environment parameters (volume, homogeneity, interaction difficulties) within the average (standard) values do not affect the law-abiding behavior of young people; (2) Self-assessment of interaction with the social environment enhances the motivation for law-abiding behavior for Russian youth; (3) Social support from individuals in the social environment enhances the motivation for law-abiding behavior in the Russian and Chinese sampling; (4) The system of motives for law-abiding behavior can be represented as emotional, social, personal and rational motives developed under the social environment influence.

Scientific Novelty. The data obtained expand the understanding of the motivating role of relationships with the social environment, showing that the help and support of others, as well as self-assessment of interaction with the social environment, enhances the law-abiding behavior motivation.

Practical Significance. The represented classification of the motives of law-abiding behavior can be applied to develop procedures for measuring and evaluating the readiness of young people to comply with legal standards.

Keywords

law-abiding behavior, legal awareness, social monitoring, social relations, social support, self-assessment of interaction

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project № 20-012-00415.

For citation: Zlokazov, K. V., Porozov, R. Yu., Tiande, H. (2022). Relations with the social environment as a driving force for the law-abiding behavior of young people: cross-cultural research experience. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 277-287. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287.

Актуальность

Изучение оснований правопослушного поведения подрастающего поколения имеет высокую общественную значимость. Их раскрытие повышает эффективность программ декриминализации подростков и молодежи и в целом совершенствует воспитательную деятельность образовательных организаций по формированию правового отношения и правосознания. Среди данных оснований особое значение имеет выявление мотивации правопослушного поведения – совокупности причин, объясняющих приверженность закону и соблюдение молодежью правовых норм.

Современные представления о мотивах правопослушного поведения весьма разнородны, что выражается в широком спектре факторов и условий, рассматриваемых в качестве таковых мотивов. В настоящее время к предпосылкам правопослушного поведения относят индивидуальные психологические особенности личности (Кириллова, Шестаков, 2018). Об этом говорят исследования девиантной и делинквентной молодежи, в которых обсуждаются недостатки механизмов психологической регуляции социального поведения. Наряду с личностными образованиями акцентируется внимание на социальном окружении молодежи, в частности, описывается влияние девиантной и криминальной субкультур, маргинальных сообществ и групп, а также противоправно ориентированных референтных лиц (Разумова, 2007; Akers, 2009; Kreager et al., 2016; McGloin, 2009).

Предметная область нашего исследования ограничена отношениями субъекта с социальным окружением. Определяя социальное окружение как совокупность связей между субъектом и другими людьми, мы рассматриваем его в виде целостной и стабильной социально-психологической общности. Данная социальная общность является квазисоциальной группой, лидером (ядром) которой выступает субъект, а участниками – люди, с которыми установлено взаимодействие и сформированы межличностные отношения.

Цель исследования предполагает изучение характеристик социального окружения, влияющих на мотивацию правопослушного поведения.

Отметим, что отношения с социальным окружением изучаются в выборках русской и китайской молодежи. За счет кросс-культурной специфики уточняется социально-психологический контекст данных отношений, определяющий мотивы соблюдения правовых норм. Исследование базируется на предположении о существовании сходства в мотивах правопослушного поведения российской и китайской молодежи, обусловленных отношениями с социальным окружением.

Проверка этой гипотезы расширяет представления о роли отношений с окружающими в качестве регулятора правопослушного поведения и расширяет понимание российской и китайской культур социальных отношений, формирующих правовое поведение.

Структура статьи соответствует идее исследования и его этапам. В начале обсуждаются теоретические

представления о влиянии социального окружения на правопослушное поведение, формируются эмпирические гипотезы. Далее описываются методы и процедура их верификации, а также полученные результаты и выводы. В завершении статьи обсуждаются перспективы дальнейшего изучения социальных отношений молодежи с окружающими их людьми в контексте регуляции правового поведения.

Социальное окружение в ряде мотивов правопослушного поведения

В психолого-педагогических исследованиях мотивация правопослушного поведения описывается в контексте осознания человеком правовых норм – правосознания. Правосознание рассматривается сложным структурным образованием сознания, заключающим в себе правовые знания, отношение к правовым нормам и самоотношение к себе как субъекту правового поведения (Муслумов, 2019). Правосознание формируется под влиянием обучения и воспитания, однако включает в себя и субъективное отношение человека, отражающее его индивидуальный опыт, накопленный в процессе жизни. Психосоциальная природа правосознания выражается в динамичности его содержания.

Знание правовых норм, установки и отношение к их соблюдению изменяются в зависимости от социальных и индивидуальных факторов. Наиболее заметные изменения вызваны зависимостью правового поведения человека от социальных факторов. Как показывают криминологические исследования, противоправное поведение мотивировано принадлежностью человека к делинквентным и девиантным социальным сообществам и группам (Kreager et al., 2016). Социальная изоляция, исключение или поражение в правах немедленно отражаются на готовности соблюдать правила и нормы поведения. Помимо внешних и по существу социальных условий, изменчивость мотивации правопослушного поведения определяется индивидуально-психологическими факторами.

В психологической науке существуют несколько концепций правопослушного поведения, рассматривающие разные виды социальных мотивов.

В концепции морально-нравственного развития, предложенной L. Kohlberg (Kohlberg et al., 1983), предполагается, что мотивация правопослушного поведения развивается поступательно. Концепция предусматривает четыре мотива, сменяющие друг друга по мере социального развития личности: боязнь быть наказанным, стремление извлечь выгоду из правового поведения, соблюдение правил ради равного доступа к общественным благам и четвертый, высший по уровню развития – понимание необходимости правового поведения для существования общества. Можно заключить, что правовая мотивация в трактовке L.

Kolberg (Kohlberg et al., 1983) характеризует одновременно и уровень социализации человека в конкретный момент времени, и степень его социальной интеграции. На низшем уровне социализации и вовлеченности в общество ведущую роль играет угроза наказания, тогда как на высшем уровне человек учитывает общественные последствия своего поведения.

Альтернативная концепция мотивов правопослушного поведения, разработанная J. Turiel с соавторами, связывает правопослушное поведение с социальными условиями его регуляции (Turiel et al., 1987). В их представлении правопослушное поведение мотивировано не только моралью, но и конвенциональными обязательствами участников социальных отношений, а также их собственными представлениями о праве.

”

Социальная изоляция, исключение или поражение в правах немедленно отражаются на готовности соблюдать правила и нормы поведения. Помимо внешних и по существу социальных условий, изменчивость мотивации правопослушного поведения определяется индивидуально-психологическими факторами

“

Подобный полимотивированный характер правопослушного поведения устанавливает его зависимость от сложившихся социальных отношений, групповых норм, традиций и культуры сообществ. Правовой поступок фактически представляет результат выбора между несколькими конкурирующими правилами. Правовая мотивация через призму теории доменов является социально-сконструированной, как и в теории морально-нравственного развития, однако оставляет за субъектом возможность маневрировать между противоречивыми и конфликтующими установками.

В рамках концепции «Культуры легальности», предложенной S. Silbi (Пургина, 2014), правопослушное поведение выступает культурно-предписанным способом существования человека в обществе. Автор относит правовое регулирование к существенным сто-

ронам социальных отношений, полагая, что человеку свойственно использовать право в качестве инструмента взаимодействия с обществом. S. Silbi дифференцирует три отношения к праву: ценностное, манипулятивное и защитное. Используя право в контексте всех этих отношений, человек получает максимальные возможности удовлетворения своих потребностей, которые общество может ему предоставить. С позиции этой концепции правопослушное поведение, с одной стороны, является источником социальной власти, с другой – ресурсом ее достижения. Противоправное поведение снижает легальную власть человека над окружающими, поскольку общество лишает преступников и правонарушителей правовых инструментов защиты.

Обобщая, можно констатировать, что социальное окружение формирует базовое представление о правопослушном поведении, а также задает условия для его применения человеком. В то же время необходимость правопослушного поведения обосновывается разными мотивами, хотя и базирующимися на связях и отношениях человека с социальным окружением. Так, в концепции морально-нравственного развития первичным мотивом выступает страх наказания со стороны общества, в концепции доменов – утрата личной выгоды, боязнь нарушения справедливости, в концепции культуры легальности мотивом являются потеря возможности использовать правовые инструменты в социальной жизни, вызванная этим потеря права на защиту и утрата власти. Правопослушное поведение обусловлено мотивами, вытекающими из отношений между молодежью и ее социальным окружением. Однако характер этих отношений не изучается в контексте влияния, оказываемого на правопослушное поведение. Недостаток этой информации восполняется нами с помощью эмпирического исследования.

Эмпирическое исследование

Целью исследования является изучение влияния отношений молодежи с социальным окружением на правопослушное поведение.

Гипотезами исследования выступают предположения о том, что правопослушное поведение обусловлено: (а) параметрами отношений с социальным окружением; (б) субъективной ценностью отношений с социальным окружением.

Дополнительные гипотезы кросс-культурного исследования заключаются в сходстве параметров социального окружения в группах русской и китайской молодежи и сходстве их влияния на правопослушное поведение.

В качестве выборки сопоставления использует-

ся китайская молодежь. Объяснение этому видится в определенном сходстве организации социальных отношений в обеих странах.

Так, исследователи отмечают близость российского и китайского законодательства (Трощинский, 2016), объясняя их общей принадлежностью к социалистической правовой системе. Основные положения Конституции КНР отражают ориентацию на построение социалистического государства, «руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян».

Российская и китайская культуры относятся к коллективистскому типу культур. В отличие от индивидуалистской культуры Запада, коллективистский тип культуры Востока основан на приоритете общественного над индивидуальным, предусматривает ориентацию на общественное благо и, как отражено в ст. 24 Конституции КНР, общественную мораль, для которой «характерна любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму»¹.

Параметры социального окружения российской и китайской молодежи во многом соответствуют друг другу. Социальное окружение включает членов семьи и некоторых родственников, друзей, коллег и знакомых. В отличие от молодежи стран Запада, российская и китайская молодежь стремится к образованию долгосрочных отношений, считая более близкими людей, взаимодействующих с ними длительное время (Michailova & Worm, 2003). Продолжительность отношений повышает открытость и уровень доверия к другим людям (Mattsson & Salmi, 2013).

Во многом похожей является организация социального окружения. Структура отношений, во-первых, разделена на межпоколенные уровни, отделяющие представителей старшего и младшего возрастов от сверстников, во-вторых, локализована по видам деятельности, дифференцируя их на семейные, рабочие и учебные, дружеские, любовные и неформальные отношения. Совпадают и стратегии взаимодействия с социальным окружением. Молодежь обеих стран принимает помощь и поддержку своих знакомых, устанавливает отношения с ними, используя приемы взаимовыгодного обмена, сотрудничества, а также власти (доминирования) (McDonald et al., 2015).

В целом, схожесть организации социального окружения российской и китайской молодежи позволяет сфокусироваться на исследовании ее влияния на правопослушное поведение.

Показатели исследования

В исследовании использовалась специально разработанная анкета, изучающая четыре характеристики

¹ Конституция КНР. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата доступа 01.08.2022).

социальных отношений, а также собирающая сведения о мотивах правоупослушного поведения. Изучались:

1. Объем социальных отношений – количественный показатель, характеризующий число людей, взаимодействующих с опрашиваемым. Находился в диапазоне от 7 до 9 человек, среднее значение составило 8,1 человек, $SD = 2,47$ человек.

2. Разнообразии социального окружения – количественный показатель, отражающий степень сходства направленностей, ценностей и образа жизни людей, с которыми взаимодействует обследуемый. Измерялся с помощью шкалы Лайкерта, где минимальные значения (1) свидетельствовали о гомогенности (похожести) людей из социального окружения друг на друга, а максимальные значения (5) – гетерогенности (непохожести, разнообразия) социального окружения. Среднее значение составило 4,3, $SD = 1,12$.

3. Трудности взаимодействия – количественный показатель, характеризующий проблемы взаимодействия с людьми, составляющими социальное окружение. Измерялся с помощью шкалы Лайкерта, кодирующей проблемы взаимодействия максимальными значениями (5), а отсутствие проблем – минимальными значениями (1). Среднее значение составило 2,1, $SD = 2,77$.

Для выявления характеристик взаимодействия личности с социальным окружением использовалась методика (Злоказов, 2021), оценивающая три субъективные характеристики взаимодействия:

1) поддержку социального окружения – показатель «Социальная поддержка»;

2) самооценку субъектом себя во взаимодействии с другими людьми – «Социальная самооценка»;

3) возможность влиять на взаимодействие с социальным окружением – «Влияние на социальное окружение».

Мнения обследуемых собирались с помощью шкалы Лайкерта, где минимальные значения (1 балл) свидетельствовали о низкой социальной поддержке, низкой самооценке и невозможности влиять на окружение, а максимальные значения (5 баллов) – о высоких значениях шкал.

Результаты измерения оценивались посредством расчета коэффициента α -Кронбаха, показавшего удовлетворительную согласованность ($\alpha=0,77$ для шкалы «Социальной поддержки»; $\alpha=0,78$ для шкалы «Социальной самооценки»; $\alpha=0,73$ для шкалы «Влияние на социальное окружение»). Корреляция пунктов в шкалах составила в среднем 0,42 (по Пирсону).

На основании рассчитанных характеристик можно заключить, что методика демонстрирует достаточный уровень согласованности, может использоваться для изучения социального окружения.

4. Мотивы правоупослушного поведения – качественный показатель, характеризующий субъективные причины соблюдения права и отказа от противо-

правных действий. Оценка мотивов правоупослушного поведения осуществлялась с помощью утверждения («Иногда все мы совершаем противоправные деяния. Какие мысли убеждают Вас не рисковать?» / 有时候我们都喜欢做些冒险的事情。请问是什么想法说服了您不去冒险?).

Обработка ответов осуществлялась методом количественного контент-анализа. Ответы китайских респондентов предварительно переводились на русский язык. В результате обработки всех ответов были выявлены четыре группы причин, которые удерживают от противоправных действий: персональные, рациональные, эмоциональные, социальные. Нетипичные (нестандартные либо отвлеченные) ответы не обрабатывались.

Обработка результатов и тестирование гипотез

Обработка сведений о социальном окружении осуществлялась методами количественной статистики. Для проверки исследовательских гипотез использовалась непараметрическая альтернатива однофакторного дисперсионного анализа – H -критерий Краскела-Уоллиса, поскольку распределение значений по показателям не соответствовало нормальному закону.

Выборка исследования: 100 человек, группа состояла из русских (50 человек) и китайских (50 человек) студентов. Группа русских студентов подбиралась с учетом параметров возраста и пола к китайской выборке. В результате была достигнута максимально возможная схожесть групп по половозрастному составу (ср. знач. = 20,2 лет, 39 % мужчин (русские), 20,5 лет, 41 % (китайские) обследуемые) и сходного социально-культурного статуса.

Описание результатов. Результаты приводятся последовательно. Вначале описываются характеристики социального окружения (таблица 1), затем результаты тестирования гипотез.

Результаты показывают сходство характеристик социального взаимодействия у обследованной российской и китайской молодежи. Различия в абсолютных и относительных значениях не являются статистически значимыми и оцениваются как следствие вариации мнений. Данные подтверждают сходство организации социального окружения и отношений между ними как в русской, так и в китайской выборке.

Гипотеза 1. Влияние параметров отношений с социальным окружением на правоупослушное поведение. Тестирование гипотезы показало отсутствие статистически значимого влияния параметров социального окружения на мотивы правоупослушного поведения как в русской и китайской выборках, так и в суммарном виде.

Гипотеза 2. Влияние субъективной ценности отношений с социальным окружением на правоупослушное поведение.

Таблица 1. Отношения с социальным окружением (русская и китайская выборки)

Table 1. Relationships with the social environment (Russian and Chinese samples)

№ п/п	Показатель	Российская выборка (n=50)	Китайская выборка (n=50)
1.	Объем социальных отношений	6-9 человек	5-9 человек
2.	Разнообразие социального окружения	M=4,1 (SD=1,12)	M=4,7 (SD=1,07)
3.	Трудности взаимодействия	M=2,4 (SD=2,91)	M=2,1 (SD=2,66)
4.	Социальная поддержка	M=4,2 (SD=1,28)	M=4,1 (SD=1,86)
5.	Самооценка взаимодействия	M=4,1 (SD=1,14)	M=4,2 (SD=1,22)
6.	Влияние на социальное окружение	M=4,3 (SD=1,53)	M=4,3 (SD=1,14)
7.	Мотивы правоупорядоченного поведения:	Эмоциональные (41 %)	Эмоциональные (36 %)
		Социальные (21 %)	Персональные (20 %)
		Рациональные (17 %)	Социальные (16 %)
		Персональные (16 %)	Рациональные (10 %)
		Нестандартные ответы (5 %)	Нестандартные ответы (8 %)

Примечание: 1. Виды мотивов: (а) эмоциональные мотивы – восприятие опасности и риска; (б) социальные – отношения с членами семьи, родственниками, близкими людьми; (в) рациональные – оценка последствий в виде выгод и потерь; (г) персональные – неспособность к противоправным действиям вследствие личных ценностей, убеждения, воспитания; (д) нестандартные ответы – беспредметные, отвлеченные ответы.
Мотивы упорядочены – от наиболее частых к наименее частым.
2. M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.
3. Проценты в таблице округлены до целых значений.

Тестирование гипотезы позволило установить, что показатель «Мотивы правоупорядоченного поведения» изменяется под влиянием показателя «Самооценка взаимодействия» (Н крит. Краскела – Уоллиса = 12,1, $p = 0,01$, $\epsilon^2 = 0,05$) в русской выборке. В китайской выборке различие не является статистически значимым.

При объединении выборок показатель «Мотивы правоупорядоченного поведения» влияет на изменение показателя «Социальная поддержка» (Н крит. Краскела – Уоллиса = 9,28, $p = 0,05$, $\epsilon^2 = 0,04$). Другие показатели статистически значимого влияния не обнаружили.

Обсуждение результатов и их интерпретация

Исследование нацелено на раскрытие влияния социального окружения на правоупорядоченное поведение молодежи. Анализ социального окружения выполнялся нами в двух аспектах – с позиции характеристик его организации, а также с позиции субъективных представлений о взаимодействии с социальным окружением.

В исследовании установлено, что объем социального окружения, характеристики людей, которые его

составляют, а также трудности взаимодействия не влияют на мотивацию правоупорядоченного поведения. Предположение о таком влиянии поддерживается эмпирическими исследованиями, рассматривающими влияние социальной организации сообществ на взаимодействие их участников.

Отсутствие влияния может быть объяснено стандартными (общепопуляционными) характеристиками социального окружения, совпадающими в российской и китайской выборках. Нельзя утверждать, что данные выводы будут справедливы для социального окружения, отличающегося от стандартного. Как показывают результаты исследований, минимальный объем социального окружения (менее 5 лиц) может обуславливать появление девиаций в поведении (Beaver et al., 2011; Kreager et al., 2016). Интересно и то, что правоупорядоченное поведение присуще людям, чье социальное окружение более гомогенное, чем гетерогенное. Это объясняется тем, что гомогенные социальные группы обладают более высоким уровнем социального контроля (Boman, 2017). Наличие трудностей взаимодействия

с социальным окружением также может указывать на влияние групповых норм, ценностей и социальных представлений на правопослушное поведение.

Важно иметь в виду, что параметры социального окружения обусловлены его интеграцией в социальные структуры более высокого порядка – социальные сообщества и институты (Brisette et al., 2000). Соответственно, параметры репрезентируют характеристики социальных структур и такие их отклонения, как, например, малый объем или высокая гомогенность, будут указывать на наличие социально-культурных особенностей и, как следствие, иметь влияние на правопослушное поведение.

Существенным результатом исследования стал факт того, что мотивация правопослушного поведения молодежи обусловлена характером отношений с социальным окружением. Было установлено, что мотивация правопослушного поведения молодежи повышается при ощущении социальной поддержки. Кроме того, у русской выборки на правопослушное поведение влияет высокая самооценка взаимодействия. Для китайской выборки это влияние статистически незначимо.

Объяснение видится в том, что готовность других людей поддерживать и предоставлять помощь повышает субъективную ценность социального окружения (Guo & Ito, 2014). Однако для русской выборки, в отличие от китайской, важным является признание окружающими их персональной ценности. Иными словами, для них социальное окружение выступает не только источником ресурсов, но и фактором, влияющим на самооценку. Полагаем, обращение к социальному окружению для повышения самооценки выступает проявлением копинг-стратегии, нацеленной на избавление от негативных переживаний по поводу собственных неудач за счет сочувствия окружающих.

Другое объяснение видится в том, что повышение самооценки может ассоциироваться с повышением уровня социальной поддержки, поскольку высокая самооценка свидетельствует о повышении статуса в социальных отношениях и, как следствие, возможности получения дополнительной помощи от окружающих (Steinfeld, 2008).

Понимание того, что люди, образующие социальное окружение, высоко оценивают субъекта, также побуждает его к соблюдению правового поведения. Соответственно, правопослушное поведение может зависеть от способности окружающих людей влиять на самооценку субъекта. При ее снижении уменьшается и мотивация к соблюдению правил и норм. Конечно, все изложенные предположения нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

Еще одним результатом исследования стало прояснение мотивов правопослушного поведения молодежи. Было установлено, что при всем разнообразии мотивов они базируются на осознании факта наказа-

ния за правонарушающее поведение. Угроза наказания не оспаривается ни русской, ни китайской выборками, однако осознается по-разному и связывается с различными последствиями правонарушающего поведения.

Исследование показало наличие четырех групп мотивов, репрезентирующих негативные последствия правонарушающего поведения: эмоциональных, рациональных, персональных и социальных.

Наиболее распространенным является эмоциональный аспект восприятия правонарушающего поведения, составляющий 38,5 % ответов всей выборки (41 % ответов в российской выборке и 36 % в китайской). Он показывает, что правонарушение ассоциируется у опрошенных с опасностью, а также страхом подвергнуться наказанию. Это позволяет заключить, что переживание угрозы наказания является наиболее сильным мотивом правопослушного поведения молодежи.

Социальный мотив занимает второе место (18,5 % ответов в выборке исследования) по частоте упоминания в отчетах российской и китайской выборок, составляя 21 % и 16 % ответов соответственно. Данный мотив представлен нежеланием огорчить своим правонарушением близких людей, испытать чувство вины и стыда перед ними, а также чувством долга и ответственности за членов своей семьи.

Третье место по частоте встречаемости имеет персональный аспект правопослушного поведения (18 % ответов), более представленный в китайской части выборки, чем российской (20 % и 16 % ответов соответственно). Обследуемые говорят о личной неприемлемости правонарушающего поведения, его противоречии личным представлениям, ценностям и убеждениям.

Четвертое место по частоте ответов (13,5 % ответов) занимает рациональный аспект мотивации правонарушающего поведения. Он выражается в оценке выгоды и вреда от противоправных действий, определении вероятности быть избалованным и наказанным за совершение преступления.

Несмотря на то, что выполненная систематизация мотивов является эмпирической и базируется на мнениях опрошенной молодежи, наличие четырех групп категорий указывает на внутреннюю дифференциацию мотивов правопослушного поведения при их принципиальной социальной основе. Так, страх наказания за правонарушения культивируется обществом у индивидов посредством обучения и других форм целенаправленного воздействия. Однако страх не является единственным фактором социального контроля над поведением.

Более сложные мотивы базируются на представлениях о негативной оценке правонарушений членами семьи, родственниками и другими значимыми персонами. Кроме того, мотивы корреспондируют к чувству долга и ответственности человека за свое поведение. Источ-

ником этих психологических образований, их формирования также выступает социальное окружение. С точки зрения социальных условий их формирования долг и ответственность близки к личностным образованиям, контролирующим правоупотребное поведение – моральным нормам, ценностям и убеждениям.

Рациональные мотивы правоупотребного поведения отдалены от социальных и персональных и в большей степени характеризуют готовность к принятию наказания за правонарушение при преобладании выгоды от его совершения. В такой трактовке рациональные мотивы показывают обусловленность правоупотребного поведения санкциями за его нарушение. Соответственно, мотив правоупотребного поведения в рациональном контексте основывается на санкционных возможностях и качестве социального контроля над поведением.

Подводя итоги, можно заключить, что влияние социального окружения на правоупотребное поведение определяется двумя факторами:

1) вовлеченностью молодежи в отношения с социальным окружением, составляющие основу для формирования знаний о правоупотребном поведении, и санкциями за его нарушение;

2) индивидуальными представлениями о пользе соблюдения правовых норм и правил либо вреде (ущербе), который наступит в случае их нарушения.

Данные выводы не противоречат теоретическим представлениям о правоупотребном поведении, соблюдаемом в качестве условия, предъявляемого со стороны общества к индивиду (в русле концепции морально-нравственного развития L. Kohlberg), либо в качестве стратегии функционирования индивида в обществе (в русле теории доменов J. Turiel), либо в качестве оптимальной формы социального взаимодействия (предложенной в рамках культуры легальности S. Silbi).

В целом, правоупотребное поведение молодежи, воспринимаемое через призму отношений с социальным окружением, представляется теперь в большей степени социально обусловленным, чем индивидуалистическим.

Ограничения исследования

Сформулированные выводы имеют ряд ограничений, обусловленных исследовательским подходом, поставленными гипотезами, свойствами выборки и статистическими показателями.

Обсуждаемые результаты нуждаются в дополнительном уточнении, в первую очередь, применении других методологических оснований для изучения социального окружения. Проверка результатов должна проводиться на выборках с альтернативными параметрами отношений с социальным окружением, а также на обследуемых, относящихся к другой социальной категории. Используемые в работе критерии тестирования гипотез являются непараметрическими, что ограничивает мощность исследования и требует дополнительной проверки.

Заключение

В ходе исследования были получены новые сведения о мотивации правоупотребного поведения, обусловленной отношениями с социальным окружением. Установлена социально-культурная специфика отношений с социальным окружением и социальной мотивации правоупотребного поведения в российской и китайской молодежных выборках. Полученные результаты позволяют уточнить условия воспитания правового поведения в части организации социального окружения личности и необходимого качества межличностных отношений.

Результаты и выводы могут использоваться для организации психолого-педагогического сопровождения юношей, склонных к девиантному поведению, в качестве индикаторов, раскрывающих необходимый уровень и качество взаимодействия.

Список литературы

- Злоказов, К. В. (2021). *Социальное пространство в представлении преступника: монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Кириллова, Е. Б., Шестаков, А. Г. (2018). Факторная структура черт личности девиантных подростков. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4(80), 197-201.
- Муслумов, Р. Р. (2019). Проблемы формирования правового самосознания личности. *Перспективы науки и образования*, 6 (42), 44-54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Пургина, Е. С. (2014). Проблемы правовой культуры и «культуры легальности» в работах С. Силби. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 3(131), 88-91.
- Разумова, Е. М. (2007). Психологические особенности личности преступников-рецидивистов: дис.... канд. психол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Трощинский, П. В. (2016). К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 3, 136-146.
- Akers, R. L. (2009). *Social learning and social structure: A general theory of crime and deviance*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Beaver, K. M., Gibson, C. L., Turner, M. G., DeLisi, M., Vaughn, M. G., & Holand, A. (2011). The stability of delinquent peer associations: A biosocial test of Warr's sticky friends hypothesis. *Crime & Delinquency*, 57, 907-927.

- Boman, J. H. IV (2017). Do birds of a feather really flock together? Friendships, self-control similarity and deviant behavior. *British Journal of Criminology*, 57, 1208–1229.
- Brisette, I., Cohen, S., & Seeman, T. E. (2000). Measuring social integration and social networks. In S. Cohen, L. G. Underwood, & B. H. Gottlieb (Eds.), *Social support measurement and intervention* (pp. 53–85). New York: Oxford University Press.
- Guo, Y., Li, Y., & Ito, N. (2014). Exploring the predicted effect of social networking site use on perceived social capital and psychological well-being of Chinese international students in Japan. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(1), 52–58.
- Knecht, A., Snijders, T. A. B., Baerveldt, C., Steglich, C., & Raub, W. (2010). Friendship and delinquency: Selection and influence processes in early adolescence. *Social Development*, 19, 494–514.
- Kohlberg, L., Levine, C. & Hewer, A. *Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics* (New York: S. Karger, 1983).
- Kreager, D. A., Schaefer, D. R., Bouchard, M., Haynie, D. L., Wakefield, S., Young, J. T. N., & Zajac, G. (2016). Toward a criminology of inmate networks. *Justice Quarterly*, 33, 1000–1028.
- Mattsson, L. & Salmi, A. (2013). The changing role of personal networks during Russian transformation: challenges for Russian management. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 28(3), 190–200.
- McDonald, S., Chen, F., & Mair, C. A. (2015). Cross-national patterns of social capital accumulation: Network resources and aging in China, Taiwan, and the United States. *American Behavioral Scientist*, 59(8), 914–930. <https://doi.org/10.1177/0002764215580587>
- McGloin J.M. (2009). Delinquency balance: Revisiting peer influence. *Criminology*, 47, 439–447.
- Michailova, S., & Worm, V. (2003). Personal Networking in Russia and China. *European Management Journal*, 21(4), 509–519. [https://doi.org/10.1016/s0263-2373\(03\)00077-x](https://doi.org/10.1016/s0263-2373(03)00077-x)
- Steinfeld, C., Ellison, N. B., & Lampe, C. (2008). Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(6), 434–445. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.07.002>
- Turiel, E., Killen, M., & Helwig, C. (1987). Morality: its structure, functions, and vagaries. In J. Kagan, & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 155–243). Chicago: The University of Chicago Press.

References

- Zlokazov, K. V. (2021). *Social'noe prostranstvo v predstavlenii prestupnika: monografiya*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Kirillova, E. B., Shestakov, A. G. (2018). Faktornaya struktura chert lichnosti deviantnykh podrostkov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4(80), 197–201.
- Muslumov, R. R. (2019). Problemy formirovaniya pravovogo samosoznaniya lichnosti. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 6 (42), 44–54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Purgina, E. S. (2014). Problemy pravovoj kul'tury i "kul'tury legal'nosti" v rabotah S. Silbi. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 3(131), 88–91.
- Razumova, E. M. (2007). *Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-recidivistov: dis....* kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg: SPbGU.
- Troshchinskij, P. V. (2016). K voprosu o tradicionnykh vzglyadah na pravo v kitajskom obshchestve. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 3, 136–146.
- Akers, R. L. (2009). *Social learning and social structure: A general theory of crime and deviance*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Beaver, K. M., Gibson, C. L., Turner, M. G., DeLisi, M., Vaughn, M. G., & Holand, A. (2011). The stability of delinquent peer associations: A biosocial test of Warr's sticky friends hypothesis. *Crime & Delinquency*, 57, 907–927.
- Boman, J. H. IV (2017). Do birds of a feather really flock together? Friendships, self-control similarity and deviant behavior. *British Journal of Criminology*, 57, 1208–1229.
- Brisette, I., Cohen, S., & Seeman, T. E. (2000). Measuring social integration and social networks. In S. Cohen, L. G. Underwood, & B. H. Gottlieb (Eds.), *Social support measurement and intervention* (pp. 53–85). New York: Oxford University Press.
- Guo, Y., Li, Y., & Ito, N. (2014). Exploring the predicted effect of social networking site use on perceived social capital and psychological well-being of Chinese international students in Japan. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(1), 52–58.
- Knecht, A., Snijders, T. A. B., Baerveldt, C., Steglich, C., & Raub, W. (2010). Friendship and delinquency: Selection and influence processes in early adolescence. *Social Development*, 19, 494–514.

- Kohlberg, L., Levine, C. & Hewer, A. *Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics* (New York: S. Karger, 1983).
- Kreager, D. A., Schaefer, D. R., Bouchard, M., Haynie, D. L., Wakefield, S., Young, J. T. N., & Zajac, G. (2016). Toward a criminology of inmate networks. *Justice Quarterly*, 33, 1000–1028.
- Mattsson, L. & Salmi, A. (2013). The changing role of personal networks during Russian transformation: challenges for Russian management. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 28(3), 190–200.
- McDonald, S., Chen, F., & Mair, C. A. (2015). Cross-national patterns of social capital accumulation: Network resources and aging in China, Taiwan, and the United States. *American Behavioral Scientist*, 59(8), 914–930. <https://doi.org/10.1177/0002764215580587>
- McGloin J.M. (2009). Delinquency balance: Revisiting peer influence. *Criminology*, 47, 439–447.
- Michailova, S., & Worm, V. (2003). Personal Networking in Russia and China. *European Management Journal*, 21(4), 509–519. [https://doi.org/10.1016/s0263-2373\(03\)00077-x](https://doi.org/10.1016/s0263-2373(03)00077-x)
- Steinfeld, C., Ellison, N. B., & Lampe, C. (2008). Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(6), 434–445. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.07.002>
- Turiel, E., Killen, M., & Helwig, C. (1987). Morality: its structure, functions, and vagaries. In J. Kagan, & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 155–243). Chicago: The University of Chicago Press.

Информация об авторах:

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Роман Юрьевич Порозов – кандидат культурологии, аналитик отдела международных образовательных проектов, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет.

Хуан Тяньдэ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли.

About the authors:

Kirill V. Zlokazov – Professor of the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of psychological Sciences, Associate Professor.

Roman Yu. Porozov – Candidate of Cultural Studies, Analyst of the Department of International Educational Projects, Associate Professor of Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

Huang Tiande – PhD in Philology, Researcher in the Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 06.10.2022
Одобрена после рецензирования 21.10.2022
Опубликована 29.10.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 6, 2022
Approved after reviewing October 21, 2022
Accepted October 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-288-298

Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения

Артур Александрович Реан

Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
profrean@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Андрей Олегович Шевченко

Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
andreyshevchenkomsu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9118-2617

Аннотация

Введение. Важность данной темы заключается в том, что девиантное поведение является мощным фактором риска социальной депривации, а расширение методов профилактики новыми средствами способно обеспечить новую качественную эффективность практической работы. Ключевой частью психологической работы также является создание методов выявления и реагирования на акты буллинга в процессе наблюдения и обучения. Новой формой наглядности может выступить геймификация для развития эмпатии, выявления и профилактики буллинга.

Цель. Анализ моделирующей основы метода геймификации для коррекционного обучения.

Методология. Теоретическая работа, в рамках которой анализируется связь методов геймифицированного обучения и психологических феноменов, которые могут продуктивно сказаться на социализации, в которой анализируется опыт внедрения геймификации в иных исследованиях для психологической поддержки. На основании данных, полученных российскими и иностранными психологами, анализируется возможность применения принципов геймификации как средства коррекции буллинга и агрессивного поведения

Результаты. В результате были отобраны и описаны современные примеры использования геймифицированных программ в области развития эмпатии и профилактики агрессивного поведения. На основании изучения иностранного и отечественного опыта сделан вывод об эффективности использования данных методов.

Ключевые слова

геймификация, буллинг, эмпатия, коррекция агрессии

Для цитирования: Реан, А. А., Шевченко, А. О. (2022). Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 288-298. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-288-298.

Artur A. Rean

Moscow Pedagogical State
University
(Moscow, Russia)
profrean@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Andrey O. Shevchenko

Moscow Pedagogical State
University
(Moscow, Russia)
andreyshevchenkomsu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9118-2617

The use of gamification in the empathy development and prevention of bullying as a form of deviant behavior

Abstract

Introduction. The importance of this research subject reflects the fact that deviant behavior has a strong risk factor for social deprivation. The expansion of prevention methods with new means can improve the qualitative efficiency of practical work. A key part of psychological work is also the creation of methods for identifying and responding to bullying facts in the process of observation and training. Developing empathy, identifying and preventing bullying can be considered as a new form of visualization.

Objective. Analysis of the modeling basis of the gamification method for correctional training.

Methodology. Theoretical work in which the relationship between gamified learning methods and psychological phenomena that can have a productive effect on socialization is analyzed. The experience of introducing gamification in other studies for psychological support is analyzed. Using the data obtained by Russian and foreign psychologists, the authors have examined the possibility of applying the principles of gamification as a tool of correcting bullying and aggressive behavior.

Results. As a result, modern examples of the use of gamified programs in the field of empathy development and prevention of aggressive behavior were selected and described. Taking into account the foreign experience and local examples, the authors make a conclusion about the effectiveness of the use of these methods.

Keywords

gamification, bullying, empathy, correction of aggression

For citation: Rean, A. A., Shevchenko, A. O. (2022). The use of gamification in the empathy development and prevention of bullying as a form of deviant behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 288-298. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-288-298.

Введение

В процессе социализации личности возможно возникновение девиантного поведения. Девиантным поведением является поведение, отклоняющееся от установленных обществом норм и стандартов, будь то нормы психического здоровья, права, культуры, морали (Реан, 2015). Эти деформации могут быть обусловлены разными причинами, важнейшими среди которых являются факторы, связанные с социальными институтами и формами коммуникации, выстроенными в семье и школе (Реан, 2015). Приобретенным стереоти-

пом может выступать агрессия, направленная на других или себя, но уже в качестве формы представления о норме социального взаимодействия. Стоит отметить, что если обратная реакция отсутствует или она поощряющая, то агрессивное поведение закрепляется. Попытки социальной адаптации в асоциальных группах в той же мере приводят к формированию асоциального поведения. Из теории социального научения (SLT) известно, что человек учится, наблюдая за другими, их поведением и результатами, поэтому фактор окружения и среды становится важнейшим в формирова-

нии негативных социальных установок и девиантного поведения. Адаптация в группе с контрнормативной шкалой ценностей и девиантным поведением предполагает усвоение и принятие определенных, доминирующих в данной группе социально деформированных норм и ценностных ориентаций (Реан, 2015). Помимо этого, важным фактором развития девиантности при определенных условиях выступает социализация внутри семьи. Через транслирование в родительской семье асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться посредством подражания и дальнейшего положительного подкрепления поведения такого рода. При этом закрепление социально отклоняющегося поведения может осуществляться тремя траекториями (Реан, 2015):

1) прямое декларирование асоциальных ценностей и норм и подчеркивание тезиса «только так и можно достичь успеха»;

2) проявление асоциального поведения при непосредственном взаимодействии родителей с ребенком;

3) наблюдение ребенком в реальном поведении родителей социально отклоняющейся направленности.

Так наблюдение становится частью социального научения. Коррекция такого поведения может включать разные формы оптимизации сформировавшихся паттернов, пагубно влияющих на дальнейшую социализацию. Формой девиантного поведения является деструктивное поведение, включающее жестокость и агрессию к другим и к себе. Распространенной формой деструкции становятся буллинг и агрессия среди детей и подростков. Исследователей буллинга, как формы асоциального поведения, сегодня интересуют прежде всего его причины, в частности, влияние семьи и школы (Zych et al., 2017). В соответствии с большинством исследований одной из ведущих причин выступает школьный климат, который, согласно эмпирическим исследованиям, является предиктором как академических результатов, так и психологического благополучия учащихся (Way, Reddy, & Rhodes, 2007; Новикова, Реан, 2019; Новикова, Реан, Коновалов, 2021).

Школьный климат закрепляет коммуникационные паттерны и становится одним из объектов первичной психологической интервенции. Исходя из этого, одной из важных траекторий профилактики девиантного поведения является создание новых форм коммуникативной связи, где представлены устойчивые социальные модели. Выстраивание данных моделей возможно через организацию совместных или направленных психолого-педагогических действий. При этом отталкиваться нужно от личного опыта и современных коммуникационных трендов. Актуальность данной темы заключается в том, что девиантное поведение является мощным фактором риска социальной депривации, а расширение методов профилактики новыми средствами способно обеспечить новую качественную

эффективность практической работы. В проведенном анализе отмечается необходимость разработки и внедрения новых программ и технологий работы с несовершеннолетними группами риска с целью профилактики асоциального поведения (Реан, 2018). В данной работе мы хотели бы рассмотреть один из возможных плацдармов-средств для расширения практических возможностей девиантологии и психологии отклоняющегося поведения. Так, ключевым трендом среди учеников является игровая среда. Компьютерные игры часто становятся «новой реальностью» для детей и подростков, эскапизмом от семейных конфликтов, однако данная «новая реальность» имеет и множество негативных последствий: расширяется пространство для кибербуллинга как формы асоциального поведения, а содержание многих популярных игровых продуктов

”

Ключевой частью психологической работы также является создание методов выявления и реагирования на акты буллинга в процессе наблюдения и обучения

“

среди детей и подростков предназначено лишь для лиц, достигших определенного возраста (16-21 года). В связи с этим существует объективная настороженность внутри профессионального психологического сообщества. По мнению ряда авторов, воздействие видеоигр будет усиливать агрессивное поведение как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе (Anderson & Dill, 2000). Однако мы полагаем, что специально разработанные игровые программы могут выступать эффективным плацдармом для модификации коммуникационных практик и стать одним из средств психологической работы. Игра становится новым коммуникационным взаимодействием и может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. Игровой опыт является способом получения быстрой

обратной связи. Это может быть эффективно для выстраивания новых ассоциативных цепочек, формирования иных паттернов поведения через социальное одобрение и формирования «удовольствия» от побед, которые предполагают социально одобрительное поведение. Данные среды, используемые в игре, создаются специалистом-психологом с целью дальнейшей коррекции девиантного поведения. В игре выстраиваются взаимоотношения с другими людьми и их совместная работа. Справедливо, что в игре дети могут разыгрывать не только положительные, но и негативные роли. Труды отечественной психологии показывают, что ключевым элементом развития мотивационно-потребностной сферы выступает игра (Эльконин, 1999). В процессе игры должны присутствовать действия и их нравственное содержание, а также учитываться уникальные механизмы нравственного развития самой игры. Может происходить проигрывание социальных норм, применение другой роли, принятие чувств и эмоций другого, наблюдение за действиями и их последствиями, в результате чего выносятся моральная норма и происходит ее усвоение. Выделенный смысл подкрепляется эмоциями от игры. Кроме того, эмоции в данном случае выступают психологическим механизмом регуляции действий. Получается, что игра, затрагивая когнитивные (сценарий игры) и эмоциональные процессы (переживаемые чувства возможных последствий своих поступков), создает особую психологическую реальность, в которой формируется просоциальное поведение людей¹. Известно, что асоциальное поведение может быть связано с негативным опытом, «проиграв» который в рамках психологической работы, субъект может получить как разрешение старого конфликта, так и новую когнитивную стратегию, при отклике того стимула, который и должен запускать негативное поведение. Общее направление по внедрению игровых практик в образование и иные сферы называется «геймификация». Геймификация – это процесс придания неигровой деятельности игровых свойств (Werbach, 2022). Ключевым элементом геймификации являются вовлечение и погруженность. Помимо этого, данная форма позволяет наглядно моделировать нужную специалисту среду. Такой опыт лежит в основе подхода к разработке образовательных игровых продуктов, при котором знания конструируются, а не передаются готовыми. Когда цифровые игры динамичны и индивидуализированы, пользователь получает больше возможностей для практики, а также более индивидуальный и персонализированный опыт обучения. Кроме того, увлекательный и интерактивный характер игр и относительная возможная анонимность цифровых учебных сред означает, что молодежь часто

мотивирована к более полному и открытому участию в тренировках социальных навыков, основанных на цифровых играх, по сравнению с традиционными очными тренингами. В последнее время отмечается рост поддержки эффективности цифровых игровых продуктов для когнитивного, эмоционального, поведенческого и социального развития. Цифровая геймификация улучшает мотивацию и самоэффективность при усвоении материала в сравнении с традиционными методами обучения (Sitzmann, 2011). Еще одной особенностью геймификации является феномен погруженности. Данный процесс может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Отрицательной стороной является потенциальная игровая зависимость, которая может возникнуть от чрезмерного и неконтролируемого опыта. Существует ряд факторов, влияющих на состояние погружения:

- 1) быстрая обратная связь;
- 2) понятность цели;
- 3) соотношение возможностей и сложности достижение результата.

Погруженность позволяет закрепить навык или ассоциацию как часть той самой новой формы коммуникации и как следствие – социального научения. Плюсом данного средства является интуитивная понятность, однако мы не утверждаем, что данное средство является панацеей или же универсальным способом получения результата в адаптации. Профилактика издевательств отличается от подходов «борьбы с издевательствами». Улучшение школьного климата является эффективным решением как на профилактическом, так и на коррекционном уровне. Как предотвращение издевательств, так и реагирование на них важны, но проще, эффективнее и гуманнее прекратить издевательства до того, как они начнутся. Внутри- и внегрупповое восприятие являются неотъемлемой частью конкурентного мышления. Межгрупповой конфликт становится менее острым, когда группы разделяют общую цель. Известен опыт использования совместных игр в качестве способа уменьшения внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации, враждебности и насилия. Игры могут использоваться как сами по себе, так и в сочетании с другими способами ослабления конфликтов. Когда совместные игры сочетаются с другими стратегиями укрепления мира, эффективность таких стратегий возрастает (Lyons, 2022).

Примеры положительного опыта внедрения геймификации

В последнее время наблюдается значительный рост исследований в области буллинга и кибербуллинга. Помимо этого, методы геймификации широко вне-

¹ Авдулова, Т. П. (2009). *Психология игры: современный подход*: учеб. пособие для студ. Высш. учеб. заведений. Издательский центр «Академия».

дряются в обучение и корпоративное взаимодействие, растет число геймифицированных программ, предназначенных для борьбы с издевательствами и кибербуллингом (Calvo-Morata et al., 2018). Так, был проведен большой мета-анализ (Calvo-Morata et al., 2018), в котором исследователи проанализировали 26 игр, на основе которых было проведено около 42 экспериментов по адаптации агрессивного поведения. С 48 % игр были проведены сопутствующие эксперименты со статистическими результатами их эффективности. Игры, демонстрировавшие эффективность, использовали следующие стратегии: обучение действиям при столкновении с издевательствами, повышение осведомленности о буллинге, создание эмпатии у игроков, помощь учителям в решении проблемы в классе, обучение для выявления случаев издевательства, выявление издевательства (Calvo-Morata et al., 2018). В ситуации травли ребенок может выступать либо жертвой, либо агрессором (булли), либо свидетелем. Вовлеченность в травлю в школе имеет как незамедлительные, так и отсроченные последствия, причем страдают как жертвы, так и агрессоры, и свидетели (Zych et al., 2017). У свидетеля несколько стратегий поведения: максимальное отстранение, косвенная или прямая поддержка агрессора, защита жертвы (Новикова, Реан, 2019). Примером профилактики кибербуллинга является игра Friendly-АТТАС, которая специально была нацелена на поведение подростков-свидетелей. По сюжету игра развивается на странице социальных сетей, на которой разные ученики подвергались травле. По ходу действия игрок должен применять позитивное поведение и психологические практики, чтобы лучше реагировать на брошенные вызовы. После реакции на кибербуллинг игровой эпизод заканчивается сообщением о невыполнении / выполнении миссии и подробной обратной связью. Обратная связь выстраивается за счет аналитики поведения в игре и советов, помогающих улучшить свое поведение в будущем (DeSmet et al., 2018). Так, на базе этой игры было проведено исследование по измерению эффективности геймифицированного подхода дляощрения позитивных реакций свидетеля травли, снижения распространенности кибербуллинга и повышения качества жизни подростков в 8-м классе. DeSmet et al. (DeSmet et al., 2018) получили результаты, что применение геймифицированных программ оказало положительное влияние на поведенческие детерминанты позитивного поведения (например, прекращение кибербуллинга, просоциальные навыки, намерение действовать как позитивный наблюдатель).

Еще одной областью работы является проблема виктимизации. Виктимизация – процесс превращения человека в жертву в результате стечения обстоятельств, сложившейся ситуации, преступления. Виктимизации подвержена та личность, которая внутренне не может противостоять этому процессу. Важно предотвращать

процесс виктимизации и бороться с ним (Сарафанова, 2012). В начальной школе важно формирование личных положительных отношений учителя и учеников, так как конфликт с учителем является фактором увеличения риска виктимизации, особенно для ребенка, и без того непопулярного среди одноклассников (Новикова, Реан, 2019). Кроме того, важно следить и поддерживать определенный школьный климат, особенно те его факторы, которые являются значимыми для буллинга – это социальные отношения (между учителем и учениками, а также отношения учеников между собой), переживание безопасности в школе и принадлежность к ней (Новикова, Реан, 2019). Один из примеров геймифицированной программы, нацеленной на профилактику буллинга, – «FearNot!». Игровое пространство игры отражает среду начальной школы, где аватары (виртуальные персонажи) выступают в разных ролях акта буллинга (хулиган, жертва, хулиган-помощник, защитники жертв, случайные свидетели). Дети наблюдают эпизоды буллинга, в которых должны выбрать стратегию положительного поведения своего аватара. Такой подход позволяет провести диагностику и выявить потенциальных агрессоров. Игрок участвует в продолжении истории, консультируя жертву относительно стратегий преодоления повторяющихся издевательства. Sapouna et al. (Sapouna et al., 2010) в своем исследовании показали, что виртуальное обучение, поощряющее детей к изучению эффективных стратегий борьбы с издевательствами, может снизить виктимизацию, особенно среди детей, которые уже подвергаются повторной агрессивной виктимизации. Так, при первом наблюдении у учащихся, имеющих опыт виктимизации, независимо от пола и возраста, наблюдалась тенденция к снижению риска виктимизации на 26 % по сравнению с контрольной группой. Однако было отмечено, что для того, чтобы виртуальные учебные вмешательства были эффективными, они должны иметь соответствующую продолжительность и требовать активного участия ребенка, так как повторное наблюдение после периода без применения игры не показало таких же высоких результатов, как первое.

Совместные игры в школе помогают заменить нормы соперничества нормами сотрудничества, которые позволяют понять, что победа может быть совместной, а способ достижения победы – не конкуренция (Lyons, 2022). Просоциальное поведение может ожидаться и приветствоваться. Как пример, приведем игру, нацеленную на социализацию детей в жизнь школы, Hall of Heroes, разработанную с учетом социальных проблем раннего подросткового возраста. Игра направлена на формирование социальных навыков, которые имеют решающее значение для позитивных межличностных отношений, включая общение, сотрудничество и социальную инициацию, а также навыки эмоционального осознания и регулирования эмоций, которые

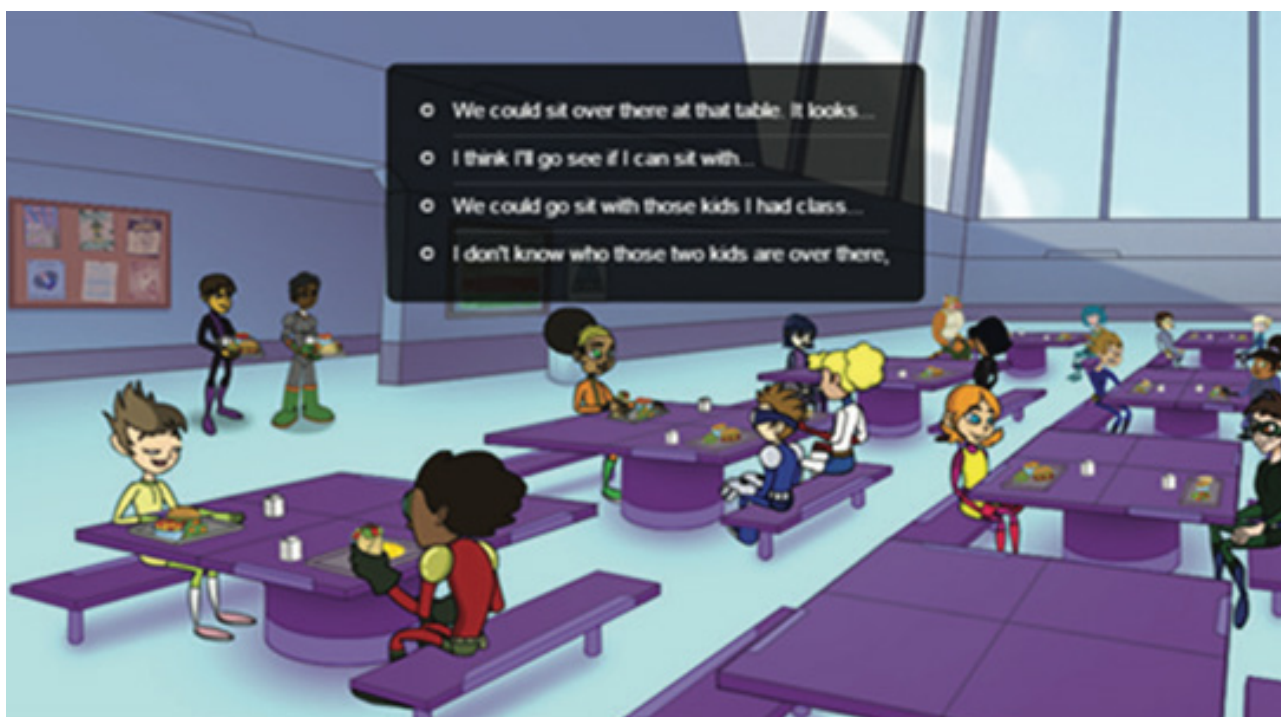

Рис. 1. Диалоговое меню: игроки обсуждают, куда сесть во время обеда (DeRosier, Thomas, 2019)

Fig. 1. Dialogue menu: players discuss where to sit during lunch (DeRosier, Thomas, 2019)

напрямую влияют на эмоциональные способности детей. Игра включает прямое обучение, разнообразные практические упражнения, динамическую обратную связь. В ней содержатся задания, касающиеся рутинных аспектов средней школы, которые включены в мир супергероев, что поддерживает вовлеченность.

В ходе предварительного исследования было выявлено, что учащиеся, завершившие *Hall of Heroes*, показали значительно больший рост показателей поведенческой и эмоциональной зрелости по сравнению с контрольной группой. Таким образом, респонденты, окончившие игру, значительно улучшили свои способности общаться с другими (как со сверстниками, так и с членами семьи), а также принимать симпатии и выражать эмоции по отношению к другим, в то время как группа, не окончившая игровой курс, практически не изменилась в этих областях. Кроме того, исследователи отметили, что те, кто прошел данную игру, имеют более низкий уровень социального стресса по сравнению с теми, кто не прошел игру (DeRosier, Thomas, 2019).

Игра включает эмоциональную деятельность, влияет на организацию эмоциональных стереотипов поведения и развивает социальные эмоции. Совместная игра создает базис для формирования отношения ребенка к окружающему миру². Игры влияют на ста-

новление и развитие таких социальных чувств, как эмпатия, сопереживание (Bachen, Hernández-Ramos, & Raphael, 2012; Kors et al., 2016). Так, например, в исследовании Bagès et al. (Bagès, Hoareau, & Guerrien, 2020) участникам были предложены разные сценарии актов буллинга, после чего их необходимо было проиграть, каждый раз меняя роли (агрессора, жертвы, свидетеля). Между разыгранными сценариями ситуации проходила рефлексия. Исследователи получили результат, что использование даже трех сеансов RPG (role-playing game) позволило студентам развить эмпатию и лучше понять чувства жертвы, а также уменьшить агрессивное поведение и издевательства (Bagès, Hoareau, & Guerrien, 2020). Кроме того, результаты их исследования согласуются со многими другими исследованиями в области игрового подхода к формированию эмпатии.

Примером игры на профилактику ксенофобии и развитие чувства эмпатии является *REAL LIVES* – это игра-симулятор, которая позволяет учащимся прожить жизнь человека из другой страны. С помощью различных кнопок пользователь может делать жизненный выбор за своих персонажей, видеть информацию о текущем статусе персонажа и истории его жизни, видеть эволюцию счастья, здоровья, богатства и других характеристик персонажа. *REAL LIVES* содержит

² Авдулова, Т. П. (2009). *Психология игры: современный подход*: учеб. пособие для студ. Высш. учеб. заведений. Издательский центр «Академия».

элементы, которые могли бы способствовать развитию когнитивных и эмоциональных функций и эмпатии. Bachen et al. (Bachen et al., 2012) в своем исследовании выдвинул ряд гипотез о том, что играющие будут проявлять большую эмпатию и интерес к изучению стран, за персонажей которых они играли. Результаты исследования показали, что учащиеся, игравшие в игру, набрали более высокое количество баллов в тестировании на эмпатию, чем контрольная группа. Студенты, которые играли в REAL LIVES, с большей вероятностью хотели бы узнать о жизни людей в других странах, чем контрольная группа. Кроме того, учащиеся, проходящие REAL LIVES, чаще проявляли интерес к чтению гипотетических новостей, которые были связаны с тематикой, относящейся к стране, или проблемами, представляющими международный интерес, чем контрольная группа. Исследователи (Bachen et al., 2012) обнаружили, что игра также обещает обеспечить более глубокий и устойчивый интерес к будущему обучению. Результаты их исследования подтверждают важность геймифицированного подхода как эффективного способа продвижения эмоциональных результатов обучения, таких как эмпатия, по сравнению с другой учебной деятельностью (Bachen et al., 2012).

Помимо описанных программ, существуют программы смешанной реальности. Смешанная реальность – это объединение виртуального и реального мира (Milgram & Kishino, 1994). Дополненная виртуальность – редко встречающийся термин, однако она дает возможность создания более наполненного виртуального мира, что позволяет усилить чувства, улучшить получаемый опыт и повысить ощущение присутствия игрока. Dinh et al. (Dinh et al., 1999) в своем исследовании пришли к выводу: чем больше добавлено сенсорных сигналов, тем сильнее ощущение присутствия и погружения. Механизм развития эмпатии – возможность смоделировать ощущения другого человека с помощью множества сенсорных сигналов. Одним из примеров исследования эмпатии в VR служит программа, которая учит студентов-медиков сопереживать пожилым людям с помощью программного обеспечения виртуальной реальности (VR). Программа позволила им имитировать пребывание в роли пациента с возрастными заболеваниями, такими как дегенерация макулы и потеря высокочастотного слуха, но с точки зрения ощущений пациента. Результаты исследования показали, что VR улучшила понимание возрастных проблем и повысила сочувствие медиков к пожилым людям (Dyer, Swartzlander, & Gugliucci, 2018). Примером игры со смешанной реальностью, нацеленной на усиление эмпатии, является игра A Breathtaking Journey (ABTJ). ABTJ ставит игрока на место другого человека. Опыт смешанной реальности не только дает возможность ощутить и почувствовать себя «где-то» в другом месте, но и ощутить и почувствовать себя «кем-то» дру-

гим, в опыте от первого лица, что делает игру со смешанной реальностью гораздо более захватывающей, чем другие экранные медиа. Временное «проживание» точек зрения других людей, восприятие и потенциальное ощущение того, что они чувствуют, по-видимому, отвечает большинству характеристик, необходимых для эмпатического опыта (Kors et al., 2016). Некоторые участники сообщают, что погружались в размышления во время небольшого момента бездействия в игре. Исследователи отмечают, что включение обыденных задач, которые создают моменты кажущихся бессмысленными действий, может быть еще недостаточно рассмотренным ресурсом для такого рода ретроспекции и самоанализа, который обычно в играх достаточно нетривиален. Kors et al. (Kors et al., 2016) наблюдали характеристики эмпатического реагирования, однако не оценивали уровни эмпатии или поведенческие намерения после игры.

Как мы говорили ранее, эффективность профилактики асоциального поведения зависит и от семейных отношений. Важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности является эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Существует ряд исследований, которые доказывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители – ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся развитием личности (Реан, 2015). Игровой подход может применяться в работе с семьей ребенка. При этом происходит перестройка форм эмоционального реагирования и стереотипов поведения, родители получают опыт иного проживания проблем и конфликтов. В процессе игры родители приобретают понимание и уважение к другому человеку, даже если он совсем маленький. Семейные игры проводятся совместно со всеми членами семьи и позволяют ребенку почувствовать свою значимость, а родителям побыть в роли ребенка, тем самым находясь с ним на равных, осуществить эмпатийное принятие ребенка, изменить свои неадекватные позиции (Ждакаева, 2011).

Исследование Ждакаевой Е. И. (Ждакаева, 2011) показали, что игровой подход эффективно воздействует на эмоциональный компонент детско-родительских отношений, улучшая показатели «способность к эмпатии», «безусловное принятие», «стремление к телесному контакту». Например, настольная игра «Росказки для взрослых» нацелена на понимание детско-родительских отношений, адаптацию ребенка в семью, выстраивание границ, формирование навыков взаимодействия с другими (Иванова, 2019).

Заключение

Проблема подростковой асоциальности и девиантности имеет большое значение в контексте задач организации воспитательного процесса в школе и семье,

а также реализации профилактических и корректирующих мер воздействия на несовершеннолетних. Данная работа должна представлять собой комплексные меры, направленные в большей степени на успешную социализацию и социальную адаптацию. В ситуации травли ребенок может выступать в разных позициях: жертвы, агрессора (булли) и свидетеля. Роли участников актов буллинга не закреплены и способны меняться в разных ситуациях и обществах (Реан, 2017). Исследователи отмечают, что существуют внутренние предпосылки, которые обеспечивают активное освоение одной из ролей в акте буллинга. Так, жертвы чаще всего тревожны, чувствительны, замкнуты, с низкой самооценкой, с малым количеством друзей, со слабым здоровьем. Все эти особенности могут быть либо следствиями травли, либо факторами риска, сигналами о том, что такого человека легко сделать жертвой. Агрессоры готовы применять насилие для самоутверждения и власти, они с трудом выполняют правила, мало эмпатичны к жертве, часто весьма популярны среди сверстников, хорошо манипулируют другими. Свидетели же стоят в позиции выбора – поддержать жертву и подвергнуться последствиям в виде потери статуса в обществе и безопасности, или остаться в стороне, ничего не предпринимая (Реан, 2017). Важной частью работы является создание правильных паттернов выявления и реагирования на акты буллинга через наблюдение и обучение. Новой формой наглядности может выступить геймификация, что подтверждается рядом исследований (Calvo-Morata et al., 2018). Использование геймификации позволяет проводить профилактику буллинга на этапе потенциального его возникновения. В результате анализа международного опыта было выявлено, что средства геймификации эффективно используются для включения в психологические практики, для развития просоциальных и профилактики асоциальных форм поведения. Геймификация выступает как новая форма коммуникации между агентами взаимодействия внутри профилактической работы при выявлении и выделении риска асоциального поведения за счет доступности и простоты. Понятность использования данных средств позволяет расширить аудиторию, а простые механизмы геймификации – внедрять такие системы в школах для обучения быстрого выявления начала деструктивных характеристик у детей и подростков для

преподавателей и родителей. Помимо этого, геймифицированные программы становятся средством изучения и диагностики агрессивного и отклоняющегося поведения. Так, была разработана среда, которая позволяла выявлять акты агрессивного поведения, с которыми можно столкнуться в быту (Lobbestael & Cima, 2021). Известно, что свидетели со значительной долей вероятности могут в дальнейшем переформироваться в булли или жертву агрессии. Кроме того, ранее использование геймификации позволяет проводить продуктивную просветительскую работу со свидетелями актов буллинга и кибербуллинга. Исходя из этого, правильное реагирование на агрессию становится частью психологической интервенции, а за счет стимулирования обратной связи подталкивает свидетеля к переоценке тех коммуникационных связей, где насилие стало нормой. Еще одной областью потенциальной психологической интервенции становится виктимизация. Виктимизация – процесс превращения в жертву. Важно предотвращать и бороться с процессом виктимизации, и одним из средств может выступать смоделированная реакция под контролем психолога для выявления потенциально неверных стратегий. Так, в исследовании Sapouna et al. (Sapouna et al., 2010) было показано, что виртуальное обучение, поощряющее детей к изучению эффективных стратегий борьбы с издевательствами, может снизить виктимизацию. Помимо этого, игровые техники могут встраиваться в систему семейного взаимодействия совместно с психологом для отработки детско-родительских отношений и, как следствие, улучшать или менять коммуникативные модели – а как известно, одним из ключевых предикторов девиантного поведения выступают родительские отношения. Еще один фактор – развитие эмпатии через проигрывание и наблюдение за другими, как и потенциальная борьба с ксенофобией. Так, ряд геймифицированных программ позволяют прожить и прочувствовать ощущения другого, получить положительное подкрепление за счет систем «обратной связи», а механизмы дополненной реальности – интегрировать дополнительный сенсорный опыт для получения дополнительного погружения. Таким образом, игры могут становиться хорошей площадкой для улучшения коллективного взаимодействия и формирования социальных навыков.

Список литературы

- Битянова, М. Р. (ред.) (2008). *Практикум по психологическим играм с детьми и подростками*. Санкт-Петербург: Питер.
- Ждакаева, Е. И. (2011). Игровая терапия как средство коррекции деструктивных детско-родительских отношений. *Омский научный вестник*, 6 (102), 160–163.
- Иванова, Е. Н. (2019). *Психологическая игра – как эффективная психотехнология в методической и консультативной работе*. Прикладная психология на службе развивающейся личности: Сборник научных статей и материалов XVI научно-практической конференции с международным участием (стр. 75-79). Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет.

- Новикова, М. А., Реан, А. А. (2019). Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования. *Вопросы образования*, 2, 78–97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>
- Новикова, М. А., Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2021). Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом. *Вопросы образования*, 3, 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Реан, А. А. (2015). Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст. *Национальный психологический журнал*, 4(20), 105–110. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0410>
- Реан, А. А. (ред.) (2017). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Реан, А. А. (2018). Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних. *Национальный психологический журнал*, 2 (30), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>
- Сарафанова, Л. В. (2012). Процесс виктимизации подростков и педагогические возможности его предупреждения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 3 (107), 157–161.
- Эльконин, Д. Б. (1999). *Психология игры*. 2-е изд. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».
- Anderson, C. A., & Dill, K. E. (2000) Video Games and Aggressive Thoughts, Feelings, and Behavior in the Laboratory and in Life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(4), 772–790. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.78.4.772>
- Bachen, C. M., Hernández-Ramos, P. F., & Raphael, C. (2012). Simulating REAL LIVES: Promoting Global Empathy and Interest in Learning Through Simulation Games. *Simulation & Gaming*, 43 (4). 437–460. <https://doi.org/10.1177/1046878111432108>
- Bagès, C., Hoareau, N., & Guerrien, A. (2020). Play to Reduce Bullying! Role-Playing Games Are a Useful Tool for Therapists and Teachers. *Journal of Research in Childhood Education*, 35(4), 631–641. <https://doi.org/10.1080/02568543.2020.1810834>
- Calvo-Morata, A., Rotaru, D. C., Alonso-Fernandez, C., Freire, M., Martinez-Ortiz, I., Fernández-Manjón, B. (2018). Validation of a Cyberbullying Serious Game Using Game Analytics. *IEEE Transactions on Learning Technologies*, 13(1), 186–197. <https://doi.org/10.1109/TLT.2018.2879354>
- DeRosier, M. E., & Thomas, J. M. (2019). Hall of Heroes: A Digital Game for Social Skills Training with Young Adolescents. *International Journal of Computer Games Technology*, Article ID 6981698. <https://doi.org/10.1155/2019/6981698>
- DeSmet, S., Bastiaensens, K., Van Cleemput, Poels, K., Vandebosch, H., Deboutte, G., Herrewijn, L., Malliet, S., Pabian, S., Van Broeckhoven, F., De Troyer, O., Deglorie, G., Van Hoecke, S., Samyn, K., & De Bourdeaudhuij, I. (2018). The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*, 78, 336–347. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.011>
- Dirksen, J., & Ditommaso, D., & Plunkett, C. (2019). Augmented and Virtual Reality for Behavior Change. *The Learning Guild*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23504.35842>
- Dyer, E., Swartzlander, B. J., & Gugliucci, M. R. (2018). Using virtual reality in medical education to teach empathy. *Journal of the Medical Library Association: JMLA*, 106(4), 498–500. <https://doi.org/10.5195/jmla.2018.518>
- Dinh, H. Q., Walker, N., Hodges, L. F., Chang Song, & Kobayashi, A. (1999). Evaluating the importance of multi-sensory input on memory and the sense of presence in virtual environments. *Proceedings IEEE Virtual Reality*, 99CB36316, 222–228. <https://doi.org/10.1109/VR.1999.756955>
- Kors, M. J. L., Ferri, G., van der Spek, E. D., Ketel, C., & Schouten, B. A. M. (2016). A Breathtaking Journey. On the Design of an Empathy-Arousing Mixed-Reality Game. *CHI PLAY '16: Proceeding of the 2016 Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play*, 91–104. <https://doi.org/10.1145/2967934.2968110>
- Lobbestael, J., & Cima, M. J. (2021) Virtual Reality for Aggression Assessment: The Development and Preliminary Results of Two Virtual Reality Tasks to Assess Reactive and Proactive Aggression in Males. *Brain Sciences*, 11(12), 1653. <https://doi.org/10.3390/brainsci11121653>
- Lyons, S. (2022). *Cooperative Games in Education: Building Community Without Competition, Pre-K–12*, Chapter 8. Teachers College Press.
- Milgram, P., & Kishino, F. (1994). A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*, 12(12), 1321–1329.
- Sapouna, M., Wolke, D., Vannini, N., Watson, S., Woods, S., Schneider, W., Enz, S., Hall, L., Paiva, A., Andre, E., Dautenhahn, K., & Aylett, R. (2010). Virtual learning intervention to reduce bullying victimization in primary school: A controlled trial. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 51(1). 104–112. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2009.02137.x>
- Sitzmann, T. (2011). A meta-analytic examination of the instructional effectiveness of computerbased simulation games. *Personnel Psychology*, 64(2), 489–528.

- Way, N., Reddy, R., & Rhodes, J. (2007). Students' Perceptions of School Climate during the Middle School Years: Associations with Trajectories of Psychological and Behavioral Adjustment. *American Journal of Community Psychology*, 3-4(40), 194-213. <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9143-y>
- Werbach, K. (2022). *Gamification*. Coursera, The University of Pennsylvania. Дата обращения: 03.06.2022. URL: <https://www.coursera.org/learn/gamification>
- Zych, I., Farrington, D. P., Llorent, V. J., & Ttofi, M. M. (2017) *Protecting Children against Bullying and its Consequences*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53028-4>

References

- Bityanova, M. R. (red.) (2008). *Praktikum po psihologicheskim igram s det'mi i podrostkami*. Saint Petersburg: Piter.
- Zhdakaeva, E. I. (2011). Igrovaya terapiya kak sredstvo korrektsii destruktivnykh detsko-roditel'skikh otnoshenij. *Omskij nauchnyj vestnik*, 6 (102), 160–163.
- Ivanova, E. N. (2019). *Psihologicheskaya igra – kak effektivnaya psihotekhnologiya v metodicheskoy i konsul'tativnoy rabote*. Prikladnaya psihologiya na sluzhbe razvivayushcheysya lichnosti: Sbornik nauchnykh statej i materialov XVI nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (str. 75-79). Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet.
- Novikova, M. A., Rean, A. A. (2019). Vliyanie shkol'nogo klimata na vozniknovenie travli: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt issledovaniya. *Voprosy obrazovaniya*, 2, 78–97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>
- Novikova, M. A., Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2021). Bulling v rossijskikh shkolah: opyt diagnostiki rasprostranennosti, polovozrastnykh osobennostej i svyazi so shkol'nyim klimatom. *Voprosy obrazovaniya*, 3, 62-90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Rean, A. A. (2015). Faktory riska deviantnogo povedeniya: semejnnyj kontekst. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 4(20), 105–110. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0410>
- Rean, A. A. (red.) (2017). *Psihologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya*. Moscow: YuNITI-DANA.
- Rean, A. A. (2018). Profilaktika agressii i asocial'nosti nesovershennoletnih. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2(30), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>
- Sarafanova, L. V. (2012). Process viktimizacii podrostkov i pedagogicheskie vozmozhnosti ego preduprezhdeniya. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 3(107), 157–161.
- El'konin, D. B. (1999). *Psihologiya igry*. 2-e izd. Moscow: Gumanitarnyj izdatel'skij centr VLADOS».
- Anderson, C. A., & Dill, K. E. (2000) Video Games and Aggressive Thoughts, Feelings, and Behavior in the Laboratory and in Life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(4), 772–790. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.78.4.772>
- Bachen, C. M., Hernández-Ramos, P. F., & Raphael, C. (2012). Simulating REAL LIVES: Promoting Global Empathy and Interest in Learning Through Simulation Games. *Simulation & Gaming*, 43 (4). 437–460. <https://doi.org/10.1177/1046878111432108>
- Bagès, C., Hoareau, N., & Guerrien, A. (2020). Play to Reduce Bullying! Role-Playing Games Are a Useful Tool for Therapists and Teachers. *Journal of Research in Childhood Education*, 35(4), 631–641. <https://doi.org/10.1080/02568543.2020.1810834>
- Calvo-Morata, A., Rotaru, D. C., Alonso-Fernandez, C., Freire, M., Martinez-Ortiz, I., Fernández-Manjón, B. (2018). Validation of a Cyberbullying Serious Game Using Game Analytics. *IEEE Transactions on Learning Technologies*, 13(1), 186–197. <https://doi.org/10.1109/TLT.2018.2879354>
- DeRosier, M. E., & Thomas, J. M. (2019). Hall of Heroes: A Digital Game for Social Skills Training with Young Adolescents. *International Journal of Computer Games Technology*, Article ID 6981698. <https://doi.org/10.1155/2019/6981698>
- DeSmet, S., Bastiaensens, K., Van Cleemput, Poels, K., Vandebosch, H., Deboutte, G., Herrewijn, L., Malliet, S., Pabian, S., Van Broeckhoven, F., De Troyer, O., Deglorie, G., Van Hoecke, S., Samyn, K., & De Bourdeaudhuij, I. (2018). The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*, 78, 336–347. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.011>
- Dirksen, J., & Ditommaso, D., & Plunkett, C. (2019). Augmented and Virtual Reality for Behavior Change. *The Learning Guild*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23504.35842>
- Dyer, E., Swartzlander, B. J., & Gugliucci, M. R. (2018). Using virtual reality in medical education to teach empathy. *Journal of the Medical Library Association: JMLA*, 106(4), 498–500. <https://doi.org/10.5195/jmla.2018.518>
- Dinh, H. Q., Walker, N., Hodges, L. F., Chang Song, & Kobayashi, A. (1999). Evaluating the importance of multi-sensory input on memory and the sense of presence in virtual environments. *Proceedings IEEE Virtual Reality*, 99CB36316, 222–228. <https://doi.org/10.1109/VR.1999.756955>

- Kors, M. J. L., Ferri, G., van der Spek, E. D., Ketel, C., & Schouten, B. A. M. (2016). A Breathtaking Journey. On the Design of an Empathy-Arousing Mixed-Reality Game. *CHI PLAY '16: Proceeding of the 2016 Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play*, 91–104. <https://doi.org/10.1145/2967934.2968110>
- Lobbestael, J., & Cima, M. J. (2021) Virtual Reality for Aggression Assessment: The Development and Preliminary Results of Two Virtual Reality Tasks to Assess Reactive and Proactive Aggression in Males. *Brain Sciences*, 11(12), 1653. <https://doi.org/10.3390/brainsci11121653>
- Lyons, S. (2022). *Cooperative Games in Education: Building Community Without Competition, Pre-K–12*, Chapter 8. Teachers College Press.
- Milgram, P., & Kishino, F. (1994). A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*, 12(12), 1321–1329.
- Sapouna, M., Wolke, D., Vannini, N., Watson, S., Woods, S., Schneider, W., Enz, S., Hall, L., Paiva, A., Andre, E., Dautenhahn, K., & Aylett, R. (2010). Virtual learning intervention to reduce bullying victimization in primary school: A controlled trial. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 51(1). 104–112. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2009.02137.x>
- Sitzmann, T. (2011). A meta-analytic examination of the instructional effectiveness of computerbased simulation games. *Personnel Psychology*, 64(2), 489–528.
- Way, N., Reddy, R., & Rhodes, J. (2007). Students' Perceptions of School Climate during the Middle School Years: Associations with Trajectories of Psychological and Behavioral Adjustment. *American Journal of Community Psychology*, 3-4(40), 194–213. <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9143-y>
- Werbach, K. (2022). *Gamification*. Coursera, The University of Pennsylvania. Дата обращения: 03.06.2022. URL: <https://www.coursera.org/learn/gamification>
- Zych, I., Farrington, D. P., Llorent, V. J., & Ttofi, M. M. (2017) *Protecting Children against Bullying and its Consequences*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53028-4>

Информация об авторах:

Артур Александрович Реан – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ.

Андрей Олегович Шевченко – аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ.

About the authors:

Artur A. Rean – Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, MPGU. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU.

Andrey O. Shevchenko – The analyst of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, MPGU.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 06.10.2022
Одобрена после рецензирования 21.10.2022
Опубликована 29.10.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 6, 2022
Approved after reviewing October 21, 2022
Accepted October 29, 2022

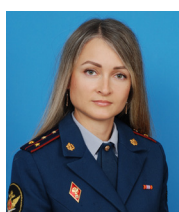

УДК 343.83

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-299-307

Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов

Анастасия Дмитриевна Пашукова

Академия ФСИН России

(Рязань, Россия)

pashukova_21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6198-4929

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что для продуктивного функционирования уголовно-исполнительной системы необходимы высококвалифицированные кадры. Сотрудники уголовно-исполнительной системы должны не только обладать специфическими профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и быть коммуникабельными, так как основой их служебной деятельности является педагогическое общение, направленное на исправление осужденных различной категории.

Для обеспечения успешной профессиональной деятельности сотрудникам, работающим с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов, важно обладать высоким уровнем профессиональной компетентности. В целях решения данной задачи был разработан педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, который представляет собой комплекс последовательных действий, направленных на достижение результата, а именно повышение уровня сформированности профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарных учреждений. Основные методы исследования – моделирование, беседа, тестирование, метод экспертной оценки.

Подчеркивается важность поэтапного формирования профессиональной компетентности в системе исправительного учреждения. Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников специализированных учреждений включает четыре основных этапа: первоначальный, диагностический, организационно-развивающий, результативный. Строгая последовательность реализации алгоритма поможет улучшить эффективность профессиональной деятельности сотрудников в исправительных учреждениях для содержания осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов.

В процессе исследования алгоритм доказал свою действенность, поскольку после его реализации наблюдается повышение уровня сформированности профессиональной компетентности сотрудников специализированных учреждений. Полученные результаты показали, что эффективность деятельности по ресоциализации и исправлению осужденных различной категории напрямую зависит от профессионализма сотрудников исправительных учреждений.

Ключевые слова

профессиональная компетентность, осужденный – бывший сотрудник правоохранительных органов, спецконтингент, педагогический алгоритм, специализированное учреждение, уголовно-исполнительная система, профессиональная деятельность

Для цитирования: Пашукова, А. Д. (2022). Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 299-307. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-299-307.

Pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees working with convicts - former law enforcement officers

Anastasia D. Pashukova

The Academy of the FPS of Russia

(Ryazan, Russia)

pashukova_21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6198-4929

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that highly qualified personnel are needed for the productive functioning of the penal system. Employees of the penal system should not only have specific professional knowledge, skills and abilities, but also be sociable, since the basis of their official activity is pedagogical communication aimed at correcting convicts of various categories.

To ensure successful professional activity, employees working with convicts – former law enforcement officers need to have a high level of professional competence. In order to solve this problem, a pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees was developed, which is a set of sequential actions aimed at achieving results, namely, increasing the level of formation of professional competence of prison staff. The main research methods are modeling, conversation, testing, and the method of expert evaluation.

The importance of gradual formation of professional competence in the correctional system is emphasized. The pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees of specialized establishments consists of four main stages (initial, diagnostic, organizational developmental, effective). The strict sequence of the algorithm implementation will help to improve the efficiency of the professional activities of employees in correctional institutions for the detention of convicts – former law enforcement officers.

In the course of the research, the algorithm proved its effectiveness, since after its implementation there is an increase in the level of formation of professional competence of employees of a specialized institution.

The obtained results showed that the effectiveness of activities for the re-socialization and correction of convicts of various categories directly depends on the professionalism of correctional staff.

Keywords

professional competence, convict – former law enforcement officer, special contingent, pedagogical algorithm, specialized institution, penal system, professional activity

For citation: Pashukova, A. D. (2022). Pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees working with convicts - former law enforcement officers. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 299-307. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-299-307.

Введение

В условиях развития уголовно-исполнительной системы от сотрудников требуется высокий уровень компетентности, позволяющий решать сложные задачи и проблемы, которые возникают в процессе служебной деятельности. Для успешной деятельности по исправлению и ресоциализации осужденных в современных условиях особую значимость для сотрудника пенитенциарного учреждения приобретают такие социально значимые профессиональные качества, как верность долгу и строгое соблюдение законности,

моральная чистота, порядочность, выдержка и самообладание, а также высокая познавательная активность, умение самостоятельно принимать решения в трудных ситуациях, практически использовать полученные знания (Карпова, Черемисова, Ковальчук, 2021). Без соответствующего научно-педагогического обеспечения сотрудников профессиональными знаниями, умениями, навыками невозможно решать профессиональные задачи на том высоком компетентном уровне, которого требует современная действительность.

Согласно статье 80 ч. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов, а именно сотрудники прокуратуры, следственного комитета, сотрудники Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, таможни, уголовно-исполнительной системы и др., отбывают уголовное наказание в отдельных пенитенциарных учреждениях, что обусловлено прошлой профессиональной деятельностью данных лиц (Пашукова, 2020). Совместное содержание с осужденными, не являющимися бывшими сотрудниками правоохранительных органов, способно спровоцировать конфликтные ситуации (Гаврина, Скрипкина, 2021), которые могут осложнить оперативную обстановку, создать реальную угрозу как для осужденных, так и для действующих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

”

Без соответствующего научно-педагогического обеспечения сотрудников профессиональными знаниями, умениями, навыками невозможно решать профессиональные задачи на том высоком компетентном уровне, которого требует современная действительность

“

В свете увеличения в последние годы числа осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов с девиантным поведением становится актуальной задача психолого-педагогической подготовки специалистов, работающих с представителями этой категории спецконтингента. От квалифицированных кадров, взаимодействующих с такими осужденными, для постоянного развития профессионализма, совершенствования мастерства требуется прочное усвоение знаний, умений и навыков, которые позволят им активно и успешно влиять на поведение осужденных данного контингента. Кроме того, сотрудники должны

в полной мере обладать необходимыми для самостоятельной плодотворной работы социально-психологическими свойствами.

Неоценима роль непосредственного участия сотрудника в процессе исправления путем взаимодействия осужденного и сотрудника (Максименко, Губина, 2020). В связи с этим важное значение приобретает высокий уровень сформированности профессиональной компетентности сотрудников, в прямой зависимости от этого находится результативность процесса исправления и ресоциализации осужденных специализированных учреждений (Гаврина, 2019).

Обзор литературы

Проблема профессиональной компетентности в трудах современных ученых разных областей знаний хорошо изучена и имеет богатый исследовательский опыт. Тем не менее в науке нет единого подхода к определению понятия «профессиональная компетентность», что объясняется спецификой объекта и предмета научного исследования и его разнообразием.

Если обратиться к этимологии слова «компетентность», то в его основе лежит латинское слово *competens*, что в переводе означает «соответствующий», «способный».

Философ и социолог К. Уинч полагает, что «профессиональная компетентность опирается на поведение в определенных условиях, а также на способности выполнять задание в соответствии с указанными параметрами в конкретной жизненной ситуации» (Winch, 2000). Среди других философов существует точка зрения, что профессиональная компетентность – это стиль мышления и образ поведения человека в служебной деятельности.

По мнению А. А. Вербицкого (Вербицкий, 2004), профессиональная компетентность – это определенная ступень в развитии профессионализма. Для ученого важна «профессиональная компетентность специалиста, его способности эффективно выполнять производственные функции, практически решать определенные классы задач и проблем» (Вербицкий, 2004).

И. П. Лотова расширяет смысл понятия профессиональной компетентности до понимания его «не только как общей совокупности знаний, но и как знания возможных последствий того или иного способа воздействия, до понимания уровня умения и опыта его практического использования», т. е. в понятие включена «способность человека правильно распоряжаться знаниями при выполнении профессиональных обязанностей» (Лотова, 2008).

Таким образом, профессиональная компетентность представляет собой совокупность профессионально необходимых знаний, умений и навыков, важных для

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ ; по состоянию на 20 дек. 2017 г. *Собрание законодательства Рос. Федерации*, 1997, 2, 198.

результативной работы в определенной сфере профессиональной деятельности.

В настоящее время проблема развития профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы подвергается тщательному теоретическому и эмпирическому анализу. Так, данная проблема рассматривается через реализацию компетентностного подхода профессионального и дополнительного видов образования сотрудников уголовно-исполнительной системы (Волошин, Дворцов, 2019; Шеремета, 2019);

через развитие и совершенствование профессиональной компетентности служащих (Качкина, 2020).

Образование сотрудников исправительных учреждений в современных условиях представляет собой разветвленную сеть, обеспечивающую развитие и профессиональный рост специалистов в течение всей служебной деятельности. Это и профильные учебные заведения, и регулярно проводимые курсы повышения квалификации (Ковальчук и др., 2021). Профессиональное обучение и развитие осуществляются также

Рис. 1. Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов

Fig. 1. Pedagogical algorithm for the development of professional competence of employees working with convicts - former law enforcement officers

в рамках каждодневной профессиональной деятельности, служебно-боевой подготовки. Значительную роль играет самообразование, самовоспитание и саморазвитие (Шамсунов, 2008).

В целях повышения эффективности профессиональной деятельности был разработан педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов (рис. 1).

Алгоритм – это совокупность определенных действий, правил, которые способствуют решению поставленной задачи (Тюгаев, Гаврицкая, 2022).

Данный алгоритм предполагает порядок выполнения действий, направленных на развитие профессиональной компетентности сотрудников специализированных учреждений. В основе алгоритма – организационно-развивающий этап, задача которого – профессиональная подготовка (теоретическая и практическая) сотрудников к специфике работы с осужденными – бывшими работниками правоохранительных органов. Акцент здесь делается на изучение психологических и индивидуальных особенностей осужденных данной категории (Ласкорийчук, 2016). Также в основе этого алгоритма лежит обучение навыкам коммуникации, без освоения которых невозможна реализация педагогического взаимодействия. Алгоритм включает изучение и анализ различных вариантов поведения в разнообразных ситуациях, которые требуют эффективного профессионального воздействия со стороны сотрудников (Рогач, Фетищева, 2020), обучение умениям развивать необходимые качества личности, а также мотивировать сотрудников на профессиональное самообразование и самосовершенствование (Лузгин, 2017).

Процесс формирования профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарных учреждений –

систематический и длительный процесс. Он происходит только при планомерной, целенаправленной и правильно организованной работе с сотрудниками по подготовке их к плодотворному взаимодействию с представителями спецконтингента. Такой процесс становится эффективным только при условии наличия у сотрудников соответствующего уровня профессиональной компетентности (Кевля, Зауторова, 2021).

Методология, методы и материалы исследования

Проверка результативности педагогического алгоритма развития профессиональной компетентности осуществлялась на базе ФКУ ИК № 3 ГУФСИН России по Иркутской области. Всего в исследовании приняли участие 55 сотрудников.

В целях выявления имеющегося у сотрудников уровня сформированности профессиональной компетентности применялись следующие методы и методики: моделирование, беседа, тестирование, метод экспертной оценки.

В результате беседы с сотрудниками специализированных учреждений были получены данные о личном понимании испытуемых, насколько хорошо они подготовлены к работе со сложной категорией осужденных. Необходимо отметить, что у 73 % сотрудников преобладают житейские знания. Они имеют поверхностные представления об индивидуальных особенностях осужденных данной категории. Как следствие, знаний для правильной и эффективной организации процесса взаимодействия с осужденными у сотрудников недостаточно.

Для определения специальных знаний опрошенных об индивидуально-психологических особенностях осужденных данной категории, а также знаний специфики

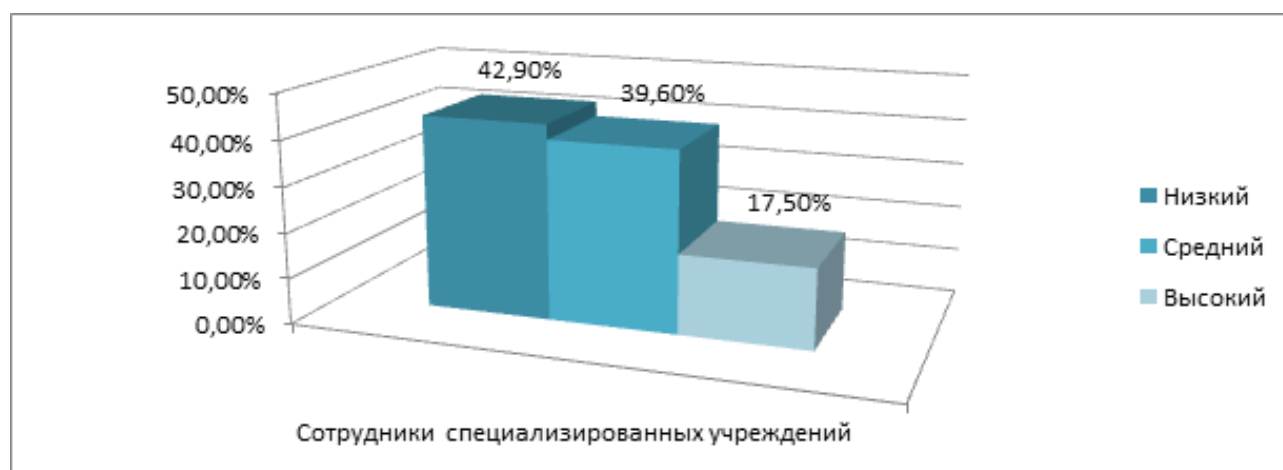

Рис. 2. Уровень профессиональной компетентности сотрудников на констатирующем этапе

Fig. 2. The level of professional competence of employees at the ascertaining stage

взаимодействия с ними были использованы тестовые задания. В результате проведения тестирования выявлен достаточно низкий показатель владения респондентами теоретическими знаниями: среднее количество правильных ответов у сотрудников – 37,9 %.

Результаты исследования

Уровень сформированности профессиональной компетентности сотрудников на констатирующем этапе представлен на рисунке 2.

Результаты констатирующего эксперимента показывают, что профессиональная компетентность сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов, характеризуется весьма низким уровнем сформированности. В то же время специфика профессионального взаимодействия сотрудников с данной категорией осужденных подразумевает наличие высокого профессионального мастерства, поэтому необходима реализация педагогического алгоритма по развитию профессиональной компетентности.

Процесс реализации педагогического алгоритма осуществлялся в системе служебной подготовки сотрудников исправительного учреждения. В ходе его реализации обучающиеся получали необходимые теоретические и практические знания, усваивали совокупность профессиональных, психологических, педагогических знаний, умений и навыков, которые способствуют росту педагогического мастерства и эффективности работы с указанной категорией осужденных.

Наиболее распространенной формой обучения сотрудников была лекция. Благодаря высокой степени информативности она позволила за минимальное время дать максимум информации. Курс лекций включал в себя теоретические основы профессионального взаимодействия с осужденными различной категории и направления самостоятельной работы обучающихся.

Практические занятия предназначались для формирования и закрепления социальных умений и навыков взаимодействия с осужденными. Формы и методы

проведения занятий были разнообразны: деловые (ролевые) игры, разного рода специальные упражнения, групповые проекты. Упражнения отражали практические ситуации, возникающие в служебной деятельности (Поляков, 2019).

После проведения специального обучения с сотрудниками было проведено повторное исследование. Анализ результатов диагностики уровня сформированности профессиональной компетентности сотрудников продемонстрировал положительную динамику. Об этом свидетельствуют результаты экспертных оценок в процентном отношении: высокий уровень – 85,6 %; средний уровень – 12,3 %; низкий уровень – 2,1 % (рис. 3).

Экспериментальная работа, осуществленная нами по реализации педагогического алгоритма развития профессиональной компетентности, показала свою эффективность, которую можно представить в виде уровней сформированности профессиональной компетентности сотрудников. На рисунке 4 показаны констатирующий и контрольный этапы педагогического эксперимента.

После специального обучения выявлено, что значительно снизилось количество сотрудников, имеющих низкий уровень, и существенно увеличились доли тех, кто обладает высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности.

Таким образом, есть основания утверждать, что предложенный педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих со специфической категорией осужденных, положительно повлиял на все составляющие профессиональной компетентности и, следовательно, повысил общий уровень профессиональной компетентности.

Выводы

Современные быстро меняющиеся условия действительности, вызвавшие модернизацию и ускоренные темпы развития уголовно-исполнительной системы, обусловили потребность в тщательном под-

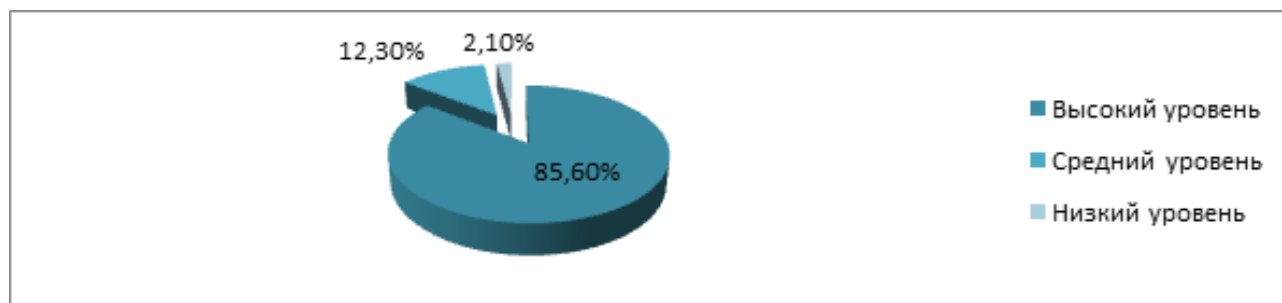

Рис. 3. Результаты экспертных оценок уровня профессиональной компетентности

Fig. 3. The results of expert assessments of the level of professional competence

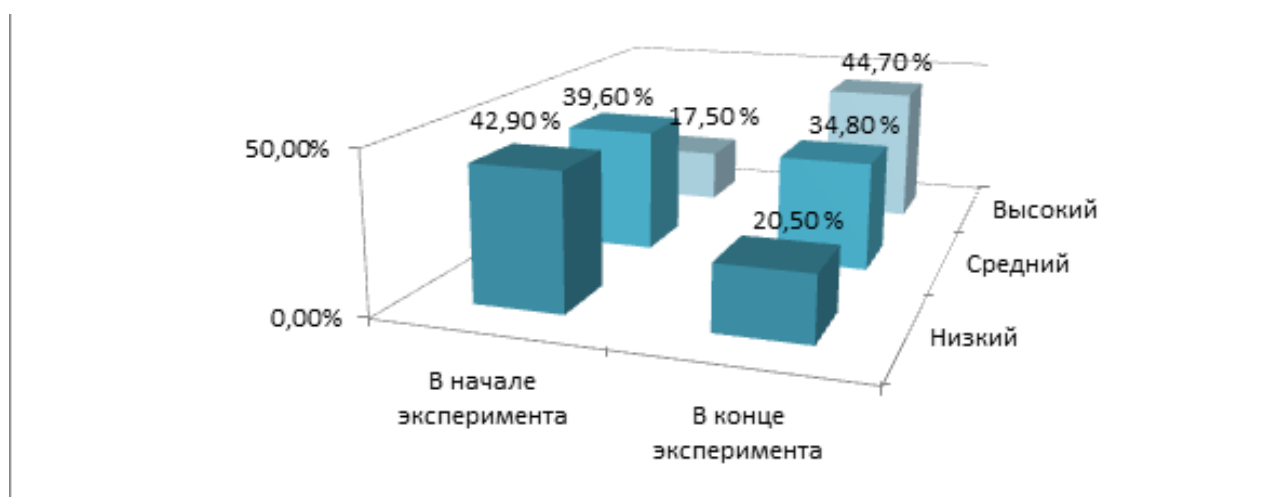

Рис. 4. Уровни сформированности профессиональной компетентности сотрудников на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Рис. 4. Levels of formation of professional competence of employees at the ascertaining and control stages of the experiment

боре и подготовке специалистов, обладающих высокой квалификацией, для решения новых, порой сложных задач, встающих перед сотрудниками, работающими с осужденными – бывшими работниками правоохранительных органов.

Выполнить задачи исправления и ресоциализации осужденных, принадлежащих к спецконтингенту, под силу только высокопрофессиональным сотрудникам, имеющим специальную подготовку. Профессиональная компетентность таких специалистов заключается не только в общей подготовке при условии обязательного наличия у сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов, определенных профессиональных качеств личности. Они нуждаются в организации специальной педагогической работы, направленной на приобретение специальных знаний, формирование и развитие профессиональной компетентности, связанной именно с работой в специализированных учреждениях.

Педагогический алгоритм развития профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими сотрудниками правоохранительных органов, представляет собой поэтапное

профессиональное обучение, включающее в себя различные формы (индивидуальные, групповые, дистанционные), методы (деловые игры, тренинги, лекции, кейс-метод, проблемное и контекстное обучение и т. д.) и средства (учебные пособия, справочники и дидактические материалы, компьютерные программы и т. д.).

Сравнительный анализ уровней профессиональной компетентности до и после экспериментальной работы показал значительную положительную динамику. Таким образом, получено эмпирическое подтверждение высокой значимости в реализации педагогического алгоритма развития профессиональной компетентности сотрудников, выполняющих свою профессиональную деятельность в исправительных учреждениях для содержания осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов.

Наличие у сотрудника исправительного учреждения необходимых качеств личности, высокий уровень развития специальных умений, навыков, глубокое освоение профессиональных знаний и постоянное их совершенствование способствуют эффективной реализации основной цели уголовно-исполнительной системы – исправления осужденных.

Список литературы

- Александрова, Н. С., Кропачева, О. В. (2021). Особенности повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Проблемы современного педагогического образования*, 72-4, 13–16.
- Вербицкий, А. А. (2004). *Компетентностный подход и теория контекстного обучения*: материалы к IV заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.

- Волошин, Д. В., Дворцов, В. Б. (2019). Проблемы педагогической подготовки преподавателей образовательных организаций ФСИН России в системе ведомственного профессионального образования. *Вестник Самарского юридического института*, 2 (33), 115–119.
- Гаврина, Е. Е. (2019). Профессиональная репутация сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Прикладная юридическая психология*, 4 (49), 127–134.
- Гаврина, Е. Е., Скрипкина, Т. П. (2021). Изучение межличностных отношений осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов. *Прикладная юридическая психология*, 4 (57), 20–26.
- Карпова, Г. С., Черемисова, И. В., Ковальчук, И. А. (2021). Особенности профессионально важных качеств руководителей исправительных учреждений. *Психология и право*, 11(2), 40–54. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110204>
- Качкина, Л. С. (2020). *Психологическое обеспечение процесса формирования социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы в ходе повышения квалификации: материалы юбилейной XX Всероссийской научно-практической конференции: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики* (отв. ред. Чириков А. Г.) (г. Новокузнецк, 28–29 октября 2020 года, стр. 351–353). Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.
- Кевля, Ф. И., Зауторова, Э. В. (2021). Трудности, возникающие в процессе общения сотрудников и осужденных в условиях исправительного учреждения. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, 4, 27–29.
- Ковальчук, И. А., Костина, Л. Н., Карпова, Г. С., Чудакова, С. Н., Душкин, А. С. (2021). Развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации. *Психология и право*, 11(1), 77–89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110107>
- Ласкорийчук, А. Ю. (2016). Отличительные особенности психологической работы в исправительной колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов, суда и прокуратуры. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 1(164), 46–48.
- Лотова, И. П. (2008). *Профессиональная карьера государственных служащих: теория, методология, практика: монография*. Москва: И. П. Лотова.
- Лузгин, С. А. (2017). Личностно-профессиональное самосовершенствование сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 10(185), 24–28.
- Максименко, М. В., Губина, А. В. (2020). Исправление осужденных как педагогическая составляющая профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы особенности подготовки к ней. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(2), 39.
- Пашукова, А. Д. (2020) Осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов как особая социальная категория при организации воспитательного процесса. *Мир науки. Педагогика и психология*, 6(8), 19.
- Поляков, А. В. (2019). Профессиональная социализация молодых сотрудников исправительных учреждений: компетентностный подход. *Мир науки. Педагогика и психология*, 1(7), 68.
- Рогач, В. Г., Фетищева, Л. М. (2020). Характеристика стрессоустойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляющих профессиональную деятельность в условиях постоянного взаимодействия с осужденными. *Мир науки. Педагогика и психология*, 6(8), 36.
- Тюгаева, Н. А., Гаврицкая, А. А. (2022). Алгоритм формирования перцептивных способностей сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Человек: преступление и наказание*, 30(2), 249–254.
- Шамсунов, А. А. (2008). Организация непрерывного профессионального образования сотрудников как основа совершенствования кадрового обеспечения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. *Казанский педагогический журнал*, 12 (66), 46–52.
- Шеремета, Т. В. (2019). Организация и оценка обученности сотрудников уголовно-исполнительной системы в дополнительном профессиональном образовании. *Проблемы современного педагогического образования*, 64-2, 247–250.
- Winch, C. (2000). *Education, work and social capital: towards a new conception of vocational education*. London; New York.

References

- Aleksandrova, N. S., Kropacheva, O. V. (2021). Osobennosti povysheniya kvalifikacii sotrudnikov ugodovno-ispolnitel'noj sistemy. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 72-4, 13–16.
- Verbickij, A. A. (2004). *Kompetentnostnyj podhod i teoriya kontekstnogo obucheniya: materialy k IV zasedaniyu metodologicheskogo seminaru 16 noyabrya 2004 g.* Moskow: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov.

- Voloshin, D. V., Dvorcov, V. B. (2019). Problemy pedagogicheskoy podgotovki prepodavatelej obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii v sisteme vedomstvennogo professional'nogo obrazovaniya. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2 (33), 115–119.
- Gavrina, E. E. (2019). Professional'naya reputaciya sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (49), 127–134.
- Gavrina, E. E., Skripkina, T. P. (2021). Izuchenie mezhlchnostnyhotnoshenij osuzhdennyh – byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (57), 20–26.
- Karpova, G. S., Chermisova, I. V., Koval'chuk, I. A. (2021). Osobennosti professional'no vazhnyh kachestv rukovoditelej ispravitel'nyh uchrezhdenij. *Psihologiya i pravo*, 11(2), 40–54. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110204>
- Kachkina, L. S. (2020). *Psihologicheskoe obespechenie processa formirovaniya social'no-psihologicheskoy kompetentnosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v hode povysheniya kvalifikacii: materialy yubilejnoj XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki* (otv. red. Chirikov A. G.) (g. Novokuzneck, 28–29 oktyabrya 2020 goda, str. 351–353). Novokuzneck: Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Kevlya, F. I., Zautorova, E. V. (2021). Trudnosti, vznikayushchie v processe obshcheniya sotrudnikov i osuzhdennyh v usloviyah ispravitel'nogo uchrezhdeniya. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 4, 27–29.
- Koval'chuk, I. A., Kostina, L. N., Karpova, G. S., Chudakova, S. N., Dushkin, A. S. (2021). Razvitie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov FSIN Rossii na nachal'nom etape professionalizacii. *Psihologiya i pravo*, 11(1), 77–89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110107>
- Laskorijchuk, A. Yu. (2016). Otlichitel'nye osobennosti psihologicheskoy raboty v ispravitel'noj kolonii dlya byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, suda i prokuratury. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 1(164), 46–48.
- Lotova, I. P. (2008). *Professional'naya kar'era gosudarstvennyh sluzhashchih: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya*. Moscow: I. P. Lotova.
- Luzgin, S. A. (2017). Lichnostno-professional'noe samosovershenstvovanie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 10(185), 24–28.
- Maksimenco, M. V., Gubina, A. V. (2020). Ispravlenie osuzhdennyh kak pedagogicheskaya sostavlyayushchaya professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy osobennosti podgotovki k nej. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 8(2), 39.
- Pashukova, A. D. (2020) Osuzhdennye – byvshie rabotniki sudov i pravoohranitel'nyh organov kak osobaya social'naya kategoriya pri organizacii vospitatel'nogo processa. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 6(8), 19.
- Polyakov, A. V. (2019). Professional'naya socializaciya molodyh sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij: kompetentnostnyj podhod. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 1(7), 68.
- Rogach, V. G., Fetishcheva, L. M. (2020). Harakteristika stressoustojchivosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, osushchestvlyayushchih professional'nyu deyatel'nost' v usloviyah postoyannogo vzaimodejstviya s osuzhdennymi. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 6(8), 36.
- Tyugaeva, N. A., Gavrickaya, A. A. (2022). Algoritm formirovaniya perceptivnyh sposobnostej sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 30(2), 249–254.
- Shamsunov, A. A. (2008). Organizaciya nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov kak osnova sovershenstvovaniya kadrovogo obespecheniya organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 12 (66), 46–52.
- Sheremeta, T. V. (2019). Organizaciya i ocenka obuchennosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 64-2, 247–250.
- Winch, C. (2000). *Education, work and social capital: towards a new conception of vocational education*. London; New York.

Информация об авторе:

Анастасия Дмитриевна Пашукова – преподаватель кафедры общей и педагогической психологии психологического факультета.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.06.2022

Одобрена после рецензирования 01.08.2022

Опубликована 29.10.2022

About the author:

Anastasia D. Pashukova – Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology.
The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 9, 2022

Approved after reviewing August 8, 2022

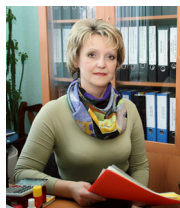
Accepted October 29, 2022

УДК 376.58

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-308-316

Профилактика девиантного поведения подростков в контексте духовно-нравственного воспитания

Елена Васильевна ФилипенкоСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
Filip-1217@mail.ru**ORCID:** 0000-0003-3922-459X

Аннотация

В статье анализируется одна из актуальных проблем современной образовательной практики – профилактика девиантного поведения подростков как необходимое условие прогрессивного и безопасного развития общества в частности и цивилизации в целом. При рассмотрении заявленной темы делается акцент на исследовании феномена девиантного поведения, поскольку эффективное осуществление превентивной воспитательной практики требует более глубокого и всестороннего осмысления сути отклоняющегося поведения. Исходя из этого были изучены основные виды отклоняющегося поведения, его ведущие социально-психологические детерминанты, система наиболее устоявшихся научных подходов к толкованию данной научной категории, а также педагогические стратегии профилактики названного вида поведения. Результативность профилактических мероприятий в решающей степени определяется комплексом применяемых форм и методов педагогической превенции, в связи с чем этот аспект также получил отражение в статье. Отдельное внимание уделено проблеме духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, так как именно достижение высокого уровня духовности и нравственности как у отдельно взятой личности, так и общества в целом рассматривается в качестве своего рода безусловного гаранта профилактической работы по предупреждению подростковой девиантности.

Ключевые слова

профилактика, девиантное поведение, отклоняющееся поведение, социализация, духовно-нравственное воспитание, превенция

Для цитирования: Филипенко, Е. В. (2022). Профилактика девиантного поведения подростков в контексте духовно-нравственного воспитания. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 308-316. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-308-316.

Prevention of deviant behavior of adolescents in the context of spiritual and moral education

Elena V. Filipenko Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
Filip-1217@mail.ru**ORCID:** 0000-0003-3922-459X

Abstract

The article deals with one of the urgent problems of modern educational practice – the problem of prevention of deviant behavior of adolescents as a necessary condition for the progressive and safe development of society and civilization as a whole. When examining the problem under consideration, the authors focus on the study of the phenomenon of deviant behavior, since the effective implementation of preventive educational practice requires a deeper and more comprehensive understanding of the essence of deviant behavior. On the basis of this statement, the authors have studied the main types of deviant behavior, its leading socio-psychological determinants, the system of the most adopted scientific approaches to the interpretation of this scientific category, as well as pedagogical strategies for the prevention of this type of behavior. The complex of applied forms and methods of pedagogical prevention crucially determines the effectiveness of preventive measures, and therefore, this aspect is also reflected in our article. Particular attention is paid to the problem of spiritual and moral education of the younger generation. Achieving a high level of spirituality and morality both of an individual and society is considered as a kind of unconditional guarantee of preventive work to prevent adolescent deviance.

Keywords

prevention, deviant behavior, socialization, spiritual and moral education, prevention

For citation: Filipenko, E. V. (2022). Prevention of deviant behavior of adolescents in the context of spiritual and moral education. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 08-316. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-308-316.

Введение

Одним из фундаментальных оснований любого общества является законопослушность всех граждан, что выступает важнейшей детерминантой его успешного и безопасного функционирования. Этим обусловлен социальный заказ образовательным организациям – обеспечить высокую результативность правовой социализации подрастающего поколения, способного выстраивать свою жизнедеятельность в соответствии с нормами закона и общечеловеческой морали.

Однако реализацию социального заказа современной школе во многом сдерживают социально-экономические, идеологические и мировоззренческие трансформации, происходящие в обществе на конкретном этапе его исторического развития, а длительное пребывание в состоянии духовно-нравственного вакуума, вызванного негативными аномическими тенденциями, еще более усугубило кризисную ситуацию в сфере воспитания молодежи. Вследствие этого девиантность как явление социального порядка, набирающее обороты в последние десятилетия, вызывает обоснованное беспокойство со стороны научной общественности и педагогов-практиков.

Отечественные ученые отмечают, что такие важные агенты правовой социализации, как семья, образовательные организации и средства массовой информации, все чаще оказывают не только противоречивое, но порой и явно негативное воздействие на характер социализации подростков (Самыгин и др., 2016). В частности, С. В. Книжникова полагает, что сегодня «основными агентами социализации детей являются уже не семья и государство в лице социальных институтов, проявляющих патерналистскую заботу, а медийно-информационная среда с девиантогенными посылами и стимулами» (Книжникова, 2021, с. 3). Дей-

ствительно, виртуальная среда значительно влияет на процесс расширения социальных девиаций современных подростков, когда в сфере их интересов начинают превалировать социально осуждаемые модели поведения. Как верно утверждает Д. Г. Шкаев: «Виртуальная реальность, выраженная в игре или ином приложении, позволяет раскрыться тем чертам личности, которые в обычной жизни не находят одобрения или поддержки у окружения, или же, что более пагубно, сформироваться совершенно новым установкам, девиантным и критически опасным» (Шкаев, 2020, с. 53). Влияние информационной культуры активизирует «скрытую программу социализации» через неконтролируемое взрослыми стихийное влияние интернет-пространства. Отрицательное воздействие многочисленных негативных факторов позволит предупредить эффективная превентивная система, которая способна существенно скорректировать формирование девиантной направленности личности на всех этапах ее социализации (Trainidad, 2021).

Обзор литературы

Проблема профилактики девиантного поведения подростков всегда была и остается актуальной областью исследовательских интересов отечественных ученых¹ (Зиннуров, 2011; Алексеев, 2012; Клейберг, 2014) и находит всестороннее освещение в трудах зарубежных исследователей (Kazdin, 1987; Childs et al., 2016; Gottfredson, 2018; Powell et al., 2019). Особенно активно заявленная проблема изучается в русле юридических, философских, социологических и психолого-педагогических знаний, которые служат методологическим основанием для теоретического осмысления обоих феноменов – девиантного поведения и его профилактики. Следует подчеркнуть, что девиантное поведение как научная категория весьма активно исследуется

¹ Аванесов, Г. А. (1980). *Криминология и социальная профилактика*: учебник. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР.

учеными разных научных областей, чем и объясняется отсутствие единого подхода в понимании и трактовке заявленного феномена.

Так, Я. И. Гишинский определяет социальные девиации, девиантность (deviance) как «социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям. А девиантное поведение (deviant behavior) – поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» (Гишинский, 2012, с. 157).

Е. В. Змановская также полагает, что девиантности как социально-психологическому явлению свойственна своего рода разбалансировка трех важнейших процессов социализации – социальной адаптации, социально-психологической интеграции и индивидуализации посредством самореализации. Рассогласование межличностных контактов и социального взаимодействия личности (группы) обуславливает обострение противоречий. Закономерными последствиями девиации являются следующие: недостаточность (неэффективность) социальной адаптации к окружающей среде; заниженная активность в интеграции постулируемых в обществе ценностей и слабый уровень их интериоризации; превалирование процессов индивидуализации и направленность на девиантную самореализацию (Змановская, 2013). Таким образом, девиантное поведение трактуется Е. В. Змановской как «внешнее проявление девиантности в форме повторяющихся действий, получающих негативную общественную оценку, представляющих объективную угрозу для личности или общества, но одновременно имеющих высокую индивидуальную значимость вследствие их направленности на компенсацию нарушений в системе социальных отношений личности (группы)» (Змановская, 2013, с. 190).

Интерес представляет точка зрения Ю. А. Клейберга, который считает, что практически все социальные девиации являются следствием ценностно-нормативной деформации личности и дисфункции социальных систем (Клейберг, 2014).

Интегрированное знание о сущности девиантного поведения и его концептуальное обоснование, диалектическое единство теории и практики образуют своего рода превентологический и аддиктологический фундамент профилактической деятельности специалистов в сфере предупреждения девиантного поведения подрастающего поколения. Однако проблеме педагогической превенции подростковой девиантности долгие годы не уделялось

должное внимание, так как основной акцент ученые делали на обеспечение психолого-педагогической коррекции названного вида поведения. Между тем любое асоциальное явление, как известно, лучше заранее предупредить, чем устранять его негативные последствия, а потому мы солидарны с Г. А. Аванесовым в том, что профилактику надо начинать заранее, поскольку любая профилактика может рассматриваться как ранняя, если она опережает совершение преступления². На важность своевременного предупреждения тех или иных отклонений в личностном развитии индивида обращает внимание С. Л. Алексеев, который трактует профилактику как «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка» (Алексеев, 2012, с. 94).

”

*Интегрированное знание
о сущности девиантного поведения
и его концептуальное обоснование,
диалектическое единство теории
и практики образуют своего
рода превентологический
и аддиктологический фундамент
профилактической деятельности
специалистов в сфере
предупреждения девиантного
поведения подрастающего
поколения*

“

Исследуя проблему профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних, многие современные ученые склонны относить к предупредительным мероприятиям следующие: психолого-педагогическое сопровождение (Лосева, 2021; Чечикова, 2022); целенаправленный процесс ресоциализации подростков (Москвина, Миронов, 2016); комплекс превентивных мер, направленных на формирование социально-личностной жизнеспособности девиантных подростков (Паатова, 2017); оказание педагогической помощи и поддержки развивающейся личности на определенном этапе ее жизненного пути (Бакланова и др., 2018); формирование адаптивных стратегий, обеспечивающих реализацию социально одобряемых форм по-

² Аванесов, Г. А. (1980). *Криминология и социальная профилактика*: учебник. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР.

ведения (Смирнов, 2018). Из сказанного становится очевидным, что эффективность воспитательно-профилактической деятельности достигается посредством проектирования таких педагогических условий, как:

– создание максимально комфортной коммуникативной среды жизнеобитания воспитанников, базирующейся на принципах гуманности, взаимного уважения, открытости и доверительности;

– выработка компенсаторных механизмов замещения психологических свойств и качеств, содействующих стимулированию социально неодобряемой активности;

– устранение личностных проблем подростков, детерминирующих девиантное поведение;

– своевременное нивелирование дисфункциональных воздействий и негативных факторов окружающей реальности;

– осуществление коррекции стратегий личностного развития подростков за счет усиления аксиологической составляющей их социальной ориентации (Зиннуров, 2011).

Таким образом, процесс педагогической превенции следует осуществлять в русле аксиологического подхода, позволяющего через реализацию проверенных временем ценностных координат задать гуманистический вектор развития современного образования в целом. Это поможет образовательным организациям в полной мере обеспечить осуществление социального заказа на формирование высоконравственных, законопослушных, социально активных граждан, способных жить в соответствии с правовыми нормами и моральными законами общества. В связи с этим мы разделяем позицию М. И. Гореликова, утверждающего, что специфика и характер современного воспитания должны, прежде всего, сдерживать эскалацию обесценивания в подростковой и молодежной среде извечных духовно-нравственных оснований, согласующихся с общечеловеческой моралью. Однако кардинально изменить ситуацию в сторону положительной динамики можно при условии целенаправленного и последовательного осуществления духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, предполагающего максимально возможное расширение духовных горизонтов детей и подростков, формирования у них способности мыслить и оперировать нравственно-этическими категориями, сознательно следовать примерам воинской и трудовой доблести, товарищества, дружбы, любви и подлинного гуманизма.

Методология, методы и материалы исследования

В процессе теоретического осмысления заявленной проблемы мы ставили перед собой цель апробировать

методический арсенал форм и методов духовно-нравственного воспитания, образующих основу профилактической работы по предупреждению девиантного поведения подростков.

Реализации названной цели послужили следующие задачи:

1) формирование у подростков осознанной потребности в деятельности просоциального и нравственно ориентированного характера;

2) расширение социального и нравственного кругозора воспитанников с последующей выработкой умения верно оперировать морально-этическими категориями;

3) стимулирование способности к ценностному осмыслению и восприятию подростками предлагаемого их вниманию воспитательно-дидактического материала в целях повышения общего уровня их эмоционально-нравственной отзывчивости, повышения уровня нравственной культуры как важнейших педагогических условий предупреждения подростковых девиаций.

Опытно-экспериментальная работа по духовно-нравственному воспитанию подростков как необходимого условия профилактики их отклоняющегося поведения проводилась в естественных условиях учебно-воспитательного процесса МАОУ «СОШ № 30» города Стерлитамак Республики Башкортостан, где в качестве объектов исследования выступили обучающиеся 6–7-х классов в количестве 56 человек.

Первоначальная информация была получена в ходе применения такого диагностического метода, как целенаправленное наблюдение за групповой и индивидуальной деятельностью воспитанников. Мы выяснили, что обучающиеся (в силу свойственных подросткам тенденций к сепарации и автономии от взрослых) с большим энтузиазмом принимают участие в тех видах деятельности, инициаторами которых выступают сами. К деятельности просоциального характера, организуемой по директиве педагогов, демонстрируют индифферентное отношение; при побуждении к действиям оценочного характера проявляют пассивность, а порой и лояльность к социально неодобряемым поступкам.

В процессе педагогической диагностики мотивационной активности подростков и определения системы их ценностных координат был применен метод опроса, цель которого состояла в выяснении источника приобретения воспитанниками морально-этических знаний и представлений, влияющих на результативность их духовно-нравственного воспитания. К основным информационным ресурсам мы отнесли две важные сферы: сферу повседневного жизнеобитания подростка, представленную семьей, микросредой и образовательным учреждением, и культурно-идеологическую сферу, включающую

в себя такие значимые средства формирования мировоззрения и идейно-нравственного кругозора личности, как средства массовой информации, интернет-ресурсы, театр и пр. Результаты проведенного опроса показали, что 50 % респондентов (из общего количества 56 человек) сведения о тех или иных нравственных ценностях и нормах получают в основном в школе – в ходе урочной и внеурочной деятельности, 39 % опрошенных – от родителей, на иные источники информации сослались всего 11 % подростков.

Поскольку полученные детьми знания не всегда усваиваются ими правильно, мы провели анкетирование, ориентированное на выяснение уровня осознанного понимания обучающимися сущности отдельных этических категорий, что составляет фундаментальное основание духовно-нравственной культуры личности. Вопросы в предложенной анкете имели целью выяснение степени значимости для подростков определенных этико-семантических констант, что находит отражение в их отношении к окружающим людям, животным, природной и социальной среде своего жизнеобитания. В ходе проведенного анализа мы выяснили, что лишь 45 % подростков отличает активная жизненная позиция, вследствие которой они способны на сопереживание и готовность прийти на помощь любому, кто в этом нуждается.

С учетом полученных данных с обучающимися была проведена этическая беседа на тему «Чем опасно равнодушие?», в процессе которой оказалось, что смысловое содержание категории «равнодушие» дети понимают вполне адекватно, выражая при этом однозначно негативное отношение к носителям подобного качества. Однако применительно к себе подростки объясняли названное личностное свойство как проявление скромности, уравновешенность, стремление к бесконфликтности.

Нами также была использована методика незаконченных предложений. Обучающимся было предложено продолжить начатые предложения, например: «Самое ценное для меня в жизни – это...», «Достойно жить – значит...», «Порядочный человек – это...» и др. Анализ полученных результатов показал, что такие человеческие качества, как «порядочность», «гуманность», «милосердие», были отнесены большинством обучающихся к категориям несовременных и неактуальных. Следует отметить, что в ответах подростков практически не встречались такие ценности, как «честь», «альтруизм», «долг», «труд», что свидетельствует, на наш взгляд, о некоторой девальвации этих ценностей среди современной молодежи. Определенную настороженность вызвали следующие ценности: «стремление к богатству» (в интерпретации подростков, это одна из важнейших составляющих жизни и возможность достижения личных целей без особых на то усилий); «любовь к себе» (ассоциировалась у опрошенных

с эгоизмом, самовлюбленностью и самолюбованием); «умение вовремя приспособиться» (в смысловой трактовке подростков означало «удобно и с выгодой для себя использовать обстоятельства и отношения с людьми»); «физическая сила» (значимое, по мнению подростков, средство, выступающее в определенных ситуациях способом межличностной коммуникации и завоевания авторитета) и т. д. Вместе с тем в суждениях обучающихся обнаружилось явное противоречие: с одной стороны, они выступали за сильного человека, способного выжить в сложных условиях современного социума, наделенного «железной хваткой» и умением действовать в собственных интересах, буквально «идти по головам», а с другой – категорически не желали, чтобы в их ближайшем окружении находились подобные личности. В целом, анализ полученных результатов показал, что в ответах обучающихся преобладали ориентация на себя, личные интересы и собственное благополучие, что свидетельствовало о предпочтении ценностей эгоистического и прагматического характера, некоторой оторванности имеющих потребности от реальных возможностей их достижения, об искажении понимания истинных общечеловеческих ценностей.

Необходимо отметить, что проведенное диагностическое исследование позволило нам спроектировать дальнейшую воспитательную и коррекционно-профилактическую работу, направленную на предупреждение нежелательных проявлений в поведении отдельных обучающихся.

Содержательный аспект нашей опытно-экспериментальной работы сводился к формированию у подростков умения обнаруживать различные причинно-следственные связи в человеческих действиях и поступках, адекватно отражать их логику. На выработку подобного рода умений были направлены занятия этического характера. При рассмотрении тем, представленных в данном блоке, мы применяли разнообразные формы организации воспитательной деятельности духовно-нравственного порядка. В числе наиболее продуктивных и популярных оказались такие традиционные формы, как классные часы, диспуты, тематические вечера, викторины и т. п. Например, диспуты были проведены на следующую тематику: «Много ли нужно людям для счастья?», «Что такое „добро с кулаками“?», «Бывает ли зависть белой?», «Всегда ли ложь во благо?», «Лучше ли быть одному, чем вместе с кем попало?».

Диспуты позволяют максимально полно выявить аксиологическую направленность личности, ее мировоззренческий потенциал, систему жизненных ценностей и характер отношения к окружающей действительности. Умело управляя ходом этической дискуссии, педагог способен выработать у обучающихся систему должных моральных понятий и представлений относительно принципиально важных вопросов челове-

ского бытия, задать педагогически верное направление развитию их духовно-нравственных ориентаций.

При проведении классных часов подросткам были предложены на выбор различные темы. Свой выбор они сделали в пользу следующих тем: «Я в мире будущего», «Заповедь: „Не укради!“ в нашей жизни», «Почему человек есть мера всех вещей?», «Интернет в моей жизни: за и против». Педагогическая ценность подобных классных часов состоит в их высоком информационно-познавательном, диагностическом и ценностно-мировоззренческом потенциале, что позволяет в итоге получить весьма объективную картину специфики духовно-нравственного развития современных школьников и своевременно выявить отдельные деструктивные проявления и суждения, представляющие опасность для морального здоровья как самого подростка, так и для его ближайшего окружения.

”

Умело управляя ходом этической дискуссии, педагог способен выработать у обучающихся систему должных моральных понятий и представлений относительно принципиально важных вопросов человеческого бытия, задать педагогически верное направление развитию их духовно-нравственных ориентаций

“

Обязательным методическим условием результативности воспитательных мероприятий было проведение так называемого рефлексивного анализа, суть которого состояла в совместном обсуждении каждого из мероприятий, выяснении вопросов целеполагания и целедостижения, определении позитивных и негативных моментов, нахождении путей возможного решения возникших проблем. Подобного рода работа содействует формированию у подростков ценных навыков продуктивной мыслительной деятельности, способности к критическому мышлению, ответственности за принятые решения и результаты своих поступков.

На первоначальном этапе экспериментальной работы наше внимание было обращено на то, что подростки испытывали явные затруднения в выявлении тех или иных моральных качеств и свойств (например, не могли дать характеристику своему другу или описать достоинства собственных родителей). Позже, вследствие несомненной результативности проведенных нами воспитательных мероприятий, уже у 76 % опрошенных подростков проявилась способность этически верно трактовать и интерпретировать моральные категории, отмечать их сущностные характеристики, что является безусловным свидетельством высокого уровня развития их словесно-логического мышления. На заключительной стадии (как показали данные педагогического наблюдения) между обучающимися улучшились межличностные контакты, подростки стали демонстрировать примеры объективной самооценки, взаимного уважения, обнаружили способность к проявлению толерантности и высокий для их возраста уровень самокритичности.

Результаты исследования

На завершающей стадии экспериментальной работы мы проследили динамику изменения ценностных ориентаций подростков, взяв за основу метод ранжирования. Его цель заключалась в определении уровня сформированности социальных и нравственных приоритетов обучающихся. В ходе специального опроса выяснялись личностные предпочтения обучающихся, которым было дано задание расположить по степени значимости из двадцати предложенных десять особо значимых для себя жизненных ценностей. В число наиболее избираемых ценностей у подростков попали следующие: здоровье, деньги, любовь, дружба, карьера, уверенность в себе, самостоятельность и т. п. Таким образом, полученные диагностические результаты доказывают, что первоначально ценностные ориентации подростков отличались преимущественно эгоистической и прагматической направленностью. После проведения серии воспитательных мероприятий духовно-нравственного порядка произошла значительная корректировка ценностных приоритетов подростков, в сферу предпочтений которых вошли нравственные ориентации, такие как чувство долга, отзывчивость, справедливость и порядочность. Несмотря на то что в сфере личностных приоритетов, как и прежде, доминируют ценности материального свойства, что вполне объяснимо с позиций духа нашего времени, возрастающая значимость для подростков нравственных императивов является несомненным доказательством результативности проведенной воспитательной практики.

Позитивная динамика была подтверждена и в ходе применения диагностической методики незаконченного предложения. На начальном этапе опытно-

экспериментального исследования подростки мыслили исключительно в пределах вещно-ориентированной и прагматической тематики. На завершающей стадии их рассуждения приобрели уже более нравственную тональность, поскольку все чаще в сферу подростковых фантазийных проектов и развернутых ответов попадали не только личные интересы, но и интересы общечеловеческие, затрагивающие как собственные потребности, так и нужды отдельных людей и даже всего человечества в целом.

Выводы

Проведенное исследование показало, что духовно-нравственное воспитание как фундаментальное основание базовой культуры личности объективно может выступать действенным способом профилактики отклоняющегося поведения подростков, успешно предупреждая девиантную направленность личности и побуждая ее к созидательной деятельности просоциального характера.

По сути, именно духовно-нравственное воспитание является своего рода ведущим превентивным условием предупреждения подростковой девиантности, поскольку в полной мере обеспечивает постановку и реализацию важной социально-образовательной цели, прогнозируя возможные трансформации и осуществляя своевременную коррекцию тех или иных отклонений посредством целенаправленного контроля и педагогического управления. Духовно-нравственное воспитание, таким образом, активно содействует успешной реализации стратегий педагогической превенции, среди которых В. Г. Соловьянюк-Кротова выделяет следующие:

– стратегия всеобъемлющей профилактики, которая предусматривает максимальное нивелирование всех негативных факторов, влияющих на формирование девиантного поведения. Ее реализация требует создания на государственном уровне мощной профилактической системы, берущей под тщательный и всесторонний контроль практически все сферы общественной жизни, где приоритетной должна выступать именно духовно-нравственная сфера;

– персональная стратегия личностно ориентированной профилактики, выстраиваемая в соответствии с индивидуально-личностными особенностями каждого ребенка. Здесь требуется осуществить широкомасштабную фронтальную диагностику всех

без исключения обучающихся, чтобы в последующем дифференцировать их по основным типам девиаций и наметить систему конкретных превентивных либо интервенционных мер, направленных на предупреждение отклоняющегося поведения;

– стратегия оперативного реагирования, позволяющая эффективно разрешить проблему подростковых девиаций на самом раннем этапе их возникновения (Соловьянюк-Кротова, 2010).

Подобного рода профилактическая практика предусматривает оптимальную организацию социально-педагогической среды, широкое морально-этическое и социальное информирование воспитанников по всем вопросам их жизнедеятельности, целенаправленное социальное научение жизненно ценным умениям и навыкам, организацию просоциальной деятельности как альтернативной отклоняющемуся поведению, создание валеологических основ жизнедеятельности и пропаганды здорового образа жизни, актуализацию внутренних ресурсов и минимизацию негативных издержек социально неодобряемого поведения.

Проводимая воспитательно-профилактическая работа образовательными организациями должна осуществляться, в первую очередь, в рамках персональной стратегии и стратегии оперативного реагирования. Социально-педагогические стратегии профилактики девиантного поведения подростков должны быть реализованы посредством таких функций, как психолого-педагогическое обеспечение, защитно-охранительная, воспитательная, регулятивно-превентивная функции, а также функция педагогического контроля и коррекции поведения.

Осуществляя педагогическую деятельность по профилактике девиантного поведения подростков в ходе духовно-нравственного воспитания, мы пришли к выводу, что примененная нами методика обладает должным воспитательным потенциалом, направляет активность подростков в русло освоения общечеловеческих ценностей и усвоения ими норм и регламентаций морально-этического и социально-правового характера. Очевидно, что превенция подростковой девиантности в процессе духовно-нравственного воспитания формирующейся личности подростков способна осуществляться успешно и должна получать развитие не только в системе общеобразовательной школы, но и в практике семейного воспитания.

Список литературы

- Алексеев, С. Л. (2012). Профилактика девиантного поведения молодежи: психолого-правовой аспект. *Казанский педагогический журнал*, 3(93), 94–102.
- Бакланова, Н. К., Потапов, Д. А., Бакланов, К. В. (2018). Девиантное поведение подростков: основы профилактики. *Наука и школа*, 4, 82–86.
- Гишинский, Я. И. (2012). *Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»*. Сборник статей. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс».

- Гореликов, М. И. (2017). Особенности духовно-нравственного воспитания подростка в современных условиях социализации. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*, 3, 27–34.
- Зиннуров, Ф. К. (2011). *Педагогическая система профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности*: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России.
- Змановская, Е. В. (2013). Структурно-динамическая концепция девиантного поведения. *Вестник ТГПУ*, 5 (133), 189–195.
- Клейберг, Ю. А. (2014). *Основы психологии девиантного поведения*: монография. Москва: АЛЕФ-Пресс.
- Книжникова, С. В. (2021). Научно-педагогические идеи о профилактике девиантного поведения детей в условиях школы: обзор диссертационных исследований за период 2000–2020 гг. *Концепт*, 10, 1–18.
- Лосева, О. А. (2021). Особенности психолого-педагогического сопровождения младших школьников, склонных к девиантному поведению. *Наука и реальность/Science & Reality*, 3 (7), 29–31.
- Москвина, Е. В., Миронов, Д. Д. (2016). Коррекционно-развивающая среда специального учебно-воспитательного учреждения как условие ресоциализации подростков делинквентного поведения. *Педагогическое образование в России*, 3, 76–81.
- Паатова, М. Э. (2017). Формирование социально-личностной жизнеспособности в процессе социально-педагогической реабилитации девиантных подростков в учреждениях закрытого типа. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 1 (193), 40–45.
- Смирнов, А. В. (ред.) (2018). *Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации*: коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Самыгин, П. С., Попов, М. Ю., Самыгин, С. И. (2016). Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 16(2), 295–303.
- Соловьянюк-Кротова, В. Г. (2010). Стратегии профилактики девиантного поведения старшеклассников. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 2.
- Чечикова, И. В. (2022). *Педагогическое сопровождение подростков, состоящих на учете в отделениях по делам несовершеннолетних*: автореф. ... канд. пед. наук. Москва.
- Шкаев, Д. Г. (2020). Вирусы разума, цифровая религия и мифология девиаций: социально-философское сопоставление. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал*, 3, 49–54.
- Childs, K. K., Davidson, M., Potter, R. H., & Rosky, J. W. (2016). Exploring the Structure of Adolescent Problem Behaviors and the Associated Adult Outcomes. *Deviant Behavior*, 37:1, 95–113. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.983018>
- Gottfredson, M. R. (2018). General Theory and Global Criminology: Childhood Environments, Problem Behaviors, and a Focus on Prevention. *Asian Journal of Criminology*, 13, 347–365. <https://doi.org/10.1007/s11417-018-9275-z>
- Kazdin, A. E. (1987). *Conduct disorders in childhood and adolescence*. Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Powell, Z. A., Craig, J. M., Piquero, A. R., Baglivio, M. T., & Epps, N. (2019). Delinquent Youth Concentration and Juvenile Recidivism. *Deviant Behavior*, 42(7), 821–836. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1701622>
- Trinidad, J. E. (2021). Childhood adversity and deviant peers: Considering behavioral selection and cultural socialization pathways. *Children and Youth Services Review*, 121, 105844. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105844>

References

- Alekseev, S. L. (2012). Profilaktika deviantnogo povedeniya molodezhi: psihologo-pravovoj aspekt. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3(93), 94–102.
- Baklanova, N. K., Potapov, D. A., Baklanov, K. V. (2018). Deviantnoe povedenie podrostkov: osnovy profilaktiki. *Nauka i shkola*, 4, 82–86.
- Gilinskij, Ya. I. (2012). *Deviantnost', prestupnost' i social'nyj kontrol' v «novom mire»*. Sbornik statej. Sankt-Peterburg: Izdatel'skij Dom «Alef-Press».
- Gorelikov, M. I. (2017). Osobennosti duhovno-nravstvennogo vospitaniya podrostka v sovremennyh usloviyah socializacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*, 3, 27–34.
- Zinnurov, F. K. (2011). *Pedagogicheskaya sistema profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov v usloviyah sociokul'turnoj deyatel'nosti*: monografiya. Kazan': Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Zmanovskaya, E. V. (2013). Strukturno-dinamicheskaya koncepciya deviantnogo povedeniya. *Vestnik TGPU*, 5 (133), 189–195.
- Klejberg, Yu. A. (2014). *Osnovy psihologii deviantnogo povedeniya: monografiya*. Moskow: Alef-Press.
- Knizhnikova, S. V. (2021). Nauchno-pedagogicheskie idei o profilaktike deviantnogo povedeniya detej v usloviyah shkoly: obzor dissertacionnyh issledovanij za period 2000–2020 gg. *Koncept*, 10, 1–18.

- Loseva, O. A. (2021). Osobennosti psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya mladshih shkol'nikov, sklonnyh k deviantnomu povedeniyu. *Nauka i real'nost'/Science & Reality*, 3 (7), 29–31.
- Moskvina, E. V., Mironov, D. D. (2016). Korrekcionno-razvivayushchaya sreda special'nogo uchebno-vospitatel'nogo uchrezhdeniya kak uslovie resotsializatsii podrostkov delinkventnogo povedeniya. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 3, 76–81.
- Paatova, M. E. (2017). Formirovanie social'no-lichnostnoj zhiznesposobnosti v processe social'no-pedagogicheskoy rehabilitatsii deviantnyh podrostkov v uchrezhdeniyah zakrytogo tipa. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya*, 1 (193), 40–45.
- Smirnov, A. V. (red.) (2018). *Profilaktika deviantnogo povedeniya obuchayushchihya v usloviyah obrazovatel'noj organizatsii: kollektivnaya monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Samygin, P. S., Popov, M. Yu., Samygin, S. I. (2016). Pravovaya socializatsiya molodezhi v usloviyah krizisnogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 16(2), 295–303.
- Solov'yanyuk-Krotova, V. G. (2010). Strategii profilaktiki deviantnogo povedeniya starsheklassnikov. *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, 2.
- Chechikova, I. V. (2022). Pedagogicheskoe soprovozhdenie podrostkov, sostoyashchih na uchete v otdeleniyah po delam nesovershennoletnih: avtoref. ... kand. ped. nauk. Moskva.
- Shkaev, D. G. (2020). Virusy razuma, cifrovaya religiya i mifologiya deviacij: social'no-filosofskoe sopostavlenie. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativnyj zhurnal*, 3, 49–54.
- Childs, K. K., Davidson, M., Potter, R. H., & Rosky, J. W. (2016). Exploring the Structure of Adolescent Problem Behaviors and the Associated Adult Outcomes. *Deviant Behavior*, 37:1, 95–113. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.983018>
- Gottfredson, M. R. (2018). General Theory and Global Criminology: Childhood Environments, Problem Behaviors, and a Focus on Prevention. *Asian Journal of Criminology*, 13, 347–365. <https://doi.org/10.1007/s11417-018-9275-z>
- Kazdin, A. E. (1987). *Conduct disorders in childhood and adolescence*. Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Powell, Z. A., Craig, J. M., Piquero, A. R., Baglivio, M. T., & Epps, N. (2019). Delinquent Youth Concentration and Juvenile Recidivism. *Deviant Behavior*, 42(7), 821–836. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1701622>
- Trinidad, J. E. (2021). Childhood adversity and deviant peers: Considering behavioral selection and cultural socialization pathways. *Children and Youth Services Review*, 121, 105844. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105844>

Информация об авторе:

Елена Васильевна Филипенко – кандидат педагогических наук, доцент.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.06.2022

Одобрена после рецензирования 01.08.2022

Опубликована 29.10.2022

About the author:

Elena V. Filipenko – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor.
The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 9, 2022

Approved after reviewing August 8, 2022

Accepted October 29, 2022

УДК 343.148:81'33

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-317-324

Судебная автороведческая экспертиза предсмертных записок

Александр Вадимович Бабук

ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»

(Минск, Республика Беларусь)

alexander-babuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8805-3910

Аннотация

В статье раскрывается сущность предсмертной записки суицидента как объекта судебной автороведческой экспертизы, проводимой в целях составления психолингвистического портрета автора текста на основе его обличительных характеристик (возраста, пола, профессиональной принадлежности и т. д.). Подчеркивается важность такой экспертизы при расследовании убийств, когда требуется раскрыть факт инсценировки убийства под самоубийство, поскольку текст предсмертной записки в таком случае является одним из источников доказательств сокрытия преступления. Указывается, что и тексты фиктивных предсмертных записок, и тексты подлинных предсмертных записок имеют свои психолингвистические особенности и признаки (структурные, грамматические, морфологические и т. д.), позволяющие составить речевой портрет автора. Сообщается, что текст предсмертной записки составляется человеком в целях вербализации им душевных переживаний, свидетельствующих об определенном депрессивном состоянии. При этом если ранее, когда текст предсмертной записки составлялся от руки и имел персонального адресата, основными методами исследования были лингвокогнитивные, то в настоящее время в связи с развитием интернет-коммуникации все чаще используются лингвостатистические методы, позволяющие составлять характеристики человека на основе совокупности количественных признаков в тексте короткого электронного сообщения, опубликованного в открытом доступе и имеющего интерперсонального адресата.

Ключевые слова

судебная автороведческая экспертиза, психолингвистика, предсмертная записка, лингвокогнитивные методы, лингвостатистические методы, интернет-коммуникация

Для цитирования: Бабук, А. В. (2022). Судебная автороведческая экспертиза предсмертных записок. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 317-324. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-317-324.

Forensic authorship examination of suicide notes

Alexander V. Babuk

State Institution “Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus”

(Minsk, Republic of Belarus)

alexander-babuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8805-3910

Abstract

The article reveals the essence of a suicide note as an object of forensic authorship examination conducted in order to make a psycholinguistic profile of the author of the text based on his appearance characteristics (age, gender, professional affiliation, etc.). The importance of such examination in the investigation of murders is underlined, when it is required to reveal the fact of staging a murder as a suicide, when the text of the suicide note is one of the evidence sources in covering the crime up. The author points out that both the texts of «false» suicide notes and the texts of originate suicide notes have their own psycholinguistic features (structural, grammatical, morphological, etc.) that make it possible to sketch the writer's speech profile. The research reveals that the text of a suicide note is written by a person in order to verbalize his emotional experiences in a certain depressive state. It should be noted that earlier the text of a suicide note was made by hand and it had a personal addressee, the main research methods were mainly cognitive. Currently, due to the development of Internet communication, linguostatistical methods are increasingly used. That permits to make a human profile based on a set of quantitative features in the text of a short electronic message published in the open access and having an interpersonal addressee.

Keywords

forensic authorship, psycholinguistics, suicide note, cognitive methods, statistic methods, online-communication

For citation: Babuk, A. V. (2022). Forensic authorship examination of suicide notes. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 317-324. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-317-324.

Судебная автороведческая экспертиза (далее – САЭ) – это криминалистическое исследование текста, которое «проводится в целях установления автора и его обликовых характеристик на основании отобразившихся особенностей письменной речи» (Бабук, 2021). Объектами САЭ выступают различного рода анонимные тексты, позволяющие исследовать особенности письменной речи человека: статьи, публикации, эссе, интернет-сообщения и т. д., а также тексты предсмертных записок самоубийц.

Предсмертная записка – небольшое текстовое сообщение, выполненное от первого лица, объем которого составляет, как правило, не более 300 слов, намеренно оставленное суицидентом – человеком, желающим совершить самоубийство. Современная криминалистика рассматривает предсмертные записки как средства доказательства сокрытия преступления¹. Мотив, также являющийся исходной базой для любого речевого высказывания², отражается в том числе и в тексте предсмертной записки суицидента. Именно по этой причине составление текста фиктивной предсмертной записки становится одним из инструментов инсценировки убийства под самоубийство. Наличие фиктивных предсмертных записок часто указывает на изощренность инсценировочных усилий преступника, а также на наличие или тщательность планирования им преступления (Караева, 2020). Вот почему возникает необходимость установления авторства предсмертной записки в целях выявления факта реальности или инсценировки убийства под самоубийство.

Первоначально установление авторства предсмертных записок было прерогативой судебной почерковедческой экспертизы, поскольку большая часть записок имела конкретного персонального адресата и составлялась рукописным способом. В современных условиях большинство текстов таких записок становятся продуктом компьютерно-опосредованной коммуникации и имеют интерперсонального адресата. Такие тексты создаются, как правило, в форме интернет-дневников, блогов или просто одиночных постов (сообщений), которые носят публичный характер. В этом смысле возникает необходимость исследования не письма и функционально-двигательных навыков почерка человека, а особенностей его письменной речи и речевых навыков, для чего и служит САЭ.

Впервые с потребностью установления авторства предсмертной записки столкнулись американские суицидологи Э. Шнейдман и Н. Фарбероу, которые, проанализировав около 700 объектов, пришли к выводу о том, что текст подлинной предсмертной записки указывает на реальность фантазий человека о своей будущей смерти, что находит отражение в тексте (Schneidman, 1956). Соответственно, подлинный текст, написанный самоубийцей, как и текст, составленный для имитации самоубийства, имеет характерные психолингвистические признаки, которые необходимо учитывать при установлении авторства текста. Так, текст фиктивной предсмертной записки всегда наполнен больше лингвистическими средствами, выражающими яркие негативные эмоции, агрессию (гнев, злость, обиду, ненависть) по отношению к окружаю-

¹ Балашов, Д. Н., Балашов, Н. М., Маликов, С. В. (2005). *Криминалистика: учебник*. ИНФРА-М.

² Лурия, А. Р. (2002). *Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений*. Издательский центр «Академия».

щим индивидам, которых фиктивный автор обвиняет во всех своих жизненных проблемах и трудностях. При этом текст подлинной предсмертной записки больше обращен к конкретным суицидальным действиям, которые автор намеривается предпринять в будущем. На это указывают часто встречающиеся глаголы активного действия (*давать, брать, идти, застрелиться* и т. д.). В тексте фиктивной записки чаще всего используются глаголы ментального действия (*знать, думать, осознавать* и т. д.) (Ioannou, 2014).

”

Текст подлинной
предсмертной записки
больше обращен
к конкретным суицидальным
действиям, которые автор
намеривается предпринять
в будущем

“

Проведение САЭ текста предсмертной записки касается исследования специфики идиолекта – индивидуального стиля письменной речи суицидента. До недавнего времени предсмертные записки были объектом исследования преимущественно психологии, чему посвящено большинство научных работ, опубликованных до начала 90-х гг. прошлого века. Это было обусловлено тем, что ученые пытались понять, прежде всего, психоэмоциональное состояние самоубийцы и поэтому мало затрагивали дискурс, в котором написаны эти тексты. В современных условиях такие объекты рассматриваются в рамках психолингвистики – научной дисциплины, находящейся на стыке лингвистики и психологии, которая исследует «соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной “образующей” образа мира – с другой» (Леонтьев, 2003). При этом, как отмечает Т. А. Литвинова, все научно-методические разработки и исследования в области проведения САЭ текста предсмертных записок и профилактики суицидального поведения человека выполнены на английском

языке, поэтому в основном касаются практики стран дальнего зарубежья (Литвинова, 2016).

Большинство исследователей относят предсмертную записку к так называемому закрытому жанру, поскольку самоубийца не имеет доступа к образцам, которые помогли бы ему составить текст. Тем не менее фрейм текста предсмертной записки, в отличие от других жанров письменной речи, характеризуется незавершенностью и имеет четко выраженную структуру (Zasko-Zielńska, 2022), которая, как правило, включает следующие квазиоблигаторные элементы:

– адресация конкретному реципиенту («Дорогая Анна!»);

– инструктирование реципиента о необходимости совершения или несоблюдения конкретных последующих действий после смерти адресанта записки («Пожалуйста, позаботься о моих банковских счетах и наших детях»);

– выражение реальности своего намерения и оправдания суицидального акта душевными муками («Я совершаю этот поступок, потому что я не могу так больше жить и страдать. Я хочу получить свободу от этих душевных мучений»);

– выражение любовных чувств и переживаний («Очень люблю тебя и наших детей»), положительных эмоций, высокой привязанности к близким родственникам, к которым обращен текст записки;

– подпись («Твой Андрей Смирнов») (Atekah, 2020).

Реже в структуре текста предсмертных записок самоубийцы можно встретить такие элементы, как выражение социальных отношений («Каким прекрасным был наш с тобой медовый месяц!»), прощание с родными и близкими («До свидания, моя дорогая!»), предоставление какой-либо дополнительной информации («Я работал в компании Microsoft»), ретроспективное выражение суицидальной интенции («Если ты читаешь это сообщение, значит я уже мертв»), эксплицитное выражение благодарности («Спасибо тебе за все!») (Atekah, 2020) и т. д. Все эти элементы представляют конкретную коммуникативную цель предсмертной записки, которая может служить выражением чувств, просьбы о прощении за что-то ранее содеянное адресантом и т. д. При этом далеко не все предсмертные записки создаются для облегчения будущей жизни ближайших родственников, поскольку они переживают смерть близкого человека, намеренно совершившего суицид. Чаще всего коммуникативной целью текста предсмертной записки является речевое выражение суицидальной интенции адресанта, а также выражение его последней воли, т. е. тех чувств, переживаний и желаний, которые он не мог выразить при жизни.

Коммуникативное поведение суицидента проявляется в соответствующей структуре текста предсмертной записки, а также в специфике аргумента-

ции, выражении различных эмоций, включает такие лингвистические особенности, как наличие или отсутствие речевых ошибок в орфографии, пунктуации, логике построения высказываний и т. д. Подлинность предсмертной записки реального самоубийцы заключается в специфике лингвистических маркеров, указывающих на способ, причину и обстоятельства смерти человека и свидетельствующих о реальности его суицидальных намерений, обусловленных душевными муками.

Среди психолингвистических элементов текста подлинной предсмертной записки отмечаются такие особенности, как:

- особая манера изложения и использование соответствующего суицидального вокабуляра, свойственного подобному жанру речевых произведений;
- не всегда ясный ситуационный контекст (коммуникативная ситуация);
- адресованность текста записки человеку, с которым автор состоит в близких отношениях (муж/жена, родственники, друзья);
- выражение реализации адресатом последнего желания самоубийцы без каких-либо колебаний (Triana, 2020).

В целом, основная мысль предсмертной записки, заключающаяся в психолингвистическом выражении душевной боли и чувств (душевных мук) автора, чаще всего передается средствами повседневной коммуникации, которые, согласно утверждению Э. С. Шнейдмана, «составляют основной словарь суицидологии» (Шнейдман, 2001).

Принято считать, что все подлинные предсмертные записки с лингвистической точки зрения изобилуют эксклюзивными местоимениями первого лица единственного числа и глаголами активного залога и гораздо реже в предсмертных записках встречаются пассивные конструкции, инклюзивные местоимения, местоимения во множественном числе, что подчеркивает эгоцентричность письменной речи самоубийцы. При этом исследователи отмечают, что местоимение является наиболее частотной частью речи в текстах предсмертных записок. Реже встречаются имена прилагательные и наречия.

Специфика аргументации реальности намерений суицидента в предсмертной записке часто выражается с помощью словесного описания какой-либо неизлечимой или кажущейся неизлечимой болезни и невозможностью преодоления страданий, возникших вследствие этой болезни. Самым же популярным средством обоснования суицидального намерения человека становится желание самоубийцы попросить у адресата прощение за совершение какого-то проступка (например, супружеской измены) и тем самым преодолеть чувство вины. Причины суицида описываются автором в записках с помощью различных союзов и союзных слов,

например: «*потому что*», «*с тех пор*», «*до того как*», «*после того как*», «*когда*» и т. д. (Fata, 2021).

Как правило, все тексты подлинных предсмертных записок, в том числе и составленных посредством компьютерно-опосредованной коммуникации, характеризуются повышением эмоциональной напряженности, которая вербально проявляется в большом количестве оценочных суждений, соотносимых с длиной пропозиции, количественном соотношении существительных – глаголов и прилагательных – наречий (Панина, 2020) и т. д. Невербально эмоции в предсмертных записках коротких электронных сообщений выражаются посредством эмодзи и эмодзи, указывающих на страх человека перед жизнью, переживание состояния глубокой безнадежности, печали, уныния, подавленности и т. д., словом, тех особенностей, которыми характеризуется депрессия.

”

Подлинность предсмертной записки реального самоубийцы заключается в специфике лингвистических маркеров, указывающих на способ, причину и обстоятельства смерти человека и свидетельствующих о реальности его суицидальных намерений, обусловленных душевными муками

“

Высказывание, выражающее эмоцию страха перед своей дальнейшей жизнью, является наиболее часто встречающимся средством в текстах предсмертных записок: «*Я больше не могу жить в такое тяжелое время!*». Самоубийство часто представлено автором как единственный выход из стрессовой ситуации, единственное видимое средство успокоения: «*Я чувствую облегчение, что могу спокойно покинуть этот мир*».

Кроме того, в современных текстах предсмертных записок, публикуемых в социальных сетях, где ограничено количество знаков в сообщениях (например, в Twitter), также отмечается применение авторами специального идиосинкразического языка – языковых универсалий, используемых для передачи каких-то элементов, обусловленных конкретикой жизненного

опыта самого суицидента. Например, это могут быть обозначения каких-то конкретных мест, связанных с жизнью автора записки, и того, кому адресован ее текст: «Помнишь, дорогая, как мы с тобой отдыхали вместе на отцовской даче? Это было замечательное время! Но теперь все кончено!». Для их описания автор предсмертной записки использует глаголы прошедшего времени.

Самым важным компонентом в САЭ текста предсмертной записки с грамматической точки зрения является анализ пунктуации. Характер расстановки знаков препинания может стать признаком выражения эмоций человека и указанием на условия, при которых он собирается совершить самоубийство. В качестве таких признаков могут выступать следующие особенности пунктуации:

- двойной дефис («--»), выполняющий функцию запятой, пробела и т. д.;
- многоточие («...»), свидетельствующее о незаконченности мысли человека, что может указывать на то, что самоубийца намеревается остаться в живых, чтобы логически завершить свою мысль и живую донести ее до адресата;
- множество восклицательных знаков (!!), которые указывают на эмфазу значения (усиление экспрессии) конкретного высказывания;
- одиночно стоящий восклицательный знак (!), выражающий частую смену настроения адресанта.

Эмотиконы могут свидетельствовать о высоком уровне эмотивности текста и соответствующем подавленном психоэмоциональном состоянии автора (□).

Методы автороведческого исследования текстов предсмертных записок совпадают с общими методами проведения САЭ. До недавнего времени в САЭ применялись преимущественно методы качественного анализа текста, которые предполагают создание психолингвистического портрета автора на основе исследования текстовых особенностей дискурса конкретной предсмертной записки. Например, установление гендерной идентичности предполагало выявление признаков маскулинности (феминности) путем анализа эксплицитной или имплицитной качественно выраженной субъектной позиции автора в нарративе предсмертной записки. Установлено, что автор-мужчина, как правило, прямо не указывает в тексте записки на свое будущее самоубийство, а эксплицитно выражает свою субъектную позицию в контексте характера определенных социальных взаимоотношений с кем-либо (с женой, начальником на рабочем месте, друзьями, родственниками и т. д.), где представляет себя в ущербном жертвенном образе, вызванном определенной жизненной ситуацией: «... Ты всю жизнь попрекала меня. Я зарабатываю меньше чем ты. Ты указывала мне все время на то, что ты меня поддерживала,

а не я тебя. Прости меня за то что я употреблял алкоголь. Ты мне все время говорила что пить плохо. Я старался бросить но у меня ничего не получилось. Мне стыдно но тяжело трезвому...».

Приведенный фрагмент текста суицидальной записки содержит явные морфологические признаки (использование глаголов прош. вр. ед. ч. ж. р. – *старался, употреблял*), указывающие на мужскую половую принадлежность автора. Когнитивный анализ дискурса данного текста также выявил позицию автора-мужчины, пережившего опыт неоправданной ожидаемой маскулинности как мужа в контексте семейных взаимоотношений с супругой, которая заняла доминантную позицию по отношению к нему, на что указывает глагол «старался», не свойственный «мужскому» тексту. Отсутствие знаков препинания в записке также свидетельствует о депрессивном состоянии автора, которое в итоге и привело к самоубийству (Galasinsky, 2017).

В последнее время в связи с тем, что текстами предсмертных записок все чаще становятся сообщения в интернет-дискурсе, актуальными для их исследования являются не только лингвокогнитивные, но и лингвостатистические методы исследования, основанные на анализе количественных характеристик текстов. Данные методы применяются в целях выявления таких признаков, как:

- коэффициент лексического разнообразия (TTR), который выражается в соотношении общего количества лексических единиц к количеству употребляемых слов в тексте;
- лексическая дистрибуция, выражаемая в частоте встречаемости конкретных частей речи в тексте;
- распределение лексического состава по ключевым словам, а также частота встречаемости ключевых слов, обозначенных конкретными частями речи в тексте. (Как правило, в текстах предсмертных записок наиболее частотными частями речи выступают глаголы и личные местоимения);
- лексический состав слов, выраженный в лексико-грамматической характеристике представленных частей речи;
- ключевые слова, свойственные суицидальному вокабуляру. Несмотря на то что данный анализ в разных корпусах собранных записок показывает разные результаты, наиболее частотными лексемами в текстах предсмертных записок являются глаголы «убить», «умереть» и существительное «смерть», с помощью которых авторы выражают желание совершить суицид в перспективе (Jaafar & Jasim, 2022).

Более детальный анализ текстов предсмертных записок указывает, что чаще всего встречаются следующие части речи:

- 1) нефактивные глаголы (*думать, предполагать, понимать*) используются чаще, чем фактивные (*знать,*

быть уверенным), которые являются средством выражения мнения;

2) имена собственные, которые часто служат средством названия конкретных лиц, оказывающих влияние на принятие решения человека о суицидальном намерении;

3) наречия времени и аддиктивные наречия;

4) прилагательные, служащие средством описания, выражения личных эмоций и вербализации душевных переживаний, качеств, возраста суицидента и т. д.;

5) личные местоимения первого лица единственного числа, служащие средством выражения индивидуальности человека и подчеркивающие его ответственность за принятое решение о самоубийстве.

Для проведения такого подробного психолингвистического анализа посредством лингвостатистических методов полезным является применение компьютерных программ, позволяющих устанавливать соотношение между числовыми лингвистическими признаками (например, общее количество слов в тексте, частота встречаемости определенных частей речи, наличие или отсутствие речевых ошибок и т. д.) и обликовыми характеристиками человека (возраст, пол, профессиональная принадлежность и т. д.).

Одна из таких программ *LIWC – Linguistic Inquiry Word Count* позволяет анализировать частотность частей речи, устанавливать эмотивность и выявлять когнитивные аспекты в тексте. Так, использование данной программы при установлении авторства предсмертных записок, выполненных в форме публикаций постов (сообщений) в социальной сети Twitter, позволило выявить вероятность проявления лингвистических признаков с точностью до 64 % (Burnap et al., 2015).

Проведение САЭ по установлению авторства предсмертных записок в форме коротких электронных сообщений посредством лингвостатистического анализа осуществляется в три этапа анализа по выявлению дифференциальных признаков. Раскроем их более подробно на примере поэтапной идентификационной экспертизы, проведенной с помощью *SentiWordnet 2.1* – программы, предназначенной для осуществления анализа настроения и мнений автора текста на основе сети семантических групп когнитивных синонимов, построенных из совокупности различных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов, местоимений и т. д.

Первый этап, чисто лингвистический, предполагает поиск и выявление таких лингвистических дифференциальных признаков, как:

– части речи, их частота встречаемости, лемматизация и тегирование;

– другие структурные дифференциальные признаки, в которые могут входить ссылки на какие-то URL-адреса, а также специфика употребления местоимений первого лица единственного (множественного) числа;

– общие лексические домены, представляющие тематико-информационное поле текста предсмертного сообщения;

– аффективные лексические домены, отвечающие за аффективность и эмотивность текста, куда входят вербальные и невербальные репрезентанты различных эмоций, таких как радость, злость, горе, печаль, ненависть и т. д. Этот этап включает также выявление репрезентантов страха, тревоги, беспокойства, проявлений жалости к себе и т. д.;

– наиболее частотные слова в тексте и построение n-грамм на их основе;

– лингвистические показатели изменения настроения и мнения автора текста предсмертной записки от нейтрального к позитивному и негативному;

– список ключевых слов и выражений текста предсмертного сообщения, таких как «*не стоит жить*», «*жизнь не имеет смысла*», «*хочу исчезнуть*», «*не желаю больше жить*» и т. д.

Второй этап ориентирован на выявление «туннельного мышления» – признака, специфичного непосредственно для психолингвистического портрета самоубийцы. Это характерный для суицидального мышления признак, при котором «внимание концентрируется как бы в одном узком “туннеле”». В обывденной речи потенциального самоубийцы такое сужение сознания проявляется в использовании определенных слов, отражающих пресуицидальное дихотомическое мышление» (Шнейдман, 2001). Это могут быть слова, связанные с тематикой смерти, здоровья, денег, религии, достижениями, а также языковые средства выражения чувств (зрение, слух, осязание); репрезентанты различных негативных эмоций и внутренних переживаний, специфики социальных взаимоотношений с близкими – друзьями, семьей, окружающими людьми в целом и т. д.

На третьем этапе на основе результатов двух предыдущих осуществляется исследование специфики разговорного стиля предсмертной записки, проводится анализ предварительно отобранных наиболее частотных выражений, типичных для данных образцов предсмертных записок, и сравнение их с выражениями, содержащимися в конкретном тексте, представленном на экспертизу (Burnap et al., 2015).

Именно третий, заключительный этап при использовании лингвоквантитативных методов САЭ позволяет сделать вывод о принадлежности текста предсмертной записки конкретному автору.

Таким образом, предсмертная записка является источником доказательств, который используется в процессе раскрытия убийства, инсценированного под самоубийство. Записка становится важнейшим объектом судебно-экспертного исследования, которое проводится в целях установления не только реальных мотивов суицидента, но и подлинной принадлежности

ее авторства. Текст подлинной предсмертной записки содержит определенные лингвистические признаки, позволяющие составить речевой портрет ее автора: использование определенных частей речи (чаще всего, местоимений и глаголов первого лица единственного числа), характер расстановки знаков препинания, применение ключевых слов суицидального вокабуляра

и т. д. Все эти признаки, выявляемые с помощью качественных и количественных методов анализа текста, в совокупности позволяют определить принадлежность текста суицидальной записки конкретному автору, ее подлинность или фиктивность и тем самым способны оказать содействие следствию в установлении факта реальности или инсценировки самоубийства.

Список литературы

- Бабук, А. В. (2021). Методика проведения судебной автороведческой экспертизы в зарубежных странах. *Судебная экспертиза Беларуси*, 2 (13), 63–67.
- Караева, А. А. (2020). Анализ зарубежного опыта выявления и оценки убийств, инсценированных под самоубийство. *Вопросы науки и образования*, 3 (97), 46–54.
- Леонтьев, А. А. (2003). *Основы психолингвистики*. Москва: Смысл; Санкт-Петербург: Лань.
- Литвинова, Т. А. (2016). Диагностирование склонности личности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции: методы и подходы. *Вестник Марийского государственного университета*, 2 (22), 57–61.
- Панина, Н. А. (2020). Диагностика эмоционального состояния автора как задача судебной автороведческой экспертизы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 3, 149–153.
- Шнейдман, Э. С. (2001). *Душа самоубийцы* (пер.с англ.). Москва: Смысл.
- Atekah, A. (2020). An Investigation of Suicide Notes: An ESP Genre Analysis. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 9 (3), 1–10.
- Burnap, P., Colombo, G., & Scourfield, J. (2015). Machine Classification and Analysis of Suicide-Related Communication on Twitter. *Proceedings of the 26th ACM Conference on Hypertext & Social Media*, 75–84. <https://doi.org/10.1145/2700171.2791023>
- Fata, I. A. (2021). The characteristics of linguistic features enfolded in suicide notes. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (2), 720–735.
- Galasiński, D. (2017). *Discourses of Men's Suicide Notes: A Qualitative Analyses*. London-Oxford-Newark-Bew Delphi-Sydney.
- Ioannou, M. (2014). Genuine and simulated suicide notes: An analysis of content. *Forensic Science International*, 245, 151–160.
- Jaafar, E. A. & Jasim, H. A.-S. (2022). A corpus-based stylistic analysis of online suicide notes retrieved from Reddit. *Cogent Arts & Humanities*, 9 (1). <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2047434>
- Schneidman, E. S. (1956). Clues to Suicide. *Public Health Report*, 71 (2), 109–114. <https://doi.org/10.2307/4589373>
- Triana, Y. (2020). Language Features and Causes of Suicide Case from Forensic Linguistics Point of View. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24 (6). 7955–7966.
- Zaško-Zielńska, M. (2022). The Linguistic Analysis of Suicide Notes. In V. Guillén-Niero, D. Stein (Eds.), *Language as Evidence. Doing Forensic Linguistics* (pp. 373–417). London: Palgrave Macmillan.

References

- Babuk, A. V. (2021). Metodika provedeniya sudebnoj avtorovedcheskoj ekspertizy v zarubezhnyh stranah. *Sudebnaya ekspertiza Belarusi*, 2 (13), 63–67.
- Karaeva, A. A. (2020). Analiz zarubezhnogo opyta vyyavleniya i ocenki ubijstv, inscenirovannyh pod samoubijstvo. *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 3 (97), 46–54.
- Leont'ev, A. A. (2003). *Osnovy psiholingvistiki*. Moscow: Smysl; Saint Petersburg: Lan'.
- Litvinova, T. A. (2016). Diagnostirovanie sklonnosti lichnosti k suicidal'nomu povedeniyu na osnove analiza ee rechevoj produkcii: metody i podhody. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (22), 57–61.
- Panina, N. A. (2020). Diagnostika emocional'nogo sostoyaniya avtora kak zadacha sudebnoj avtorovedcheskoj ekspertizy. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 3, 149–153.
- Shnejdman, E. S. (2001). *Dusha samoubijcy* (per.s angl.). Moscow: Smysl.
- Atekah, A. (2020). An Investigation of Suicide Notes: An ESP Genre Analysis. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 9 (3), 1–10.
- Burnap, P., Colombo, G., & Scourfield, J. (2015). Machine Classification and Analysis of Suicide-Related Communication on Twitter. *Proceedings of the 26th ACM Conference on Hypertext & Social Media*, 75–84. <https://doi.org/10.1145/2700171.2791023>

- Fata, I. A. (2021). The characteristics of linguistic features enfolded in suicide notes. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (2), 720–735.
- Galasiński, D. (2017). *Discourses of Men's Suicide Notes: A Qualitative Analyses*. London-Oxford-Nework-Bew Delphi-Sydney.
- Ioannou, M. (2014). Genuine and simulated suicide notes: An analysis of content. *Forensic Science International*, 245, 151–160.
- Jaafar, E. A. & Jasim, H. A.-S. (2022). A corpus-based stylistic analysis of online suicide notes retrieved from Reddit. *Cogent Arts & Humanities*, 9 (1). <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2047434>
- Schneidman, E. S. (1956). Clues to Suicide. *Public Health Report*, 71 (2), 109-114. <https://doi.org/10.2307/4589373>
- Triana, Y. (2020). Language Features and Causes of Suicide Case from Forensic Linguistics Point of View. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24 (6). 7955–7966.
- Zaško-Zielńska, M. (2022). The Linguistic Analysis of Suicide Notes. In V. Guillén-Niero, D. Stein (Eds.), *Language as Evidence. Doing Forensic Linguistics* (pp. 373–417). London: Palgrave Macmillian.

Информация об авторе:

Александр Вадимович Бабук – кандидат филологических наук.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.09.2022

Одобрена после рецензирования 13.10.2022

Опубликована 29.10.2022

About the author:

Alexander V. Babuk – Cand. Sci. (Philology).

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 13, 2022

Approved after reviewing October 13, 2022

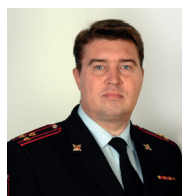
Accepted October 29, 2022

УДК 343.97

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331

Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления

Андрей Вячеславович Никуленко

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

nikulenkoa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1332-4621

Аннотация

В современной России проблема баланса между осуществлением правоохранительной деятельности (полицейской, прежде всего) и обеспечением прав и свобод человека и гражданина приобретает все большую актуальность. Особое значение придается правовому регулированию деятельности полиции и представителей других правоохранительных ведомств с тем, чтобы в их распоряжении имелись четкие и понятные правовые механизмы ограничения гражданских прав. Однако стремление подвести правовую основу под полицейскую деятельность, на наш взгляд, привело к чрезмерной урегулированности возможного и должного поведения самих сотрудников полиции. Причем регулятивное законодательство различных «силовых» ведомств существенно отличается в плане применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, то есть средств ограничения прав и свобод. Это представляется оправданным, поскольку каждое ведомство решает собственные задачи, однако в одних и тех же ситуациях представители, например, ФСБ России, полиции и Росгвардии имеют разные основания для применения оружия. Стремление законодателя максимально регламентировать данную сферу привело к противоречиям между различными нормативными правовыми актами и, в частности, это касается уголовного законодательства.

Данное обстоятельство порождает различные формы девиантного поведения сотрудников полиции, оказавшихся в очередной стрессовой ситуации, которыми изобилует правоохранительная служба.

На наш взгляд, действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации, прежде всего, норм главы 8, явно недостаточно. К тому же, их законодательные формулировки далеки от совершенства и позволяют переложить вину за причинение вреда на лиц, осуществляющих причинение вреда в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова

девиантность полицейских, уголовное законодательство, меры пресечения, правомерное причинение вреда, виктимность сотрудников полиции

Для цитирования: Никуленко, А. В. (2022). Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 325–331. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331.

Police deviance: causes and possibilities of overcoming

Andrei V. Nikulenko

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia)

nikulenkoa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1332-4621

Abstract

In modern Russia, the problem of the balance between the implementation of law enforcement activities (firstly, police ones) and ensuring the rights and freedoms of man and citizen is becoming increasingly relevant. Special significance is attached to the legal regulation of the activities of the police and representatives of other law enforcement agencies so that they have clear and understandable legal mechanisms for restricting civil rights at their disposal. However, the desire to provide a legal basis for policing, in our opinion, has led to excessive regulation of the possible and proper behavior of the police officers. Moreover, the regulatory legislation of various «law enforcement» agencies differs significantly in terms of the use of physical force, special means and firearms, in other words, means of restricting rights and freedoms. That seems reasonable, since each department solves its own tasks, but in the same situations, representatives of, for example, the FSB of Russia (the Federal Security Service of the Russian Federation), the police and the National Guard of Russia have different grounds for using weapons. The legislators' efforts to regulate this area as much as possible have led to contradictions between various regulatory legal acts, especially in criminal legislation.

This circumstance generates various forms of deviant behavior of police officers when they face with stressful situations in their law enforcing.

In our opinion, the current norms (particularly of Chapter 8) of the Criminal Code of the Russian Federation are clearly insufficient. In addition, their statutory wording is not perfect. They make it possible to shift the blame for causing harm on persons who cause this harm under circumstances without criminality of the act.

Keywords

police deviance, criminal legislation, preventive measures, lawful harming, victimization of police officers

For citation: Nikulenko, A. V. (2022). Police deviance: causes and possibilities of overcoming. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 325-331. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331.

По справедливому мнению Я. И. Гилинского «Фундаментальные изменения социальной реальности привели к смене — или пониманию необходимости такой смены — парадигмы (системы научных представлений) в общественных науках» (Гилинский, 2021, с. 10). Современные концепции девиантности и социального контроля в социологии, криминологии, девиантологии (социологии девиантности и социального контроля) утверждают: самосоциальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью» (Бороноев, 1994, с. 8); «феномен девиации — интегральное будущее общества» (Higgins & Butler, 1982, с. 8); «девиантность — будущее современности» (Sumner, 1994, с. 3). Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля» (Luhmann, 1992, с. 17), «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения... Тюремь не столько «вновь приспособливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками» (Монсон, 1995, с. 63), «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал» (Бауман, 1996, с. 193), а «основа закона есть не что иное, как произвол» (Бурдье, 1996, с. 15).

В Российской Федерации проблемы девиации не являются исключением.

Несомненно, обострение социальных противоречий, согласно теории отечественной и зарубеж-

ной криминологии (XIX — нач. XX вв.), должно сопровождаться энергичным ростом преступности. Однако в течение последних лет наблюдается обратная ситуация. «Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2020 год свидетельствуют о снижении числа зарегистрированных преступлений против личности. По сравнению с прошлым годом их количество уменьшилось на 5,1 %, в том числе убийств и покушений на убийство — на 3,2 %; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — на 6,7 %.

Количество граждан, погибших от преступных посягательств, сократилось на 5,2 %. Число лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, — на 6,9 %.

Зафиксировано снижение на 9,5 % числа преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % — фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % — вреда средней тяжести; на 10% — легкого вреда здоровью.

По итогам 2020 года отмечается уменьшение числа разбоев — на 21,7 %; грабежей — на 16,2 %; общего количества краж — на 3 %, в том числе квартирных — на 22,6 % и краж транспортных средств — на 27,1 %.

Показатели статистики подтверждают эффективность профилактической работы подразделений МВД России с несовершеннолетними. Количество преступлений, совершенных ими и при их участии, в 2020 году уменьшились на 9,1 %. В то же время, общее число зарегистрированных в стране

преступлений увеличилось на 1%, тяжких и особо тяжких – на 14 %»¹.

В 2021 году данная тенденция имела продолжение. «Анализ статистических сведений о состоянии преступности в 2021 году свидетельствует о том, что оперативная обстановка в стране оставалась стабильной и контролируемой. Снижение количества зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 годом составило 1,9 %.

Отмечается сокращение числа противоправных деяний по ряду составов, в том числе убийств и покушений на убийство – на 4,7 %; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 10,6 %; разбоев – на 16 %; грабежей – на 18,1 %; краж – на 2,4 %. В то же время, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных, возрос с 27,6 % в январе–декабре 2020 года до 27,9 %»².

”

*Стремление подвести
правовую основу под
полицейскую деятельность,
на наш взгляд,
привело к чрезмерной
урегулированности
возможного и должного
поведения самих
сотрудников полиции*

”

Некоторые специалисты, в том числе Я. И. Гилинский, склонны верить этим данным, объясняя это общемировыми тенденциями ухода криминально активной части населения в виртуальную реальность (Гилинский, 2017, с. 15; Humphrey, 2006, с. 272). Причем на западе, в частности, в США, это происходит намного стремительнее, особенно в студенческой среде, чем в России (Finn, 2004; Watts et al., 2017; Гуринская, 2020, с. 18). Отчасти, разумеется, так и происходит. Так, в 2020 году число преступлений, совершенных

с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %. Хотя при этом и отмечается, что темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился. По итогам 12-ти месяцев 2021 года их количество выросло незначительно – на 1,4 %.

В январе–декабре 2021 года зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0 % в январе–декабре 2020 года до 25,8 %.

Больше половины таких преступлений (55,7 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7 %), более двух третей (67,9 %) совершается с использованием сети «Интернет» (351,5 тыс.; +17,0 %), почти половина (42,0 %) – средств мобильной связи (217,6 тыс.; –0,5 %).

Только в Санкт-Петербурге темп прироста числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации составил 824,8 % (!), в Москве, Севастополе, Омской, Калужской, Новосибирской, Ленинградской областях и ряде других регионов – более 100 %.

Однако мы объясняем этот парадокс гораздо проще — идет процесс свертывания противодействия государства преступной экспансии, своеобразная «денационализация» борьбы с преступностью, которая в свою очередь, вызвана отвлечением больших кадровых и технических ресурсов на политическое противостояние и неуклонным снижением уровня оперативно-розыскного, следственного, прокурорского и судейского мастерства, падением качества нормативного обеспечения возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел (Милюков, Никуленко, 2020а, с. 29).

В данном случае вынуждены согласиться с мнением Я. И. Гилинского: «Вместе с тем, как во всем мире, так и в современной России наблюдается наличие и рост различных девиаций, как следствие глубоких социальных изменений, присущих обществу постмодерна. Такие формы девиантности как организованная преступность, коррупция, терроризм, киберпреступность, алкоголизация и наркотизация населения, самоубий-

¹ Здесь и далее приведена официальная статистика МВД России. Электронный ресурс: <https://мвд.рф/reports/item/20597695/>. Дата обращения 13 июня 2022 г.

² Здесь и далее приведена официальная статистика МВД России. Электронный ресурс: <https://мвд.рф/reports/item/20597695/>. Дата обращения 13 июня 2022 г.

ства, усиленные экономическими и политическими кризисами, не способствуют развитию современного общества. Существует объективный социальный заказ, не всегда осознаваемый и артикулируемый, на проведение международных и отечественных девиантологических исследований и развитие социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории» (Гилинский, 2021, с. 13).

До настоящего времени наиболее распространенным в девиантологии был термин «девиантное поведение» (deviant behavior).

Девиантное или отклоняющееся (лат. deviatio — отклонение) поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности — распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам.

Согласимся и с предлагаемым Я. И. Гилинским определением: «девиантное поведение (deviant behavior) — это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы, а под фактически сложившимися — нормы морали, обычаи, традиции» (Гилинский, 2021, с. 21).

Наконец, прояснив некоторые понятия, мы можем перейти непосредственно к вопросу нашего исследования, а именно, девиантному поведению сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Ни для кого не секрет, что деятельность правоохранительных органов тесно связана с конфликтами в социальной среде, что, в свою очередь, вынуждает самих сотрудников оказываться в конфликтной ситуации. А любая конфликтная ситуация приводит к активному поведению, не всегда отвечающему требованиям не то, что законности, но даже морали. Причем стрессовость и скоротечность ситуации требуют адекватного поведения, что практически невозможно для любого, даже весьма подготовленного человека. Неслучайно, законодатель стремится максимально урегулировать (достаточно обратиться всего лишь к главе 5 Федерального закона «О полиции», не говоря о многочисленных внутренних инструкциях) возможные варианты поведения сотрудника правоохранительных органов (в частности, полицейского), отбирая всякую инициативу в выборе варианта поведения, адекватного складывающейся ситуации.

По справедливому мнению профессора В. В. Черникова: «Риски пронизывают всю плоть правовой материи. Они являются постоянными спутниками праворегулирования и правоприменения в любой сфере жизнедеятельности. Большой заряд риска содержит

законодательство, регламентирующее полицейскую деятельность государства (полицейское законодательство). Это, пожалуй, один из самых «рискованных» правовых институтов сферы правоохраны.

Во многом такое положение обусловлено самой природой и характером полицейской деятельности, которая сопровождается высокой степенью экстремальности, конфликтности и нестандартности. Назовем только два фактора, подтверждающих эту мысль» (Черников, 2019, с. 41–42).

”

*Любая конфликтная ситуация
приводит к активному
поведению, не всегда
отвечающему требованиям
не то, что законности,
но даже морали*

“

«Так, по сравнению с представителями других профессий, сотрудник полиции на протяжении едва ли не всего времени, а не только чисто служебного, пребывает в состоянии постоянного напряжения, ибо всегда ожидает экстренного вызова на службу, а равно должен находиться в состоянии готовности выполнять общие обязанности полиции и использовать права, предусмотренные соответственно частью 2 статьи 27 и частью 3 статьи 28 Федерального закона 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции».

Можно указать и на такую существенную особенность полицейской профессии, как повышенная victimность большинства видов деятельности. Сотрудник полиции, члены его семьи, близкие, с большей вероятностью могут стать объектом шантажа, угроз, запугивания, а то и оказаться жертвой агрессии со стороны правонарушителей. Данное обстоятельство сказывается на эмоциональной сфере сотрудника полиции, играет роль психотравмирующего фактора». Именно это сейчас и происходит, когда данные о сотрудниках правоохранительных органов выкладываются в открытом доступе в Telegram-канале.

«Наконец, в рискованную ситуацию сотрудника полиции ставят чрезмерно широкие и размытые дискреционные полномочия, предоставленные ему законом и подзаконными регламентами деятельности. Во многих случаях полицейский принимает решения и осуществляет властные предписания в пределах предельно пространных полномочий либо в рамках альтернативных полномочий, когда последствия не всегда просчитываются».

Административное усмотрение – необходимое свойство полицейской деятельности. Такая свобода действий проистекает из исключительно сложного характера объекта полицейской деятельности (поведение людей) и ее многофакторности. В таких условиях нереально дать исчерпывающую, детальную и достоверную правовую регламентацию (ее алгоритм) полицейской деятельности, а, с другой стороны, целесообразно предоставить полицейскому свободу выбора способов действия в условиях динамично изменяющейся административной реальности.

Учитывая данные обстоятельства, государство умеренно регулирует определенный круг общественных отношений «с поправкой» на инициативу, предоставляя полицейскому свободу действий в процессе реализации возложенных на него публичных функций. Так, возлагая на полицию обязанность пресекать преступления и административные правонарушения, законодатель оставляет выбор способа ее выполнения за полицейскими. Это может быть, например, обращение к лицу, совершающему противоправное деяние, с требованием прекратить его. Аналогичное обращение возможно к организатору либо участнику несогласованной публичной акции. В зависимости от характера общественно опасного деяния полицейские могут также использовать физическую силу или специальные средства, либо оружие. А равно применить иные меры пресечения, предусмотренные законом.

Вместе с тем, большой «правовой люфт» действий всегда опасен, он содержит потенциальную угрозу совершения правоприменителем ошибок, поэтому многие ученые выступают за разумные границы дискреционных полномочий органов внутренних дел и их сотрудников...

Другим примером может служить ситуация, связанная с применением оружия в отношении несовершеннолетних. Закон о полиции содержит категорический запрет на применение оружия против несовершеннолетнего, если его возраст очевиден либо об этом знает сотрудник полиции. Вместе с тем, уголовный закон в статьях о необходимой обороне и крайней необходимости таких исключений не делает (см. ст. 37 и 39 УК РФ).

Оружие можно применять в вышеуказанных случаях в отношении любого человека.

Именно это то и порождает различные девиации у самих полицейских. Продолжая и развивая мысль профессора В. В. Черникова, мы ведем речь о ситуациях, когда сотрудник правоохранительных органов вместо выполнения возложенных на него профессиональных обязанностей, разумеется, непосредственно связанных с риском, предпочитает бездействовать, дабы не рисковать и, тем самым, не породить правовых последствий, могущих негативно сказаться на его карьере или даже повлечь привлечение к различным видам ответственности, вплоть до уголовной. Причем, это становится предпочтительным вариантом поведения для полицейского, а укоренившись в его сознании мысль о наказуемости всякой инициативы, лишает даже малейшего стремления что-либо изменить в любой незнакомой (стрессовой, а значит – рискованной) ситуации.

В результате таких изменений в правовом сознании полицейского, вместо «умных штыков» (Зимин, 1992) мы получаем бездумного, а стало быть, зачастую и бездушного исполнителя, могущего лишь выполнять любые приказы вышестоящего руководства, без оглядки на правовое поле и даже здравый смысл.

Несомненно, когнитивный диссонанс, в который попадает полицейский в силу сложившейся ситуации, приводит к еще более негативным последствиям в поведении сотрудника, которое становится девиантным, так как он не может, а зачастую и не хочет (предвидя осложнения) добросовестно выполнять свои служебные обязанности.

Достаточно убедительно это подтверждают немногочисленные случаи применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, которые используют имеющийся у них на вооружении арсенал лишь в крайних случаях, когда угроза их жизни или здоровью становится неотвратимой и настолько очевидной, что срабатывает инстинкт самосохранения, а никак не требования выполнения профессиональных функций.

Юридическая незащищенность сотрудников полиции становится угрозой для российского общества, негативно влияет на правопорядок в стране, а также порождает неуважение к государственной власти, которая, по мнению граждан, не в состоянии его обеспечить.

Широко «разрекламированные» и не менее широко обсуждаемые изменения в Федеральном законе «О полиции»³, на наш взгляд, лишь подкрепляют правовую основу поведения полицейских, которые и так долж-

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции». Российская газета.

ны были осуществлять соответствующие действия, основываясь на дозволенных нормах уголовного законодательства и руководствуясь здравым смыслом (Милюков, Никуленко, 2020b). Тем не менее, эти «революционные» изменения вызывали и продолжают вызывать негативные отклики⁴.

В целом, оценивая положительно внесенные изменения, нельзя не упомянуть о «размывании» законодательной ткани. Там, где происходит вторжение в частную жизнь граждан, ограничение их конституционных прав, хотя и для благой социально полезной цели, на наш взгляд, следует руководствоваться нормами уголовного, а никак не регулятивного законодательства. Ведь правомерность действий сотрудников полиции оценивается исключительно на предмет их соответствия нормам уголовного законодательства, и ответственность наступает именно по УК РФ. Подобный разброс нормативной базы вносит явную сумятицу в сознание непосредственных правоприменителей, прежде всего полицейских, вовсе не вселяя в них уверенность в правильности (правомерности) своего поведения, но также порождает ошибки в работе контролирующих органов – надзирающей за законностью прокуратуры, органов предварительного расследования и, разумеется, суда.

Опираясь непосредственно на личный опыт правоохранительной деятельности, участия в охране общественного порядка и обеспечения общественной без-

опасности в ходе различных массовых мероприятий и повседневной служебной деятельности, можем уверенно заявить, что столь глобального разброса в регулировании деятельности правоохранительных органов, стремлении алгоритмизировать (выхолостить) процесс осуществления полицейским служебных обязанностей, современная законодательная действительность еще не знала.

При таком состоянии законодательства, ожидать от полицейских качественного исполнения своих функциональных обязанностей, вряд ли возможно. Тем более что мотивация к службе посредством выполнения показателей (имеется в виду система оценки труда полицейских) не имеет смысла.

Разумеется, исправить сложившуюся ситуацию возможно, но для этого необходимо не только и не столько повышение уровня доверия граждан, сколько наличие убежденности со стороны государства в необходимости целенаправленной правоохранительной деятельности, не сужая, а расширяя возможности полицейского усмотрения (не допуская произвола). Ведь именно активное поведение правоохранителей, вовлеченность в механизм регулирования и общественные процессы, готовность противостоять нарушениям закона способствуют реализации основополагающих прав и свобод человека и гражданина, и соответственно их эффективной защиты.

Список литературы

- Бауман, З. (1996). *Мыслить социологически*. Москва: Аспект Пресс.
- Бороноев, А. О. (ред.) (1994). Интервью с профессором Н. Луманом. В *Проблемы теоретической социологии*. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Бурдые, П. (1996). *За рационалистический историзм*. Москва: Институт экспериментальной социологии.
- Гилинский, Я. И. (2017). *Девиантность в обществе постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гилинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*: монография. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гуринская, А. Л. (2020). Безопасность студентов на университетском кампусе: угрозы и меры противодействия. В С. У. Дикаев (ред.), *Преступность несовершеннолетних и её профилактика: материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Комарницкого* (Санкт-Петербург, 27 декабря 2019 года, стр. 16-19). Санкт-Петербург: Печатный Цех.
- Зимин, В. П. (1992). Правомерное исполнение приказа: доктрина «умных штыков». *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2, 35-45.
- Милюков, С. Ф., Никуленко, А. В. (2020а). *Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние*: монография, 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юридический центр.
- Милюков, С. Ф., Никуленко, А. В. (2020b). Модернизация федерального закона «О полиции» в сфере действия норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (61), 9-13.
- Монсон, П. (1995). *Лодка на аллеях парка. Введение в социологию*: пер. со швед. Москва: Весь мир.
- Черников, В. В. (2019). Риски полицейского законодательства. *Юридическая техника*, 13, 41-46.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.

⁴ <https://www.fontanka.ru/2020/05/16/69261853/> (дата обращения – 16.05.2022); <https://journal.tinkoff.ru/news/pravo-police/> (дата обращения – 14.05.2022).

- Higgins, P. C., & Butler, R. R. (1982). *Understanding Deviance*. New York: McGraw–Hill Book Company.
- Humphrey, J. A. (2006). Cyberdeviance. In *Deviant Behavior* (Ch. 13, pp. 272-295). New York: Prentice Hall.
- Luhmann, N. (1992). *Beobachtungen der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Finn, J. (2004). A survey of online harassment at a university campus. *Journal of Interpersonal violence*, 19(4), 468-483. <https://doi.org/10.1177/0886260503262083>
- Watts, L. K., Wagner, J., Velasquez, B. J., & Behrens, Ph. I. (2017). Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 69, 268-274. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038>

References

- Bauman, Z. (1996). *Mysl' sociologicheski*. Moscow: Aspekt Press.
- Boronoev, A. O. (red.) (1994). Interv'yu s professorom N. Lumanom. V *Problemy teoreticheskoi sociologii*. Saint Petersburg: Petropolis.
- Burde, P. (1996). *Za racionalisticheskii istorizm*. Moscow: Institut eksperimental'noi sociologii.
- Gilinskii, Ya. I. (2017). *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»: monografiya*. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Gurinskaya, A. L. (2020). Bezopasnost' studentov na universitetskom kampuse: ugrozy i mery protivodeistviya. V S. U. Dikaev (red.), *Prestupnost' nesovershennoletnih i ee profilaktika: materialy Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchenoi pamyati professora A. V. Komarnickogo (Sankt-Peterburg, 27 dekabrya 2019 goda, str. 16-19)*. Saint Petersburg: Pechatnyi Cekh.
- Zimin, V. P. (1992). Pravomernoe ispolnenie prikaza: doktrina «umnyh shtykov». *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 2, 35-45.
- Milyukov, S. F., Nikulenko, A. V. (2020a). *Prichinenie vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshogo obshchestvenno opasnoe deyanie: monografiya, 2-e izd., pererab. i dop.* Saint Petersburg: Yuridicheskij centr.
- Milyukov, S. F., Nikulenko, A. V. (2020b). Modernizatsiya federal'nogo zakona «O policii» v sfere dejstviya norm ob obstoyatel'stvah, isklyuchayushchih prestupnost' deyaniya. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (61), 9-13.
- Monson, P. (1995). *Lodka na alleyah parka. Vvedenie v sociologiyu: per. so shved.* Moscow: Ves' mir.
- Chernikov, V. V. (2019). Riski policejskogo zakonodatel'stva. *Yuridicheskaya tekhnika*, 13, 41-46.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.
- Higgins, P. C., & Butler, R. R. (1982). *Understanding Deviance*. New York: McGraw–Hill Book Company.
- Humphrey, J. A. (2006). Cyberdeviance. In *Deviant Behavior* (Ch. 13, pp. 272-295). New York: Prentice Hall.
- Luhmann, N. (1992). *Beobachtungen der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Finn, J. (2004). A survey of online harassment at a university campus. *Journal of Interpersonal violence*, 19(4), 468-483. <https://doi.org/10.1177/0886260503262083>
- Watts, L. K., Wagner, J., Velasquez, B. J., & Behrens, Ph. I. (2017). Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 69, 268-274. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038>

Информация об авторе:

Андрей Вячеславович Никуленко – профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 25.05.2022

Одобрена после рецензирования 30.06.2022

Опубликована 29.10.2022

About the author:

Andrei V. Nikulenko – Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted May 25, 2022

Approved after reviewing June 30, 2022

Accepted October 29, 2022

УДК 344.1:343.916

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345

Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы

Андрей Петрович Скиба

Академия ФСИН России
(Рязань, Россия)
apskiba@mail.ru

Аннотация

В статье констатируется отсутствие национального регулирования вопросов обращения с интернированными осужденными военнопленными (в первую очередь, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации) и только частичное их упоминание в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными», что особенно актуализируется проведением специальной военной операции на Украине. С учетом специфических индивидуализирующих признаков у осужденных военнопленных (наличие боевого опыта, психологической и иной специальной подготовки, нередко приверженность к радикальной идеологии и т. п.) для предупреждения их девиантного поведения анализируются положения конвенции, регулирующие отдельные аспекты применения режима, воспитательной работы, общественного воздействия и других средств их исправления со стороны государственных органов держащей в плену державы, а также международных и национальных общественных организаций. Акцентируется внимание на средствах исправления, имеющих существенный профилактический потенциал, в частности, при обеспечении внутренней и внешней изоляции осужденных военнопленных, наложении на них дисциплинарных взысканий, в том числе путем предварительного заключения нарушителей в целях поддержания порядка и дисциплины, и т. п. Особое внимание в контексте обеспечения безопасности деятельности мест принудительного содержания осужденных военнопленных уделяется профилактике их членовредительства, в том числе при принятии решения об освобождении по состоянию здоровья, радикальных религиозных проявлений, а также иных негативных девиаций.

Ключевые слова

девиантное поведение, осужденные военнопленные, интернирование, исправление, предупреждение преступлений, режим, общественное воздействие

Для цитирования: Скиба, А. П. (2022). Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 332–345. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345.

Deviant behavior of convicted prisoners of war and corrective and preventive influence in their respect: statement of the problem

Andrey P. Skiba

The Academy of the FPS of Russia
(Ryazan, Russia)
apskiba@mail.ru

Abstract

The article states the absence of national regulation of the treatment of interned convicted prisoners of war (primarily in the Penal Code of the Russian Federation) and only a partial mention of them in the Geneva Convention «On the Treatment of Prisoners of War», which is especially updated by the special military operation in Ukraine.

Taking into account the specific individualizing characteristics of convicted prisoners of war (combat experience, psychological and other special training, often adherence to a radical ideology, etc.) in order to prevent their deviant behavior, the provisions of the convention regulating certain aspects of the application of the regime, educational work, and social influence are analyzed and other means of their correction on the part of the state authorities of the detaining power, as well as international and national public organizations.

Attention is focused on the means of correction, which have a significant preventive potential, in particular, by ensuring of the internal and external isolation of convicted prisoners of war, imposing disciplinary sanctions on them, including by provisional detention of offenders in order to maintain order and discipline, etc.

Particular attention in the context of ensuring the safety of the activities of places of detention of convicted prisoners of war is given to the prevention of their self-injury, including when deciding on release for health reasons, radical religious manifestations, as well as other negative deviations.

Keywords

deviant behavior, convicted prisoners of war, internment, correction, crime prevention, regime, social impact

Для цитирования: Skiba, A. P. (2022). Deviant behavior of convicted prisoners of war and corrective and preventive influence in their respect: statement of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 332-345. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345.

Проведение специальной военной операции на Украине и наличие различного уровня интенсивности военно-политических конфликтов в Закавказье, Средней Азии и других регионах, в которых принимают участие Вооруженные Силы Российской Федерации, подразумевают возможность захвата в плен военнослужащих, личного состава ополчения и иных лиц, участвовавших в боевых столкновениях со стороны других государств. Это требует особого внимания к специфике обращения с ними, в том числе к исправительно-профилактическому воздействию с учетом особенностей их поведения.

Фактически после захвата в плен противника у российских военнослужащих и иных представителей государственных органов России имеется два основных варианта действий после разоружения: 1) освобождение военнопленных или передача другому государству либо 2) обеспечение их изоляции и содержание на соответствующих российских объектах. Ввиду того что в первом случае военнослужащий другого государства после разоружения не остается под российским контролем, в данной статье будем рассматривать второй вариант.

Теоретически для эффективного контроля за поведением военнопленного в условиях изоляции целесообразно оперативно-режимное, воспитательное, коммунально-бытовое, санитарно-эпидемиологическое, ме-

дицинское и иное обеспечение его содержания (особенно, если боевые действия между государствами еще не прекратились). Этим занимаются военнослужащие, иные должностные лица российских государственных органов, а также соответствующие представители обществности.

Очевидно, что в условиях продолжающихся боевых столкновений военнопленные, с одной стороны, и военнослужащие другого государства – с другой, относятся друг к другу как к противоборствующим сторонам с вытекающими отсюда взаимоотношениями. Объективно эти лица нередко различаются по мировоззрению, религиозным, историческим, национальным и другим традициям, иными словами, изначально имеют специфические индивидуализирующие признаки, что еще более может осложнять их взаимоотношения.

Иногда приверженность к той или иной идеологии, особенно имеющей радикальный характер (ваххабизм, неоязычество и др.), может влечь нетерпимость к людям другой национальности, вероисповедания и т. п. (на это обращают внимание многочисленные исследователи (Арипшев, 2021; Ефанова, Дринова, 2016; Хаустова, 2018)), в том числе к гражданам страны, захватившей их и держащей в плену (Арчаков, 2011; Валиев, Гилязетдинов, 2019; Михайлов, 2019).

Как указывается в средствах массовой информации, ряд участников националистических боевых подразделений со стороны Украины исповедуют различные радикальные течения (включая оккультизм) и/или являются приверженцами неонацизма, принимают сильнодействующие препараты¹²³⁴, что влечет крайне агрессивное отношение к иным лицам. Кроме того, ряды Вооруженных Сил Украины регулярно пополнялись лицами, освобожденными из мест лишения свободы, что подразумевает одновременно распространность среди военнослужащих этого государства традиций криминальной субкультуры. При этом такие лица обычно наносят себе татуировки, определяющие их приверженность к конкретным неформальным идеям, неофициальный статус в иерархии указанных сообществ и пр., т. е. демонстративно выражают свои криминальные взгляды.

Следует учитывать, что, участвуя в боевых действиях, указанные лица нередко совершают преступления (против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества и т. д.), тем самым готовы к правонарушающему поведению. Некоторые из них имеют дополнительную боевую, религиозную, психологическую подготовку и иные виды специальной подготовки, что также подразумевает их особую криминологическую характеристику.

Ввиду этого поведение военнопленных в принципе может обладать существенной спецификой и отличаться от общепринятых образцов. Военнопленные с учетом их менталитета обладают также иными специфическими индивидуальными признаками, которые будут наиболее ярко проявляться в условиях изоляции под контролем представителей государства, держащего их в плену.

По общему правилу, любые отклоняющиеся модели поведения лиц, которые не соответствуют как официальным нормам законодательства, так и неформальным правилам поведения, являются социальным феноменом и могут считаться девиантными (Гишинский, 1998; Гишинский, 2021). В этом случае особое значение имеет оценка конкретных действий, которые могут считаться девиантными, и в целом поведения военнопленных, особенно в условиях изоляции.

В девиантологии традиционно особое внимание уделяется различным проявлениям отклоняющегося

поведения – преступлениям (криминальному поведению), самоубийствам (суицидам), пьянству или наркотизму (зависимостям) и пр. (членовредительству, нарушениям пищевого поведения, игровой зависимости, коммуникативных и сетевых аддикций и т. д.) и их причинам, в том числе среди осужденных (аномии, эмоциональной неустойчивости, одиночеству, эгоизму, фатализму, жертвенности и пр.) (Змановская, 2021; Кириллова, Рогов, 2022).

”

*Для эффективного
контроля за поведением
военнопленного в условиях
изоляции целесообразно
оперативно-режимное,
воспитательное, коммунально-
бытовое, санитарно-
эпидемиологическое,
медицинское и иное
обеспечение его содержания*

“

В среде осужденных к лишению свободы с учетом условий изоляции, распространности традиций криминальной субкультуры и т. п. девиантные отклонения проявляются несколько иначе. К ним следует отнести нарушения установленного порядка отбывания наказания (начиная от прямых нарушений условий содержания до опосредованного уклонения от исполнения обязанностей и запретов), в том числе злостные – по ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ); провокационное или демонстративно-шантажное, в том числе неуважительное, поведение по отношению к сотрудникам исправительных учреждений (далее – ИУ) и другим осужденным; агрессию; членовредительство; конфликты; несоблюдение

¹ <https://ria.ru/20220603/satanizm-1792956737.html>

² https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2022-05-17/428986-o_novyh_strashnyh_faktah_zverstv_ukrainskih_natsistov_rasskazal_na_doprose_plenny_ukrainskiy_pogranichnik

³ https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2022-05-08/428294-plennye_ukrainskie_morpehi_rasskazyvayut_o_predatelstve_komandirov_i_zverstvah_natsistov

⁴ <https://www.mk.ru/politics/2022/03/28/politolog-nazval-istoki-sadistskikh-naklonnostey-ukrainskikh-nacistov.html>

неформальных правил поведения; сексуальные перверсии; злоупотребление своими правами и т. п.

На практике нередко этому способствуют специфический неформальный статус осужденного, разрыв семейных связей, наличие тяжелых психических и иных заболеваний, принципиальное внутреннее несогласие с приговором суда и неприятие нормативно установленных правоограничений, наличие дополнительных изоляционных и иных условий, нахождение на профилактическом учете у оперативных сотрудников или на диспансерном учете у медицинских работников и т. п.

Наибольшее значение оценка девиантного поведения имеет в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и других местах принудительного содержания, где, с одной стороны, в соответствии с уголовно-исполнительным и иным законодательством распорядок дня четко определен, а правила содержания, в том числе поведения лиц, наиболее урегулированы. С другой стороны, правила поведения осужденных в ИУ также определяются неформальными нормами взаимоотношений в их среде, в том числе обусловленных традициями криминальной субкультуры.

В этом случае девиантное (отклоняющееся) поведение осужденных нередко приравнивается к правонарушающему, что влечет за собой применение различных исправительно-профилактических мер в их отношении в соответствии со ст. ст. 1, 9, 82, 84 и др. УИК РФ. При этом всесторонне нормативно закрепляются полномочия соответствующих сотрудников государственных органов, обеспечивающих правопорядок в таких учреждениях и контроль за поведением содержащихся лиц. Традиционно в уголовно-исполнительном и ином законодательстве подобный подход имеет место в отношении осужденных и иных лиц, совершивших преступления, требующих их изоляции от общества.

С учетом общепринятой классификации поведенческих девиаций (негативные, позитивные и социально-нейтральные (Гилянский, 2004)) можно условно выделить следующие виды отклоняющегося поведения среди осужденных к лишению свободы:

– негативное, нарушающее и положения законодательства, и неформальные правила поведения (невыплата карточного долга, злоупотребление наркотиками, несоблюдение правил личной гигиены, следование оккультным или радикальным взглядам и т. д.);

– негативное, нарушающее только положения законодательства, но одобряемое с точки зрения неформальных правил поведения (поддержание традиций криминальной субкультуры, мужеложство, нанесение себе и другим лицам татуировок, отказ или уклонение от работы и т. п.);

– негативное, нарушающее неформальные правила поведения, но не преследуемое по законодательству (несоблюдение определенных традиций криминальной субкультуры, в частности, непосред-

ственное общение с осужденными с низким социальным статусом);

– социально-нейтральное, не нарушающее ни положения законодательства, ни неформальные правила поведения (злоупотребление правами, членовредительство без какой-либо цели (например, под влиянием психических расстройств или нервных срывов), суицид);

– позитивное, поощряемое с точки зрения законодательства и одобряемое в рамках неформальных правил поведения (активное участие в деятельности самодеятельных организаций осужденных, организация полупрофессиональных спортивных мероприятий, взаимодействие с представителями общественности для решения каких-либо имеющихся объективных проблем, активная реализация свободы совести и свободы вероисповедания осужденными-верующими официальных конфессий и пр.).

При этом оценки некоторых вариантов девиантного поведения осужденных могут зависеть и от целей, которые они пытаются достичь. Так, цели совершения членовредительства осужденных к лишению свободы могут быть разнообразными: уклонение от выполнения режимных и иных обязанностей; попадание в медицинскую часть или лечебно-профилактическое учреждение УИС (либо в гражданскую больницу); получение медицинской помощи, в том числе болеутоляющих и иных лекарств; оказание влияния на администрацию ИУ, дезорганизация ее деятельности, шантаж, в том числе для истребования «льгот», не предусмотренных законодательством или для решения неформальных вопросов, обусловленных традициями криминальной субкультуры; временная изоляция от других осужденных из-за конфликта; досрочное освобождение от отбывания наказания по состоянию здоровья; и т. п. (Токаев, 2003; Сажин, Юрьев, 1999; Дебольский, 2008; Скиба, 2010).

Кроме того, тяжесть причиненного вреда здоровью при совершении членовредительства может быть различна, вплоть до опасности смерти осужденного. В этом случае имеет место так называемый парасуицид, являющийся не столько попыткой лишить себя жизни, сколько желанием обратить на себя и свои проблемы внимание окружающих (Александров, Фомин, 2008). В подобной ситуации попытку суицида можно рассматривать как один из видов членовредительства осужденных.

Способы совершения членовредительства также могут быть разнообразными: нанесение себе порезов, голодовка, прыжок с высоты, проглатывание различных предметов, приобретение инфекционного заболевания путем непосредственного контакта с больным лицом, поджог и иные соприкосновения с высокими температурами и т. п.

Очевидно, что цели совершения членовредительства осужденных как проявления аутодеструктивного

поведения разнообразны, а некоторые из них направлены на противодействие деятельности администрации ИУ. В данном случае положение ч. 2 ст. 102 УИК РФ о необходимости осужденного возмещать ущерб, причиненный ИУ, и дополнительные затраты, связанные с его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью, не могут обеспечить системное противодействие этому негативному явлению.

Отдельно затронем вопрос реализации свободы совести и свободы вероисповедания (что является одной из форм общественного воздействия как средства исправления осужденных со стороны религиозных организаций) осужденными-верующими официальных конфессий – православия, ислама, буддизма, католицизма, протестантизма и других религий, распространенных по всему миру (Algranti, 2018; Manchado, 2016; Jang et al., 2019; Patlasov, 2017).

Уголовно-исполнительное законодательство (в первую очередь, ст. 14 УИК РФ) образует основу реализации данного права осужденных религиозными организациями при содействии сотрудников УИС. Вместе с тем здесь имеет место следующая проблема – сотрудники ИУ не вправе проявлять инициативу по приглашению соответствующих священнослужителей к конкретным осужденным, которые внешне имеют отношение к той или иной религии (указанная норма уголовно-исполнительного закона им этого не позволяет). Кроме того, в случае демонстративного совершения религиозных обрядов осужденными сотрудниками УИС, ввиду отсутствия специальных познаний, не всегда могут оценить (не-) традиционность (или даже возможную радикальность) тех или иных религиозных норм, реализуемых конкретными осужденными; это объективно затрудняет противодействие проявлению и распространению возможных радикальных идей в среде осужденных. В связи с этим сложно говорить об исчерпывающей регламентации таких вопросов, хотя традиционные конфессии обладают серьезным исправительно-профилактическим потенциалом. Более того, в настоящее время фактически отсутствуют надлежащая нормативная основа и комплексная методика противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы (на практике применяются только отдельные меры (Алдашкин, 2016; Нурадинов, Джумагельдинов, 2022; Петрянин, 2013; Рудич, Жилко, 2021; Смирнов, Моисеев, 2021; Сорокин, Сорокина, 2016)), которые осуществляют свои действия экстремистского характера под видом традиционных религиозных постулатов.

Безусловно, подобные девиации требуют контроля со стороны администрации ИУ, что осложняется не только недостатками законодательства, но и возможным наличием специальной подготовки у таких осужденных военнопленных, которые к тому же могут

являться, например, приверженцами неофашизма или криминальной субкультуры.

В этом случае осужденные военнопленные представляют специальную категорию содержащихся лиц с особыми индивидуальными признаками, требующую специального исправительно-профилактического воздействия, что в российском уголовно-исполнительном законодательстве и на практике не учитывается. Для этого в юридической литературе предлагается сформировать уголовно-исполнительное законодательство военного времени (Ефремова и др., 2022; Скиба, 2015), которое, в свою очередь, может базироваться на аналогичном уголовном законодательстве с учетом ч. 3 ст. 331 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (Ермолович, 2012; Ображиев, 2016).

Более того, военнопленные могут быть задержаны как в пределах России, так и на территории других государств, где действуют правоохранительные и иные органы нашей страны (до своего осуждения и начала отбывания наказания они фактически являются участниками уголовно-процессуальных правоотношений).

В изложенном контексте одним из нерешенных вопросов является проблема регулирования обращения с военнопленными (Пчелкина, 2016; Скиба, 2020; Юнусов, Гуриц, 2016). В настоящее время в России на законодательном уровне данная проблема практически не находит своего разрешения. Указанные лица вскользь упоминаются в Законе Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», УК РФ и некоторых иных нормативных правовых актах. Однако в российских нормативных правовых актах (например, в Конституции РФ, в Федеральном конституционном законе «О военном положении», Указе Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» и пр.) отсутствуют определение термина «военнопленные», регламентация правового положения военнопленных, осуществление контроля за их поведением, в том числе в условиях изоляции, учет состояния их поведения и иных индивидуализирующих признаков, применение индивидуальной воспитательной работы, организация режима отбывания наказания и других соответствующих исправительно-профилактических мер для недопущения совершения ими преступлений и правонарушений, а также для стимулирования правопослушного поведения и других вопросов обращения с ними.

При этом в ч. 2 ст. 7 и ч. 2 ст. 14 Федерального конституционного закона «О военном положении» предусмотрено интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией. В то же время дальнейшей регламентации данного правового института не имеется, в том числе не определены места

принудительного содержания военнопленных (например, исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы России с отдельным содержанием осужденных к лишению свободы), степень внешней изоляции (учреждения могут быть «открытыми» или только «закрытыми»), правовая основа особенностей ограничения прав интернированных лиц (в сравнении с «обычными» осужденными, находящимися в условиях изоляции) и осуществления исправительно-профилактического воздействия в их отношении и т. п.

”

В настоящее время фактически отсутствуют надлежащая нормативная основа и комплексная методика противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы

“

Если предполагать, что после проведения соответствующих процессуальных мероприятий, вынесения и вступления в законную силу приговора суда в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) военнопленные будут отбывать лишение свободы или иное наказание, то в их отношении актуально достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, т. е. применение средств исправления осужденных и мер по предупреждению совершения ими преступлений в соответствии со ст. ст. 1, 9 и др. УИК РФ. Так, в ст. 9 УИК РФ определены средства исправления осужденных (режим, воспитательная работа, привлечение к общественно полезному труду, общественное воздействие и т. д.), которые ориентируют осужденных, в том числе военнопленных, на соблюдение требований законодательства, дисциплинированность и другие аспекты правомерного поведения, иными словами, на недопущение правонарушений (девиаций).

В связи с тем что российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не закрепляет никаких особенностей исправительно-профилактического

воздействия в отношении осужденных военнопленных с учетом их специфических индивидуальных признаков, а интернирование должно осуществляться «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» (как это прописано в Федеральном конституционном законе «О военном положении»), обратим внимание на Женевскую конвенцию от 1949 г. «Об обращении с военнопленными» (далее – Конвенция). В ней упоминается о мерах по предупреждению конкретных преступлений (например, в ст. 42), выделена отдельная категория военнопленных (ст. ст. 21, 82, 83, 84, 101, 108 и др.), к которым применяются «уголовные санкции» (т. е. осужденные военнопленные), закреплена возможность их интернирования (ст. 21), предусмотрено применение различных мер в их отношении со стороны государственных органов держащей в плену державы (ст. ст. 14, 15 и пр.) и международных и национальных общественных организаций (ст. ст. 37, 79 и др.).

В данном международном акте установлено также, что по ст. 14 держащая в плену держава может с учетом условий плена ограничивать осуществление прав военнопленных, а согласно ст. ст. 15, 22, 30 и др. она обязана бесплатно обеспечить их содержание, включая оказание медицинской помощи (аналогичным образом это закреплено и в российском уголовно-исполнительном законодательстве). Получается, что фактически государство, содержащее этих лиц, в том числе в условиях изоляции, ответственно за состояние их жизни и здоровья (даже при совершении ими членовредительств, включая суициды), поведение (их правомерные или правонарушающие действия) и пр., условия содержания в плену должны быть регламентированы в соответствующих национальных нормативных правовых актах (представляется, что основы ограничения прав военнопленных следует прописать на уровне закона, а их конкретизацию закрепить в подзаконных актах, как это сделано в отношении осужденных), а также оно обладает правом применения в их отношении соответствующих исправительно-профилактических и иных мер, в том числе для предупреждения негативных девиаций.

В Конвенции имеется ряд ограничений в контексте обеспечения безопасности содержащихся лиц и/или реализации принципа гуманизма в процессе проведения исправительно-профилактической деятельности администрацией соответствующих учреждений: запрет физического калечения военнопленных, проведения с ними научных или медицинских опытов (ст. 13); уважение к личности и чести (ст. 14); отсутствие их дискриминации по причинам расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений и т. д. (ст. 16); запрет осуществления пыток и или других мер принуждения (угроз, оскорблений и пр.) для получения от них каких-либо сведений (ст. 17); расположение

учреждений для военнопленных должно быть далеко от зоны военных действий (ст. 19); запрет морально-го или физического давления на военнопленного в судебном преследовании при совершении уголовного проступка (ст. 99); запрет коллективных наказаний, телесных наказаний, лишения дневного света, иных проявлений пыток или жестокости (ст. 108) и т. п. Некоторые подобные положения имеются и в российском законодательстве, в частности, в ст. ст. 8, 12 и др. УИК РФ и в ст. ст. 9 и 16 УПК РФ. Однако в Конвенции при регулировании вопросов обращения с военнопленными в целом недостаточно учитываются их индивидуальные особенности.

В УИК РФ только в общих чертах определяются основы исправительного воздействия на осужденных, лишь в определенной степени учитываются их пол, возраст, состояние здоровья и иные отдельные признаки (Антонян, 2015; Минстер, 2018; Нистратова, 2017; Тепляшин, Тепляшина, 2019) (вообще не учитываются при организации такой работы следующие признаки осужденных: участие в боевых действиях, наличие соответствующей психологической подготовки, наличие тяжелого психического или иного заболевания, приверженность радикальным идеям и т. п. (Малолеткина, Скиба, 2022; Скиба, 2019)). Еще более обобщенный подход при регулировании применения отдельных средств исправления осужденных военнопленных прослеживается в Конвенции.

Рассмотрим, насколько закреплен в Конвенции профилактический потенциал режима как средства исправления осужденных. В соответствии с теорией уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительным законодательством режим создает основу для применения иных средств исправления осужденных, предупреждения преступлений и правонарушений, в том числе путем обеспечения внутренней и внешней изоляции осужденных, проведения обысковой (досмотровой) работы, оперативно-розыскной деятельности, использования технических средств контроля, введения режима особых условий и пр.

Так, в Конвенции (ст. ст. 18, 21, 25, 97, 108 и др.) имеет место ряд режимных требований, в определенной мере предупреждающих преступления и иные правонарушения военнопленных:

- запрещается выход с территории учреждений закрытого типа осужденных военнопленных (возможно, для недопущения совершения ими новых преступлений за пределами этих учреждений);
- изъятие ценных вещей осуществляется только для обеспечения безопасности (т. е. для соблюдения режимных требований и недопущения любых правонарушений военнопленных);
- женщины должны быть изолированы во время сна (по всей видимости, для предупреждения соответствующих преступлений против них) и т. д.

Таким образом, режим как средство исправления осужденных военнопленных урегулирован в общих чертах, без раскрытия профилактической функции и его важнейших составляющих (оперативно-розыскной деятельности и пр.), а также без обращения внимания на индивидуальные признаки интернированных лиц.

”

Российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы обращения с военнопленными и не готово к их решению, ввиду чего при возникновении рассматриваемых ситуаций основное внимание будет уделяться международно-правовому регулированию, где в отношении военнопленных предусматривается применение отдельных правовых институтов

“

Аналогичная ситуация с воспитательной работой, основные аспекты реализации которой в рассматриваемом международном акте не закреплены (в сравнении с российским уголовно-исполнительным законодательством). Так, в Конвенции (ст. ст. 89, 90, 95, 103 и др.) устанавливается порядок привлечения военнопленных к уголовной или дисциплинарной ответственности, в том числе в контексте предупреждения их новых преступлений и иных правонарушений:

- к дисциплинарным взысканиям относятся: арест до 30 суток; штраф; внеочередные наряды не свыше двух часов в день; и пр. (т. е., помимо прочего, предусмотрено взыскание, временно изолирующее правонарушителя от среды, в которой он совершил нарушение);
- военнопленные, обвиняемые в дисциплинарных проступках, содержатся в предварительном заключении на срок до 14 дней в целях поддержания порядка и дисциплины;
- предусматривается предварительное заключение военнопленных, совершивших преступления, на срок до трех месяцев и т. п.

Вместе с тем ряд положений Конвенции фактически некоторым образом может подталкивать военнопленных к совершению тех или иных преступлений и других правонарушений:

– побег или попытка к побегу, даже в случае рецидива, в целом не рассматриваются как отягчающие вину обстоятельства, если они не сопровождаются какими-либо насильственными действиями против жизни и здоровья и влекут за собой только дисциплинарные взыскания (ст. 93), иными словами, эти действия военнопленного фактически декриминализованы, что вряд ли будет способствовать обеспечению правопорядка в местах содержания интернированных;

– военнопленный не может использоваться на работах, расцениваемых как унижительные (ст. 52), тем самым поощряя возможность его уклонения или отката от работы как проявления негативной девиации;

– при решении вопроса о том, какие меры наказания должны применяться за преступления военнопленных, держащая в плену держава должна проявлять максимальную снисходительность при оценке этого вопроса и при всех возможных случаях прибегать скорее к дисциплинарным мерам, чем к судебному преследованию (ст. 83), что фактически ориентирует администрацию учреждения и не позволяет ей адекватно и соразмерно наказывать военнопленного за совершенное преступление и пр.

Изложенное выше существенно снижает профилактический потенциал применения воспитательной работы и иных средств исправления осужденных военнопленных.

Однако в Конвенции фактически отсутствуют меры по предупреждению многих негативных поведенческих девиаций, когда отдельные международные положения, даже закрепляя соответствующие права у осужденных, все равно не затрагивают данный вопрос:

– согласно ст. 108 военнопленные осужденные имеют право обращаться в соответствующие инстанции без всяких ограничений непосредственно или через доверенное лицо с просьбами или жалобами (т. е. никаких ограничений на злоупотребление этим правом не имеется, как и в российском законодательстве);

– военнопленным разрешается организовать между собой систему взаимопомощи (ст. 80); в этом случае фактически им позволяется иметь неформальную систему взаимоотношений, не подвластную властям державы, держащей их в плену (некий аналог своей субкультуры в условиях изоляции, что еще больше будет способствовать различным девиациям среди военнопленных) и т. д.

Еще более сложная ситуация – относительно права на получение медицинской помощи, когда оно практически никак не ограничивается членовредительным или иным правонарушающим поведением военнопленного, в том числе осужденного (как в целом и в российском законодательстве, за исключением положений ст. 102 УИК РФ), согласно ст. 108 Конвенции.

Так, в соответствии со ст. 30 Конвенции военнопленные, страдающие тяжелой болезнью, или состоя-

ние здоровья которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации, должны получить лечение в военном или гражданском медицинском учреждении за счет державы, держащей в плену (в том числе военнопленные, подвергнутые дисциплинарным взысканиям, по ст. 98), а в соответствии со ст. 17 в случае тяжелого физического или психического состояния они передаются на попечение медицинской службы. Кроме того, согласно ст. 21 военнопленных можно держать в запертых помещениях или запрещать покидать помещения в случае применения к ним уголовных и дисциплинарных санкций, если только эта мера не затрудняет охрану их здоровья (т. е. фактически можно их освобождать из изоляционных помещений по состоянию здоровья), а также военнопленным может быть под «честное слово» или обязательство предоставлена ограниченная или полная свобода, например, для улучшения состояния их здоровья (т. е. вне зависимости от возможного совершенного членовредительства).

При этом по ст. 33 Конвенции медико-санитарный состав из числа задержанных военнопленных (которые таковыми не должны считаться) также вправе оказывать медицинскую помощь (это фактически вообще не позволяет контролировать и применять какие-либо ограничения в этой сфере).

Таким образом, в рассматриваемом международном акте, несмотря на наличие положений относительно права военнопленных на получение медицинской помощи и на обращение в определенные инстанции, соответствующих ограничений для предупреждения негативных девиаций не предусматривается (большинство других правовых институтов, в контексте которых возможны девиантные проявления, Конвенции вообще не регулирует).

Ряд положений Конвенции содержит нормы относительно обращения с военнопленными, в частности, о привлечении их к общественно полезному труду (ст. ст. 49, 50, 52 и др.), об их переобучении (ст. 30) и общественном воздействии (ст. ст. 35 и 37).

Между тем Конвенция практически не регулирует социально-нейтральные и позитивные поведенческие девиации:

– в целом поощряется самоорганизация военнопленных и их взаимодействие с негосударственными, в том числе международными организациями; согласно ст. 79 они могут путем тайного голосования избирать доверенных лиц, которые представляют их интересы перед властями державы, держащей их в плену, Международным комитетом Красного Креста и иными организациями (ничего подобного в российском уголовно-исполнительном законодательстве не имеется);

– стимулируется учет индивидуальных признаков военнопленных, «относясь с уважением к личным склонностям каждого...» при организации их интел-

лектуальной просветительной и спортивной деятельности военнопленных (ст. 38) и т. п.

Более того, в соответствии со ст. ст. 28, 62, 79, 80 и др. Конвенции в среде военнопленных предусматривается возможность создания внутренней иерархической структуры через так называемых доверенных лиц. Так, во всех подобных учреждениях рядовые военнопленные могут избирать (а также переизбирать) путем тайного голосования каждые шесть месяцев доверенных лиц (или же им признается старший по званию и стажу военнопленный офицер), которые должны их представлять перед военными властями, державами-покровительницами, Международным комитетом Красного Креста и иными организациями, оказывающими им помощь. Причем таким лицам могут помогать консультанты (помощники). Доверенные лица обладают многочисленными полномочиями по участию в решении различных проблем: в работе по распределению прибыли ларьков, в которых военнопленные могут покупать продукты (и из которой доверенные лица, их консультанты и помощники получают заработную плату); по представлению интересов военнопленных перед властями; путем содействия физическому, моральному и интеллектуальному благосостоянию военнопленных; по управлению системой взаимопомощи между военнопленными и т. п.

При этом доверенные лица также вправе заниматься решением иных, в том числе неформальных вопросов среди военнопленных, так как имеют с ними одинаковые гражданство, язык и обычаи. Более того, военнопленные, распределенные по различным секторам учреждения в соответствии с их гражданством, языком и обычаями, будут иметь в каждом секторе свое доверенное лицо. В таком случае фактически создается альтернатива официальному управлению со стороны администрации места принудительного содержания интернированных (и даже в какой-то мере она фактически может быть неким аналогом неформальной субкультуре, укоренившейся в учреждениях). Очевидно, что в данных сообществах, с учетом специфических индивидуальных признаков военнопленных, наличия у них своих национальных и иных обычаев и т. п., правила поведения, как и девиантные проявления, могут отличаться от общепринятых как в государстве, держащем в плену, с одной стороны, так и среди большинства военнопленных – с другой.

Это также свидетельствует о необходимости разработки системы исправительно-профилактического воздействия осужденных военнопленных с учетом их девиантного поведения, что требует соответствующего нормативного обеспечения.

В то же время в Конвенции имеют место отдельные положения, в той или иной степени образующие правовую основу для предупреждения отдельных про-

явлений девиантного поведения осужденных военнопленных:

– обращает на себя внимание наличие запрета коллективных дисциплинарных взысканий, затрагивающих питание (ст. 26 Конвенции), что теоретически подразумевает возможность применения данного взыскания в индивидуальном порядке в отношении конкретного военнопленного. Фактически возможность применения данной меры может нивелировать одну из негативных поведенческих девиаций – членовредительство осужденного путем голодовки (что в целом отсутствует в российском уголовно-исполнительном законе даже с учетом лаконичного упоминания о принудительном питании голодающего осужденного в соответствии с ч. 4 ст. 101 УИК РФ);

– согласно ст. 108 военнопленные осужденные имеют право на духовную помощь, которую они пожелают иметь, а в соответствии со ст. 33 духовный персонал из числа задержанных военнопленных, которые также таковыми не должны считаться, вправе оказывать духовную помощь (что серьезно затрудняет контролировать и применять ограничения в этой сфере). Однако в соответствии со ст. 34 военнопленным будет предоставлена полная свобода для выполнения обрядов их религии, включая посещение богослужений, при условии соблюдения ими дисциплинарного порядка, предписанного военными властями; в этом случае в указанном международном акте имеется ограничение на злоупотребление таким правом. Это частично соответствует ч. 2 ст. 14 УИК РФ, где закреплено, что осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания не должно нарушать правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемлять права других лиц.

Кроме указанного, определенное правоограничение имеет место при реализации института репатриации.

Так, в ст. 109 Конвенции дается условное определение репатриации, которая представляет собой отправку на родину тяжело больных и тяжело раненных военнопленных вне зависимости от их звания и количества после того, как они будут в состоянии, допускающем их перевозку. Кроме того, разрешается их госпитализация, а также интернирование в нейтральную страну здоровых лиц, пробывших долгое время в плену.

Перечень из нескольких десятков заболеваний и травм военнопленных, подлежащих непосредственной репатриации, приведен в приложении 1 к Конвенции. К ним относятся следующие: отсутствие одной конечности, паралич, увечье суставов и другие увечья, при условии, что они представляют собой потерю одной руки или одной ноги; увечье, являющееся следствием перелома или другой травмы и сопровождающееся серьезным уменьшением деятельности или способности к перенесению тяжести; осколок снаряда в сердце; металлический осколок в мозгу или легких;

поражения черепа с потерей или смещением костной ткани; ранение или ожог лица с потерей ткани и повреждениями функций; остеомиелит; туберкулез любого органа; тяжелые хронические поражения органов кровообращения; тяжелые хронические заболевания центральной и периферической нервной системы; слепота обоих глаз или одного глаза в том случае, если зрение другого глаза не достигает единицы; расстройство слуха; хронические тяжелые интоксикации; все злокачественные новообразования; тяжелые инфекционные хронические болезни и т. п.

В этом случае очевидно, что кроме боевых ранений ряд заболеваний можно получить путем собственных членовредительных действий: увечье, являющееся следствием перелома или другой травмы, ожог лица с потерей ткани и повреждениями функций, туберкулез любого органа и т. п.

В соответствии со ст. 110 Конвенции непосредственной репатриации до окончания военных действий подлежат:

- неизлечимые раненые и больные, умственные или физические способности которых снизились;
- раненые или больные, которые по прогнозу врачей не могут быть излечены в течение одного года и состояние которых требует ухода;
- излечившиеся раненые и больные, умственные или физические способности которых сильно и навсегда снизились.

Осужденные военнопленные могут быть репатрированы или госпитализированы до окончания отбытия ими наказания при соответствующем согласии державы в плену державы как в период военных действий (ст. 115 Конвенции), так и по окончании их (ст. 119 Конвенции).

В ст. ст. 111, 112, 113 и др. Конвенции предусматривается механизм организации таких репатриации и госпитализации военнопленных с участием различных субъектов, в том числе державы в плену державы, державы, за которой числятся военнопленные, нейтральной державы, а также международной общественной организации в виде Международного комитета Красного Креста.

При этом в ст. 114 Конвенции установлен запрет репатриации военнопленных, совершивших членовредительство. Фактически это положение свидетельствует об обращении внимания на международном уровне на необходимость противодействия членовредительству военнопленных.

Таким образом, российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы обращения с военнопленными и не готово к их решению, ввиду чего при возникновении рассматриваемых ситуаций основное внимание будет уделяться международно-правовому регулированию, где в отношении военнопленных предусматривается применение отдельных правовых институтов. Между тем очевидно, что ни в российском уголовно-исполнительном и ином законодательстве, ни в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» не образована система предупреждения девиантного поведения осужденных военнопленных, ввиду чего система исправительно-профилактического воздействия требует своего совершенствования, особенно в части учета специфических индивидуальных признаков военнопленных. В частности, в национальном законодательстве можно учитывать ряд положений указанного международного акта в части противодействия членовредительству осужденных (что в УИК РФ фрагментарно предусмотрено в ст. 102), в том числе при принятии решения об их освобождении по состоянию здоровья.

Список литературы:

- Алдашкин, М. Ю. (2016). Деятельность адептов религиозных объединений, признанных судом экстремистскими, в среде осужденных: постановка проблемы, специфика противодействия. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, 4, 23–26.
- Александров, Ю., Фомин, Д. (2008). Все о суициде. *Преступление и наказание*, 2, 13–19.
- Антонян, Ю. М. (2015). Пенитенциарная периодизация и исправление осужденных. *Международный пенитенциарный журнал*, 4 (4), 6–11.
- Арипшев, А. М. (2021). О некоторых вопросах профилактики терроризма и экстремизма. *Проблемы в российском законодательстве*, 14 (4), 18–20.
- Арчаков, М. К. (2011). Психологические проблемы экстремистской деятельности. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 52, 50–54.
- Валиев, Р. Г., Гилязетдинов, М. Р. (2019). Интернационализация и этноконфессиональная социализация как превентивные механизмы преодоления межэтнических конфликтов осужденных. *Вестник Самарского юридического института*, 4 (35), 115–122.
- Гилянский, Я. И. (1998). Девиантология: теория и реальность. *Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии*, 1 (5), 181–186.
- Гилянский, Я. И. (2004). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Гилянский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»* (4-е изд., испр. и доп.). Санкт-Петербург: Алетейя.

- Дебольский, М. Г. (2008). Суицид как психологический кризис личности. *Преступление и наказание*, 2, 22–23.
- Ермолович, Я. Н. (2012). Влияние норм международного права на военно-уголовное законодательство Российской Федерации. *Библиотека криминалиста*, 1 (2), 252–267.
- Ефанова, Е. В., Дринова, Е. М. (2016). Религиозно-политический экстремизм: особенности и факторы проявления в современном мире к вопросу о распространении исламского радикализма в молодежной среде в современной России (на примере субъектов ЮФО). *Теории и проблемы политических исследований*, 5 (5А), 249–257.
- Ефремова, И. А., Кашуба, Ю. А., Орлов, В. Н. и др. (2022). *Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения*: монография (под общ. ред. А. А. Крымова; под науч. ред. А. П. Скибы) (4-е изд., исправл. и доп.). Москва: Криминологическая библиотека.
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>
- Кириллова, Т. В., Рогов, А. В. (2022). Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Малолеткина, Н. С., Скиба, А. П. (2022). О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении. *Вестник Самарского юридического института*. 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Минстер, М. В. (2018). Реализация некоторых направлений уголовной политики России в отношении женщин. *Уголовно-исполнительное право*, 13 (4), 447–451.
- Михайлов, В. С. (2019). Противодействие проявлениям религиозного экстремизма в местах лишения свободы. *Вестник Самарского юридического института*, 5 (36), 66–70.
- Нистратова, И. С. (2017). Актуальные вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, больных социально значимыми заболеваниями. *Уголовно-исполнительное право*, 12 (3), 294–297.
- Нурадинов, А. С., Джумагельдинов, А. Н. (2022). О некоторых проблемах исследования религиозного радикализма и терроризма (на примере опыта Казахстана). *Национальный психологический журнал*, 1 (45), 43–52.
- Ображиев, К. В. (2016). Перспективы кодификации военно-уголовного законодательства. В В. Ф. Лапшин (ред.), *сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты», посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова* (стр. 274–280). Академия ФСИН России.
- Петрянин, А. В. (2013). Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 23, 101–106.
- Пчелкина, Е. В. (2016). Отечественное законодательство по вопросу обращения с иностранными военнопленными в первую и вторую мировые войны. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (46), 16–22.
- Рудич, В. В., Жилко, И. А. (2021). Противодействие распространению экстремистской и террористической идеологии в местах лишения свободы. *Уголовно-исполнительное право*, 4, 455–460.
- Сажин, В. Л., Юрьев, В. К. (1999). *Здоровье и болезни заключенных. Серия «Мир медицины»*. Санкт-Петербург: Издательство «Лань».
- Скиба, А. П. (2010). Проблемы оценки членовредительства осужденного к лишению свободы при его досрочном освобождении от отбывания наказания. *Уголовное право*, 5, 123–129.
- Скиба, А. П. (2015). Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы. *Международный пенитенциарный журнал*, 1, 32–37.
- Скиба, А. П. (2019). О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция, 4, 77–85. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-4-77-85>
- Скиба, А. П. (2020). Правовое положение военнопленных осужденных: постановка проблемы международно-правового, конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования. *Вестник кузбасского института*, 4 (45), 82–91.
- Смирнов, С. Н., Моисеев, Н. Д. (2021). О некоторых проблемах и перспективах противодействия экстремизму и терроризму в уголовно-исполнительной системе. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 3, 151–155. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-151-155>

- Сорокин, М. В., Сорокина, О. Е. (2016). Индивидуальная профилактика распространения радикальных разновидностей исламских течений в исправительных учреждениях. *Политика, государство и право*, 6 (54), 16–20.
- Тепляшин, П. В., Тепляшина, Е. А. (2019). Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации. *Вестник Кузбасского института*, 3 (40), 87–96.
- Токаев, Ю. (2003). На больничных койках все равны. *Преступление и наказание*, 5, 36–37.
- Хаустова, Н. А. (2018). Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма. *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*, 1, 47–50.
- Юнусов, А. А., Гуриц, С. Д. (2016). Сравнительно-правовая характеристика реализации международных стандартов в отношении военнопленных и осужденных в России. *Вестник Владимирского юридического института*, 1 (38), 109–112.
- Algranti, J. (2018). The making of an evangelical prison: Study on Neo-Pentecostalism and its leadership processes in the Argentine penitentiary system. *Social Compass*, 65 (5), 549–565. <https://doi.org/10.1177/0037768618800417>
- Jang, S. J., Johnson, B. R., Hays, J., Hallett, M., & Duwe, G. (2018). Religion and Misconduct in “Angola” Prison: Conversion, Congregational Participation, Religiosity, and Self-Identities. *Justice Quarterly*, 35 (3), 412–442.
- Manchado, M. (2016). Reciprocity and governmentality after introducing religious presence in medium and maximum security prisons in the province of Santa Fe (Argentina). *Revista de Antropologia Social*, 25 (1), 35–60. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RASO.2016.v25.n1.52624
- Patlasov, O. Y. (2017). The influence of criminal subculture on penal labor: Gaps in legislation and collisions of legal norms. *Russian journal of criminology*, 11 (1), 216–227.
- Tia, T., & Feldiorean, O. (2019). Educational counseling and religious-pastoral psychotherapy in prisons. Structural guidelines for the approach and recuperative intervention. *Astra Salvensis*, 7 (14), 155–171.

References

- Aldashkin, M. Yu. (2016). Deyatel'nost' adeptov religioznykh ob'edinenij, priznannykh sudom ekstremistskimi, v srede osuzhdennykh: postanovka problemy, specifika protivodejstviya. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 4, 23–26.
- Aleksandrov, Yu., Fomin, D. (2008). Vse o suicide. *Prestuplenie i nakazanie*, 2, 13–19.
- Antonyan, Yu. M. (2015). Penitenciar'naya periodizaciya i ispravlenie osuzhdennykh. *Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj zhurnal*, 4 (4), 6–11.
- Aripshv, A. M. (2021). O nekotorykh voprosah profilaktiki terrorizma i ekstremizma. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 14 (4), 18–20.
- Archakov, M. K. (2011). Psihologicheskie problemy ekstremistskoj deyatel'nosti. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 52, 50–54.
- Valiev, R. G., Gilyazetdinov, M. R. (2019). Internacionalizaciya i etnokonfessional'naya socializaciya kak preventivnye mekhanizmy preodoleniya mezhetnicheskikh konfliktov osuzhdennykh. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 4 (35), 115–122.
- Gilinskij, Ya. I. (1998). Deviantologiya: teoriya i real'nost'. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*, 1 (5), 181–186.
- Gilinskij, Ya. I. (2004). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* (4-e izd., ispr. i dop.). Saint Petersburg: Aletejya.
- Debol'skij, M. G. (2008). Suicid kak psihologicheskij krizis lichnosti. *Prestuplenie i nakazanie*, 2, 22–23.
- Ermolovich, Ya. N. (2012). Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii. *Biblioteka kriminalista*, 1 (2), 252–267.
- Efanova, E. V., Drinova, E. M. (2016). Religiozno-politicheskij ekstremizm: osobennosti i faktory proyavleniya v sovremennom mire k voprosu o rasprostranenii islamskogo radikalizma v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii (na primere sub'ektov YUFO). *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*, 5 (5A), 249–257.
- Efremova, I. A., Kashuba, Yu. A., Orlov, V. N. i dr. (2022). *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozeniya: monografiya* (pod obshch. red. A. A. Krymova; pod nauch. red. A. P. Skiby) (4-e izd., ispravl. i dop.). Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka.
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>

- Kirillova, T. V., Rogov, A. V. (2022). Issledovanie fenomena suicidal'nogo povedeniya podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Maloletkina, N. S., Skiba, A. P. (2022). O vzaimosvyazi repatriatsii osuzhdennykh voennoplennykh s ispravitel'nym vozdeystviem v ih otnoshenii. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Minster, M. V. (2018). Realizatsiya nekotorykh napravlenij ugolovnoj politiki Rossii v otnoshenii zhenshchin. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 13 (4), 447–451.
- Mihajlov, V. S. (2019). Protivodejstvie proyavleniyam religioznogo ekstremizma v mestah lisheniya svobody. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 5 (36), 66–70.
- Nistratova, I. S. (2017). Aktual'nye voprosy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih, bol'nykh social'no znachimymi zabolevaniyami. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 12 (3), 294–297.
- Nuradinov, A. S., Dzhumageldinov, A. N. (2022). O nekotorykh problemakh issledovaniya religioznogo radikalizma i terrorizma (na primere opyta Kazahstana). *Natsional'nyj psichologicheskij zhurnal*, 1 (45), 43–52.
- Obrazhiev, K. V. (2016). Perspektivy kodifikatsii voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva. V V. F. Lapshin (red.), *sbornik materialov Vserossiiskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugolovnogo prava Rossiiskoj Federatsii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty», posvyashchennoj pamyati professorov kafedry ugolovnogo prava V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurcova* (str. 274–280). Akademiya FSIN Rossii.
- Petryanin, A. V. (2013). Penologicheskie osobennosti preduprezhdeniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 23, 101–106.
- Pchelkina, E. V. (2016). Otechestvennoe zakonodatel'stvo po voprosu obrashcheniya s inostrannymi voennoplennymi v pervuyu i vtoruyu mirovyje vojny. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 1 (46), 16–22.
- Rudich, V. V., Zhilko, I. A. (2021). Protivodejstvie rasprostraneniya ekstremistskoj i terroristicheskoy ideologii v mestah lisheniya svobody. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 4, 455–460.
- Sazhin, V. L., Yur'ev, V. K. (1999). *Zdorov'e i bolezni zaklyuchennykh. Seriya «Mir mediciny»*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan».
- Skiba, A. P. (2010). Problemy ocenki chlenovreditel'stva osuzhdennogo k lisheniyu svobody pri ego dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya. *Ugolovnoe pravo*, 5, 123–129.
- Skiba, A. P. (2015). Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah voennogo polozheniya: izlozhenie problemy. *Mezhdunarodnyj penitentsiarnyj zhurnal*, 1, 32–37.
- Skiba, A. P. (2019). O nekotorykh napravleniyakh razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya*, 4, 77–85. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-4-77-85>
- Skiba, A. P. (2020). Pravovoe polozhenie voennoplennykh osuzhdennykh: postanovka problemy mezhdunarodno-pravovogo, konstitucionno-pravovogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i inogo regulirovaniya. *Vestnik kuzbasskogo instituta*, 4 (45), 82–91.
- Smirnov, S. N., Moiseev, N. D. (2021). O nekotorykh problemakh i perspektivakh protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 151–155. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-151-155>
- Sorokin, M. V., Sorokina, O. E. (2016). Individual'naya profilaktika rasprostraneniya radikal'nykh raznovidnostej islamskikh techenij v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh. *Politika, gosudarstvo i pravo*, 6 (54), 16–20.
- TePLYashin, P. V., TePLYashina, E. A. (2019). Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii pozhilykh osuzhdennykh: perspektivy rasshireniya realizatsii principa differentsiatsii. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3 (40), 87–96.
- Tokaev, YU. (2003). Na bol'nichnykh kojках vse ravny. *Prestuplenie i nakazanie*, 5, 36–37.
- Haustova, N. A. (2018). Ideologicheskie i psichologicheskie aspekty izucheniya religioznogo ekstremizma. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 1, 47–50.
- Yunusov, A. A., Guric, S. D. (2016). Sravnitel'no-pravovaya harakteristika realizatsii mezhdunarodnykh standartov v otnoshenii voennoplennykh i osuzhdennykh v Rossii. *Vestnik Vladimirsckogo yuridicheskogo instituta*, 1 (38), 109–112.
- Algranti, J. (2018). The making of an evangelical prison: Study on Neo-Pentecostalism and its leadership processes in the Argentine penitentiary system. *Social Compass*, 65 (5), 549–565. <https://doi.org/10.1177/0037768618800417>
- Jang, S. J., Johnson, B. R., Hays, J., Hallett, M., & Duwe, G. (2018). Religion and Misconduct in “Angola” Prison: Conversion, Congregational Participation, Religiosity, and Self-Identities. *Justice Quarterly*, 35 (3), 412–442.
- Manchado, M. (2016). Reciprocity and governmentality after introducing religious presence in medium and maximum security prisons in the province of Santa Fe (Argentina). *Revista de Antropologia Social*, 25 (1), 35–60. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RASO.2016.v25.n1.52624

Patlasov, O. Y. (2017). The influence of criminal subculture on penal labor: Gaps in legislation and collisions of legal norms. *Russian journal of criminology*, 11 (1), 216–227.

Tia, T., & Feldiorean, O. (2019). Educational counseling and religious-pastoral psychotherapy in prisons. Structural guidelines for the approach and recuperative intervention. *Astra Salvensis*, 7 (14), 155–171.

Информация об авторе:

Андрей Петрович Скиба – профессор кафедры уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Andrey P. Skiba – Professor of the Department of Penal Enforcement Law, Doctor of Law, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.09.2022

Одобрена после рецензирования 10.10.2022

Опубликована 29.10.2022

Submitted September 9, 2022

Approved after reviewing October 10, 2022

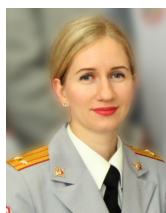
Accepted October 29, 2022

УДК 343.988

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-346-353

Виктимизация населения современной России. Девиантологический взгляд

Татьяна Андреевна Огарь

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
tat-kar@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9034-3108

Валентин Станиславович Харламов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
Valentinx@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2009-197X

Аннотация

В современной России множество людей ежедневно становятся жертвами преступлений. Недостаточная приспособленность россиян к обеспечению персональной безопасности вызвана их личностной криминальной уязвимостью (виктимностью). Виктимологическая ситуация, сложившаяся в стране, без преувеличения может быть оценена как крайне напряженная, диктующая необходимость создания системы мер, обеспечивающих надлежащую безопасность граждан и юридических лиц. Решение этой проблемы невозможно без глубокого исследования реального состояния виктимизации населения. На основе официальных сведений уголовной статистики авторы представили динамику, состояние, структуру негативных последствий преступности. Дана оценка материального ущерба от преступлений, совершенных в стране. Показана специфика массивов жертв преступлений на транспорте в сравнении с общим массивом потерпевших от преступлений. Отражена география криминальной виктимности. Исследован характер латентности виктимности. Рассмотрено соотношение криминальных жертв из числа юридических и физических лиц. Результаты предлагаемого анализа криминальной виктимности населения позволят принимать управленческие решения, направленные на эффективное противодействие преступности.

Ключевые слова

жертва, виктимизация, вред, материальный ущерб, латентность, уязвимость

Для цитирования: Огарь, Т. А., Харламов, В. С. (2022). Виктимизация населения современной России. Девиантологический взгляд. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 346–353. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-346-353.

Original paper

Tatiana A. Ogar

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
tat-kap@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9034-3108**Valentin St. Kharlamov**

Saint Petersburg University of
the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
Valentinx@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2009-197X

Victimization of the population of modern Russia. Deviantological view

Abstract

In modern Russia many people become victims of crimes every day. Insufficient adaptation of Russians to ensure personal security is caused by their personal criminal vulnerability (victimization). The victimological situation in the country, without exaggeration, can be assessed as extremely tense, revealing the need to create a system of measures to ensure the proper security of citizens and legal entities. The solution of this problem is impossible without a deep study of the real state of victimization of the population. On the basis of official criminal statistics, the authors present the dynamics, state, structure of the negative consequences of crime. The assessment of material damage from crimes committed in the country is given. The specificity of arrays of victims of crimes in transport is shown in comparison with the general array of victims of crimes. The geography of criminal victimization is reflected. The nature of latent victimization is investigated. The ratio of criminal victims among legal entities and individuals is considered. The results of the proposed analysis of criminal victimization of the population will make it possible to make management decisions aimed at effective fighting crime.

Keywords

victim, crime, victimization, harm, material damage, latency, vulnerability

For citation: Ogar, T. A., Kharlamov, V. S. (2022). Victimization of the population of modern Russia. Deviantological view. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 346–353. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-346-353.

Девиантное поведение индивидов воспроизводится и тиражируется внутри каждой из стран мирового сообщества, образуя социальные девиации. Наука, исследующая социальные девиации и реакцию общества на них, именуется девиантологией (Гишинский, 2000, с. 121–122).

К поведенческой девиации отдельных индивидов относится виктимность, выражающая специфическое качество лица в виде его определенной уязвимости, повышающей вероятность стать жертвой преступления (Гишинский, 2011, с. 118–124). Виктимизация представляет собой процесс и результат превращения лица

в жертву преступления¹. Характер виктимизации может быть исследован посредством виктимологической диагностики. Под виктимологической диагностикой криминальных последствий в настоящем исследовании подразумевается оценка параметров негативных последствий преступности, приносящих максимальный ущерб личности, социуму, государству и обществу в целом. Виктимологическая диагностика криминальных последствий позволяет оценить социальную патологию. Она ориентирована на противодействие преступности, направлена на прогнозирование поведения жертв преступлений и обеспечение виктимоло-

¹ Ривман, Д. В. (2002). *Криминальная виктимология: учебник для вузов* (стр. 80). Питер.

гической безопасности. В настоящем исследовании мы ограничимся только установлением наиболее значимых параметров, включая динамику, состояние, структуру последствий преступности.

Последствия преступности – это суммарный социальный и не социальный, прямой и косвенный вред, причиняемый зарегистрированной (учтенной) преступностью (Кабанов, 2016, с. 8). Динамика количества потерпевших из числа физических лиц в России в период 2000–2020 гг. отражена в таблице 1 (Российский статистический ежегодник, 2001, 2006, 2011, 2016, 2021).

Ежегодные показатели уголовной статистики, представленные в таблице 1, свидетельствуют о положительных тенденциях снижения на протяжении 2000–2020 гг. в России не только массивов потерпевших от преступлений из числа физических лиц, но и количества выявленных преступников, а также общего числа зарегистрированных преступлений. Кроме того, число погибших и получивших тяжкий вред здоровью в результате криминальных проявлений за последние двадцать лет в стране уменьшилось более чем вдвое. Так, криминальная смертность в России в 2000 году составила 76,7 тысячи человек, а в 2020 году – 22,7 тысячи человек. Число лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред преступными посягательствами в России в 2000 году, составило 74,5 тысячи пострадавших, а в 2020 году – 35,6 тысячи пострадавших. Ежегодный максимум погибших от преступлений (78,7 тысячи человек) и получивших тяжкий вред здоровью (74,5 тысячи человек) приходится соответственно на 2001 и 2000 годы. Ежегодный минимум лиц рассматриваемых категорий приходится на 2020 год: 22,7 тысячи погибших и 35,6 тысячи получивших тяжкий вред здоровью.

По сведениям МВД России, за январь–декабрь 2020 года от преступлений погиб 22 671 человек, в том числе 19 995 человек от преступлений, совершенных на территории России (Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года, 2021, с. 42). В указанный период в результате преступных посягательств причинен тяжкий вред здоровью 35 634 лицам, в том числе 27 601 лицу от преступлений, совершенных на территории России. Всего в 2020 году в Российской Федерации зарегистрировано 1 620013 жертв преступлений, из них 1 376753 физических лица и 243 260 юридических лиц. В рассматриваемый период в российских городах и поселках городского типа массив погибших от преступлений составил 11 931 человека, а массив потерпевших от преступлений, которым причинен тяжкий вред здоровью, – 18 718 человек. В сельской местности рассматриваемые показатели значительно ниже: они составили соответственно 7 910 погибших и 8 747 человек, которым причинен тяжкий вред здоровью. В результате криминальных посягательств, совершенных в России с использованием оружия, погибли 554 лица и причинен тяжкий вред здоровью 374 лицам.

Анализ рассматриваемых виктимологических показателей на протяжении 2000–2020 годов свидетельствует о волнообразной динамике общего уровня виктимности в России. Упомянутый ежегодный показатель варьируется в пределах от 10 потерпевших в расчете на одну тысячу человек населения России в 2020 году до 24 потерпевших в 2006 году. В период 2000–2006 годов наблюдался рост ежегодного показателя общего уровня виктимности в России от 16 до 24 потерпевших в расчете на одну тысячу человек населения страны. В дальнейшем зафиксировано постоянное ежегодное снижение указанного показателя: 14 потерпевших в 2010 году, 13 потерпевших в 2015 году и 10 потерпев-

Таблица 1. Динамика массива потерпевших из числа физических лиц в Российской Федерации в период 2000 – 2020 гг.

Table 1. Dynamics of the array of victims from among individuals in the Russian Federation in the period 2000 – 2020

Годы	Число зарегистрированных преступлений	Количество лиц, совершивших преступления, тысяч человек	Массив физических лиц, потерпевших от преступлений, тысяч человек	Из них	
				погибших, тысяч человек	причинен тяжкий вред здоровью, тысяч человек
2000	2 943977	1 741,0	2 095,5	76,7	74,5
2005	3 554738	1 297,0	2 809,2	68,5	61,0
2010	2 628799	1 111,0	1 785,2	30,3	39,7
2015	2 388476	1 075,3	1 668,8	32,4	45,4
2020	2 044221	852,5	1 376,8	22,7	35,6

ших в 2020 году. Следует отметить, что массив потерпевших от преступлений представляет совокупный показатель официально зарегистрированных жертв преступлений из числа юридических и физических лиц. Соотношение указанных категорий жертв в последние годы начала XXI века относительно стабильно и, составляет в среднем 86,0 % для физических лиц и 14,0 % для юридических лиц. Аналогичные показатели получены учеными криминологами Кабановым П. А. и Магизовым Р. Р., которые в ходе анализа статистики в период 2009 – 2016 гг. установили, что «физические лица более чем в шесть раз чаще становятся потерпевшими от преступлений, чем юридические»².

География криминальной виктимности построена на абсолютных значениях зарегистрированного числа криминальных жертв в российских регионах в виде снижающейся прогрессии. В 2020 году в тройке лидеров криминальной виктимности находились Центральный федеральный округ (369 063 потерпевших), Приволжский федеральный округ (318 357 потерпевших), Сибирский федеральный округ (246 816 потерпевших). Аутсайдерами оказались Южный федеральный округ (182 404 потерпевших), Северо-Западный федеральный округ (165 543 потерпевших), Уральский федеральный округ (151 085 потерпевших), Дальневосточный федеральный округ (116 602 потерпевших), Северо-Кавказский федеральный округ (46 251 потерпевший) (Сведения о количестве потерпевших за январь – декабрь 2020 г., 2021).

По официальным сведениям ГИАЦ МВД России, в результате «транспортной» преступности в России в рассматриваемое время пострадали 17 335 лиц на объектах авиационного, железнодорожного, водного транспорта (Сведения о количестве потерпевших за январь-декабрь 2020 г., 2021).

В целом материальный ущерб от преступлений в 2020 году в стране составил 512 835434 тысячи рублей по оконченным и приостановленным уголовным делам. Указанная сумма сопоставима с расходами федерального бюджета в 2020 году на финансирование вместе взятых фундаментальных научных исследований (Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2020 г., 2021, с. 120), физическую культуру и спорт, культуру и кинематографию, жилищно-коммунальное хозяйство³.

Количество преступлений, в результате которых возник упомянутый ущерб и по которым установлены потерпевшие в 2020 году в стране, составило

1 295916 криминальных проявлений (Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие за январь-декабрь 2020 г., 2021). Однако следует иметь в виду, что в результате даже одного криминального проявления ущерб может быть причинен не одному, а многим людям. Так, *17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже учащийся 4 курса Керченского политехнического колледжа Росляков В. И. на территории указанного колледжа из ружья и самодельного взрывного устройства убил 15 студентов и 5 педагогов. Общее число пострадавших при вооруженной атаке Рослякова В. И. на колледж составило 67 человек*⁴.

Анализ структуры криминального виктимизма представлен в таблице 2.

Показатели уголовной статистики, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что в России в 2020 году из общего массива потерпевших от преступлений каждая четвертая жертва пострадала от тяжких и особо тяжких преступлений. Удельный вес потерпевших от преступлений средней и небольшой тяжести в указанном массиве примерно равнозначен и составляет в сумме 75,3 %. Анализ структуры криминального виктимизма в России в 2020 году показывает, что в общем массиве потерпевших от преступлений доминируют жертвы преступлений против собственности (77,0 %). Ответственность за указанные преступные посягательства установлена в главе 21 УК РФ. За ними следуют жертвы криминальных проявлений против жизни и здоровья, предусмотренные главой 16 УК РФ (10,5 %). Замыкают тройку лидеров жертвы преступлений против семьи и несовершеннолетних, предусмотренные главой 20 УК РФ (3,8 %). Доля жертв, пострадавших от остальных видов преступлений, не превышает десяти процентов.

В 2020 году от насильственных преступлений пострадали 269 404 человека, что составило 16,6 % от общего массива потерпевших от всех видов преступлений (Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие, за январь-декабрь 2020 г., 2021).

Следует заметить, что на протяжении двенадцати месяцев (с января по декабрь) 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года наблюдался рост числа потерпевших от преступных посягательств только следующих видов:

- на 66,7 % от преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренных главой 29 УК РФ;
- на 5,6 % от преступлений против свободы, чести и достоинства личности, закрепленных в главе 17 УК РФ;

² Кабанов, П. А., Магизов, Р. Р. (2018). *Криминологическая виктимология: учебное пособие* (стр. 26-27). Издательство Казанского университета.

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/

⁴ <https://ria.ru/20181031/1531859155.html>

Таблица 2. Структура криминального виктимизма в России в 2020 году

Table 2. Structure of criminal victimism in Russia in 2020

№ п/п	Категории преступлений и главы УК РФ	Количество лиц, потерпевших от преступлений	Удельный вес к стр. 1 (в %)
1.	Всего	1 620013	100
2.	Особо тяжкие	22 051	1,4
3.	Тяжкие	378 418	23,4
4.	Средней тяжести	610 739	37,7
5.	Небольшой тяжести	608 805	37,6
6.	Глава 16 УК РФ	170 170	10,5
7.	Глава 17 УК РФ	1 934	0,1
8.	Глава 18 УК РФ	13 426	0,8
9.	Глава 19 УК РФ	30 982	1,9
10.	Глава 20 УК РФ	60 973	3,8
11.	Глава 21 УК РФ	1 246231	77,0
12.	Глава 22 УК РФ	3 908	0,2
13.	Глава 24 УК РФ	6 169	0,4
14.	Глава 25 УК РФ	3 415	0,2
15.	Глава 27 УК РФ	21 121	1,3
16.	Глава 29 УК РФ	15	0,001
17.	Глава 30 УК РФ	5 948	0,4
18.	Глава 31 УК РФ	1 115	0,1
19.	Глава 32 УК РФ	36 548	2,3
20.	Глава 33 УК РФ	687	0,04
21.	Глава 34 УК РФ	2	0,0001

– на 2,9 % от преступлений против собственности, закрепленных в главе 21 УК РФ. Так, в стране в 2020 году по сравнению с 2019 годом, по официальным сведениям, общее число жертв мошеннических действий возросло на 28,4%.

В процессе виктимологической диагностики криминальных последствий следует дать оценку латентности виктимности. По результатам проведенных Университетом Прокуратуры Российской Федерации криминологических исследований в 2010–2014 гг., отмечен рост как естественной (сформированной незаявленными и неустановленными преступлениями), так и искусственной (сформированной неучтенными преступлениями) части латентной преступности. Искусственная часть латентной преступности в России колебалась в пределах 2,0–2,5 млн. деяний. Об увеличении искусственной части латентной преступности косвенно свидетельствовал рост числа убийств и других особо тяжких преступлений на фоне одновременного снижения остальных категорий преступлений. Рост естественной ее части происходил за счет увеличения числа фактов необращения граждан с заявлениями

о преступлении в правоохранительные органы. Указанные факты подтвердились, по сведениям Университета Прокуратуры РФ, результатами анкетирования граждан, 78,3 % из которых опасаются стать жертвами криминальных посягательств, полагая, что их безопасность не обеспечена на должном уровне. Кроме того, 38,5 % респондентов считали, что в отношении них либо их родственников в течение последнего года было совершено преступление, но они по различным причинам не заявляли об этом факте в правоохранительные органы (Законность: состояние и тенденции в 2010 – 2014 гг., 2015). Высоколатентны, в частности, сексуальные посягательства. Жертвы перверсивных (от лат. *perversus* – извращенный) преступлений обращаются за помощью прежде всего в кризисные центры и медучреждения, и значительно меньше – в правоохранительные органы. В основе – нежелание выносить на публику трагические обстоятельства личной жизни, чувство стыда, недоверие официальным структурам. По результатам виктимологического мониторинга, приводимого в докладе Независимой комиссии по правам женщин и насилию в отношении женщин,

изнасилованию подвергалось 22,0 % российских женщин, но лишь каждая третья (8,0 %) подавала заявления в органы правоохраны (Писклакова, Синельников, 2009). Становясь жертвами половых преступлений, дети и пожилые граждане испытывают значительные трудности при обращении в правоохранительные структуры. Отдельные факты о сексуальной патологии находят отражение в средствах массовой информации⁵ (Ахмирова, 2001).

Целесообразно отметить специфику повышенной виктимности и в области семейно-бытовых отношений. Жертвы преступлений не заявляют в органы правопорядка о множестве совершенных внутрисемейных преступных посягательств, поскольку они находятся с преступником в отношениях, близких, родственных, партнерских, интимных, нередко в материальной и психологической зависимости от него. Случается, основаниями отказа от защиты личных прав являются нежелание портить «биографию» родственнику, способность решить проблему самостоятельно, не прибегая к официальному заявлению, либо боязнь огласки.

Определенный отпечаток накладывают региональные традиции и менталитет местного населения. Так, на Кавказе латентность преступлений в сфере семейно-бытовых отношений связана с высоким уровнем ходатайств родственников о прекращении дел, которые, как им кажется, являются делом семьи и рода (тухума). В дагестанских семьях люди боятся огласки и подрыва репутации тухума (Маликова, 2006, с. 4). По утверждению известного криминолога Р. М. Акутаева, одним из факторов латентности преступлений, весьма характерным для Северо-Кавказского региона и получившим в последние годы повсеместное распространение, является компенсационное соглашение между родителями и родственниками преступника и потерпевшего. Достижение консенсуса между сторонами обычно связано с тем, что уличенное в совершении преступления лицо компенсирует причиненный потерпевшему материальный и моральный ущерб при условии, что последний не заявит о случившемся в правоохранительные органы. Основой взаимоотношений в подобных ситуациях является принцип возмездности⁶.

На основании выборочного мониторинга средний процент латентности виктимности по исследуемым видам преступлений составил 225,0 %. То есть, на одну зарегистрированную жертву преступления приходится более двух незарегистрированных.

Резюмируя изложенное, следует констатировать следующее.

1. На протяжении 2000–2020 гг. в России наблюдается положительная динамика снижения ежегодного массива потерпевших от преступлений и других значимых показателей криминальной виктимности. В частности, в 2000 году по сравнению с 2020 годом в стране сократилась более чем втрое криминальная смертность – от 76,7 тысячи жертв до 22,7 тысячи жертв. Более чем вдвое уменьшилось число лиц, получивших тяжкий вред здоровью из-за преступных посягательств – от 74,5 тысячи травмированных в 2000 году до 35,6 тысячи травмированных в 2020 году.

2. В общем массиве криминальных жертв в России доминируют физические лица. Современное соотношение криминальных жертв из числа юридических лиц и физических лиц равно 1:6, то есть на одно потерпевшее от преступления юридическое лицо приходится шесть физических лиц, потерпевших от преступлений.

3. В структуре криминальной виктимности преобладают преступления против собственности.

4. Материальный ущерб от преступлений в 2020 году в стране составил 512 835434 тысячи рублей по оконченным и приостановленным уголовным делам, что сопоставимо с расходами федерального бюджета в 2020 году на финансирование вместе взятых фундаментальных научных исследований, физическую культуру и спорт, культуру и кинематографию, жилищно-коммунальное хозяйство.

5. География криминальной виктимности отражает распределение ее показателей в регионах России. В 2020 году в тройке лидеров абсолютных значений криминальной виктимности находились Центральный федеральный округ, Приволжский федеральный округ и Сибирский федеральный округ. Аутсайдерами оказались Южный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ и Северо-Кавказский федеральный округ.

Список литературы

- Ахмирова, Р. (2001). *Ночная охота на старушек* (газета Комсомольская правда, 6 июля 2001). Москва.
- Гишинский, Я. И. (2000). *Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гишинский, Я. И. (2011). *Конструирование девиантности: монография*. Санкт-Петербург: Издательство Деан.
- Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2020 г.* (2021). Москва: ИАЦ «Наука» РАН, ИПРАН РАН.

⁵ <http://comments.ua/world/364753-mat-breyvika-razvrashchala.html>.

⁶ Акутаев, Р. М. (2002). *Проблемы латентной преступности: учебное пособие* (стр. 88). Махачкала.

- Законность: состояние и тенденции в 2010-2014 гг. (2015). В О. С. Капинус (ред.), *Деятельность прокуратуры по ее обеспечению*: научный доклад (стр. 129, 401). Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Кабанов, П. А. (2016). Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009–2015 гг.). *Виктимология*, 3 (9), 7–23.
- Маликова, М. Г. (2006). *Криминологическая характеристика преступности в сфере семейно-бытовых отношений (региональный аспект)*: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала.
- Российский статистический ежегодник (2001, 2006, 2011, 2016, 2021). В *Статистический сборник*. Москва: Росстат.
- Сведения о количестве потерпевших за январь-декабрь 2020 г. (2021). В *Сборник по Российской Федерации* (Раздел 4. Ф. 493 КН.4). Москва: ГИАЦ МВД России.
- Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие за январь-декабрь 2020 г. (2021). В *Сборник по Российской Федерации* (Раздел 1. Ф. 455). Москва: ГИАЦ МВД России.
- Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие, за январь-декабрь 2020 г. (2021). В *Сводный отчет по России* (Ф. 455 КН.11). Москва: ГИАЦ МВД России.
- Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года* (2021). Москва: ГИАЦ МВД России.
- Писклакова, В. М., Синельников, А. (ред.) (2009). *Доклад Национальной независимой комиссии «Территория молчания: Права женщин и проблема насилия в отношении женщин»*. Москва.

References

- Ahmirova, R. (2001). *Nochnaya ohota na starushek* (gazeta Komsomol'skaya pravda, 6 iyulya 2001). Moscow.
- Gilinskij, Ya. I. (2000). *Deviantnost' i social'nyj kontrol' v Rossii (XIX-XX vv.): tendencii i sociologicheskoe osmyslenie*. Saint Petersburg: Aletejya.
- Gilinskij, Ya. I. (2011). *Konstruirovaniye deviantnosti: monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Dean.
- Doklad o realizacii gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii i vazhnejshih nauchnyh dostizheniyah, poluchennyh rossijskimi uchenymi v 2020 g.* (2021). Moscow: IAC «Nauka» RAN, IP RAN RAN.
- Zakonnost': sostoyaniye i tendencii v 2010-2014 gg. (2015). V O. S. Kapinus (red.), *Deyatel'nost' prokuratury po ee obespecheniyu: nauchnyj doklad* (str. 129, 401). Moscow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Kabanov, P. A. (2016). Nesovershennoletnie zhertvy sovremennoj rossijskoj prestupnosti: statistiko-viktimologicheskoe izmereniye (2009–2015 gg.). *Viktimologiya*, 3 (9), 7–23.
- Malikova, M. G. (2006). *Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti v sfere semejno-bytovyh otnoshenij (regional'nyj aspekt)*: dis. ... kand. yurid. nauk. Mahachkala.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik (2001, 2006, 2011, 2016, 2021). V *Statisticheskij sbornik*. Moscow: Rosstat.
- Svedeniya o kolichestve poterpevsih za yanvar'-dekabr' 2020 g. (2021). V *Sbornik po Rossijskoj Federacii* (Razdel 4. F. 493 KN.4). Moscow: GIAC MVD Rossii.
- Svedeniya o prestupleniyah, po kotorym imeyutsya poterpevsie za yanvar'-dekabr' 2020 g. (2021). V *Sbornik po Rossijskoj Federacii* (Razdel 1. F. 455). Moscow: GIAC MVD Rossii.
- Svedeniya o prestupleniyah, po kotorym imeyutsya poterpevsie, za yanvar'-dekabr' 2020 g. (2021). V *Svodnyj otchet po Rossii* (F. 455 KN.11). Moscow: GIAC MVD Rossii.
- Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2020 goda* (2021). Moscow: GIAC MVD Rossii.
- Pisklakova, V. M., Sinel'nikov, A. (red.) (2009). *Doklad Nacional'noj nezavisimoy komissii «Territoriya molchaniya: Prava zhenshchin i problema nasiliya v otnoshenii zhenshchin»*. Moscow.

Информация об авторах:

Татьяна Андреевна Огарь – начальник кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Валентин Станиславович Харламов – профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, доцент.

About the authors:

Tatiana A. Ogar – Head of the Department of Criminal Law, PhD in Law, Associate Professor.

Valentin St. Kharlamov – Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 02.09.2022

Одобрена после рецензирования 07.10.2022

Опубликована 29.10.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 02, 2022

Approved after reviewing October 7, 2022

Accepted October 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 378.078

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-354-362

«Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор первой международной научно-практической конференции)

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Лариса Викторовна Каверина**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042**Аннотация**

В статье представлен обзор международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», прошедшей под эгидой «Российского девиантологического журнала» в сентябре 2022 года. Конференция нацелена на обмен научными знаниями о девиантном поведении, анализ современных методологий исследования и профилактики девиаций, коммуникация ученых и практиков, работающих в этом предметном поле.

В конференции приняли участие более 120 человек из 47 организаций России и зарубежья, среди которых: представители Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова, Казахстано-Британского технического университета, Академии Полиции Азербайджанской Республики, Минского городского клинического наркологического центра, Белорусского государственного медицинского университета, Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева Минздрава России; представители образовательных организаций МВД России, ФСИН России, Минобороны России, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России.

Работа конференции была организована в форме пленарного и трех секционных заседаний по ключевым направлениям изучения девиантного поведения и профилактики его проявлений. В рамках конференции был проведен конкурс стендовых докладов (постеров), призерами которого стали пять исследовательских коллективов.

Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем девиантного поведения, обобщение и распространение передовых методологий, методик и опыта исследователей девиаций, развитие и укрепление взаимодействия ученых и практиков.

Ключевые слова

девиантное поведение, теория девиантологии, изучение девиаций, профилактика девиантного поведения, диагностика девиаций, коррекция девиантного поведения

Для цитирования: Злоказов, К. В., Каверина, Л. В. (2022). «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Обзор первой международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 354–362. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-354-362.

Original paper

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkrivit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Larisa V. Kaverina**

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042

Russian deviantological panorama: theory and practice (review of the international scientific and practical conference)

Abstract

Article presents a review of the international scientific and practical conference «Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice» held under the auspices of the Russian Journal of Deviant Behavior in September 2022. The conference was aimed at sharing scientific knowledge on deviant behavior, analysis of modern methodologies of research and prevention of deviations, communication of scientists and practitioners working in this subject field.

More than 120 people from 47 Russian and foreign organizations took part in the conference including guests from Shanghai Higher Police School of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, Kokshetau Abai Myrzakhmetov University, Kazakh-British Technical University, Police Academy of the Azerbaijan Republic, Minsk City Clinical Narcological Center, Belarusian State Medical University, National Medical Research Center of Psychiatry, Moscow State University, Moscow State University, Moscow State Pharmaceutical Academy, and others.

The conference sessions were held in the form of plenary and three breakout sessions on the key areas of deviant behavior research and prevention of its manifestations. As part of the conference a competition of poster presentations (posters) was held, according to its results five research teams were awarded.

The conference resulted in discussion of academic and applied problems of deviant behavior, spread of modern methodologies, techniques, experiences among researchers of deviations, development interaction between scientists and practitioners.

Keywords

deviant behavior, theory of deviantology, study of deviations, prevention of deviant behavior, diagnosis of deviations, correction of deviant behavior

For citation: Zlokazov, K. V., Kaverina, L. V. (2022). Russian deviantological panorama: theory and practice (review of the international scientific and practical conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 354–362. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-354-362.

30 сентября 2022 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялось знаменательное событие в научной жизни девиантологов – первая международная конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, 30 сентября 2022 года, 2022). Название было выбрано не случайно. Оно символизирует пространство научных исследований девиантного поведения, широту и богатство знаний и опыта, доступное участникам конференции.

Конференция проводилась при информационной поддержке «Российского девиантологического журнала» и позиционировалась как его новое, межличностное измерение. Журнал и конференция дополняют

друг друга – именно на полях конференции авторы могут познакомиться друг с другом и наметить совместные исследования. Пространство общения, создаваемое конференцией, укрепляет объединение основоположников девиантологии и молодых ученых, ученых и практиков разных стран мира, изучающих девиантное поведение.

В работе конференции приняли участие представители Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова, Казахстанско-Британского технического университета, Академии Полиции Азербайджанской Республики, Минского городского клинического наркологического центра, Белорусского государственного медицинского университета, На-

ционального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева Минздрава России; представители образовательных организаций МВД России, ФСИН России, Минобороны России, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России. Академическую среду представляли участники более 40 образовательных организаций высшего образования России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Максим Викторович Бавсун. Он отметил важность проводимого мероприятия для развития девиантологии – новой и молодой науки в плееде наук, изучающих социальное поведение человека. Отметив, что конференция проводится под эгидой «Российского девиантологического журнала», Максим Викторович подчеркнул его вклад в формирование международного сообщества исследователей девиаций и поддержку российской девиантологии.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады ученых девиантологов. Открыл пленарное заседание доклад профессора кафедры уголовного права и криминологии уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации доктора юридических наук профессора **Якова Ильича Гилинского** на тему «Девиантология постмодерна».

Выступая, Яков Ильич поднял проблему концептуализации понятий «девиация» и «девиантность». Докладчик отметил, что трактовки этого социального явления различаются в разных государствах, социальных общностях и временах (Гилинский, 2022, с. 7). По его мнению, научные представления о девиациях нуждаются в переосмыслении, учитывая, что эпоха постмодерна прямо указывает на допустимость подобного шага.

С докладом на тему «Изучение мер реагирования органов общественной безопасности Китая на случаи домашнего насилия в семье» выступили педагогические работники Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики **Хуан Ехуэй** и **Сю Жуй**.

Докладчики познакомили участников конференции с практикой противодействия домашнему насилию, накопленной у китайской полиции, и описали спектр мер реагирования, применяемых органами общественной безопасности. В ходе оживленной дискуссии, последовавшей за докладом, участники конференции выразили заинтересованность в проведении совместных исследований по проблемам генеза семейного насилия, мерам его превенции и профилактики.

Пленарный доклад профессора кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктора социологических наук, доцента **Татьяны Владимировны Шипуновой** был посвящен современному состоянию биологического направления изучения преступности. На основе оценки медико-биологических возможностей диагностики наследственных патологий и приобретенных заболеваний, а также оказания помощи в их коррекции и профилактике, автор делает вывод о целесообразности пересмотра отношений между врожденными и приобретенными факторами преступного поведения (Шипунова, 2022, с. 64–70).

В докладе профессора кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктора философских наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации **Виталия Витальевича Балахонского** обсуждалась роль категории «нормы» для девиантологической науки. Признавая ее центральное значение для девиантологии, Виталий Витальевич познакомил участников конференции с современными подходами к интерпретации нормы, создающими как возможности, так и ограничения для девиантологических исследований.

В завершении пленарного заседания прозвучал доклад ответственного секретаря «Российского девиантологического журнала», кандидата филологических наук **Ларисы Викторовны Кавериной**. Представив журнал в качестве нового сетевого проекта объединения девиантологов, Лариса Викторовна познакомила присутствующих с его идеей, основными вехами формирования и поделилась планами на будущее (Каверина, 2022, с. 146). Рассказав о команде, работающей над журналом – членах редакционной коллегии, редакторах, рецензентах и авторах, Лариса Викторовна предложила расширять пространство взаимодействия девиантологов, развивать тематику исследований и создавать новые коллективы. Предложение было развито в дискуссии с коллегами из Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, и поддержано всеми участниками.

Завершение пленарного заседания дало начало работе секций. Их тематика обобщала проблемы, вопросы и опыт исследования девиантного поведения.

Работа секции «**Теория и методология изучения девиантного поведения**» была во многом созвучна проблематике изучения девиаций, поставленной участниками пленарного заседания. Выступления и сообщения секции позволили по-новому взглянуть на причины девиаций, показав, как процессы, протекающие на микро- мезо- и макроуровнях жизни общества, обуславливают девиантное поведение, выступая либо его прямой причиной, либо становясь условием. Так, доклад **В. С. Котовой, И. В. Добрякова, О. В. Ли-**

сковского раскрывал значение сверхценных идей в формировании девиантного поведения (Добряков, Котова, Лисковский, 2022). Выступление **И. Л. Грошева** и **И. А. Грошевой** было посвящено анализу девиантных практик коммеморации в информационной среде, присущих современной молодежи (Грошев, Грошева, 2022). Сообщение **А. А. Чебуренкова** сконцентрировано на анализе стратегии лжесвидетельствования как виде девиантного поведения участников судебного процесса (Чебуренков, 2022). Присутствующим был представлен анализ его особенностей, механизм детерминации, охарактеризованы меры предупреждения.

Новый подход к предупреждению девиантного поведения обучающихся образовательных организаций МВД России был представлен **А. Э. Власовым** в рамках выступления, описывающего опыт профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (Власов, 2022). **А. В. Топилина** познакомила членов секции с ролью депривации в детерминации делинквентного поведения, характеризуя депривацию условием формирования мотивов отдельных видов деликтов (Топилина, 2022). Деформации социальной нормы в представлении молодежи обсуждались **Л. И. Грошевой** в контексте анализа причин девиантного поведения (Грошева, 2022). В докладе **К. В. Злоказова** была раскрыта способность социального окружения репрезентировать девиантное поведение молодежи и продемонстрировано, как его объективные и субъективные характеристики могут помочь в предсказании риска возникновения девиаций (Злоказов, 2022).

Участники секции «**Психолого-педагогические исследования девиантного поведения**» обсуждали результаты экспериментальных и эмпирических исследований, делились опытом их проведения. С докладом о влиянии ценностной сферы психики на формирование коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел выступил **И. Ю. Кобозев**, опирающийся на проведенное им изучение ценностных ориентаций бывших сотрудников, осужденных за преступления коррупционной направленности (Кобозев, 2022). Концепции девиантного поведения несовершеннолетних женского пола были представлены **М. В. Шайковой**, показавшей актуальность изучения отклоняющегося поведения девушек, вследствие увеличения частоты и многообразия форм правонарушений, совершаемых ими в последние годы (Шайкова, 2022). Проблематика деструктивного самоутверждения рассматривалась **Е. И. Бериловой**, раскрывшей участникам секции его психологические предпосылки в подростковом и юношеском возрастах (Берилова, 2022). Актуальным являлось выступление **А. А. Кизияровой**, посвященное диагностике предсуицидального состояния военнослужащих. В ходе доклада ею была охарактеризована существующая система диагностики

и представлен альтернативный способ предупреждения самоубийств военнослужащих (Кизиярова, 2022). В докладе **А. С. Распоповой** и **Ю. М. Босенко** была рассмотрена эмпирически выявленная связь самоотношения и агрессивности у женщин, отбывающих наказание за совершение преступлений.

Внимание участников секции привлекло сообщение об отношениях аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении сексуальных преступников, подготовленное на основе эмпирического исследования **Н. В. Дворянчикова** и **С. В. Нечесовой**. Полученные ими результаты расширяют существующие представления о причинной обусловленности криминального сексуального поведения серийных сексуальных садистов (Дворянчиков, Нечесова, 2022). В завершении работы секции был представлен доклад **Е. С. Андриалович**, эмпирически подтвердившей влияние локус контроля на побуждение к девиантному поведению сотрудников правоохранительных органов (Андриалович, 2022).

Третья секция конференции «**Коррекция и профилактика девиантного поведения**» была посвящена обсуждению психолого-педагогических программ противодействия девиантному поведению различных категорий граждан и его предупреждения. Ее работу открыл доклад по профилактике девиаций у трудовых мигрантов, подготовленный **А. В. Пуговко** на основе опыта противодействия девиациям у иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации. Интерес аудитории вызвал доклад **Д. В. Деккерта**, описывающий роль служебно-учебной среды образовательной организации МВД России на профилактику девиантного поведения. Оказание психологической помощи лицам с диссоциальными расстройствами стало предметом обсуждения членов секции в связи с докладом **Р. А. Севостьянова** (Севостьянов, 2022). Вопросы оказания психологической помощи семьям, находящимся в социально-опасном положении, обсуждались в коллективном докладе **С. О. Пегашовой**, **Е. С. Калины** и **Р. В. Санникова**. Ими были проанализированы факторы конфликтов между родителями и подростками, показана существенная роль служб медиации, а также конфликтологов-консультантов в обучении участников конфликтов навыкам их разрешения (Пегашова, Калина, Санников, 2022). Потенциал проективного метода в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних в сфере дорожного движения был представлен **А. В. Вашкевич**, **Е. П. Голод** и **Е. И. Толочко** (Вашкевич, Голод, Толочко, 2022). Перспективы профилактики девиантного поведения подрастающего поколения средствами физической культуры и спорта стали предметом доклада **К. М. Ашаровой**, выполненного под научным руководством **Е. В. Панова**. По замыслу докладчика, физическая культура и спорт позволяют снизить уро-

вень детской агрессии, сформировать иерархию ценностей и ориентировать подростков и молодежь на здоровый образ жизни (Ашарова, 2022).

Организационный комитет конференции подвел итоги конкурса стендовых докладов – постеров, проводимого в рамках конференции.

Цель конкурса – поощрение исследований, проводимых научными коллективами (группами) исследователей по актуальным проблемам девиантного поведения.

Призерами конкурса стали пять стендовых докладов:

– **«Криминологические проблемы сферы спорта»**, выполненный исследовательским коллективом Северо-Западного филиала Российского университета правосудия: Е. Н. Рахмановой – руководителем проекта, доктором юридических наук, доцентом; исполнителями – Безбородовым Д. А., кандидатом юридических наук, доцентом; А. Н. Берестовым, кандидатом юридических наук, доцентом; М. Х. Гельдибаевым, доктором юридических наук, профессором; С. У. Дикаевым, доктором юридических наук, профессором; И. М. Клейменовым, доктором юридических наук; Е. В. Топильской, кандидатом юридических наук; Н. Ю. Филатовой, старшим преподавателем, и П. В. Цветковым, старшим преподавателем;

– **«Иерархический кластерный анализ аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении серийных сексуальных преступников»**, подготовленный Н. В. Дворянчиковым, деканом факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, профессором кафедры клинической и судебной психологии, кандидатом психологических наук, и С. В. Нечесовой, студенткой пятого курса факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета;

– «Девиантное поведение: опасность, проблемы и пути решения», представленный А. В. Пospelовой, студенткой пятого курса Юридического института Югорского государственного университета, и А. С. Шапошниковым, аспирантом Югорского государственного университета;

– **«Дорога в безопасное будущее»**, созданный межведомственным коллективом, включающим А. В. Вашкевич, доцента кафедры юридической психологии

Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата педагогических наук, доцента; Е. П. Голод, слушателя пятого курса факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России; Е. И. Толочко, методиста государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей Центр детского (юношеского) технического творчества «Охта» Красногвардейского района Санкт-Петербурга, кандидата педагогических наук;

– **«Девиантное поведение пользователей цифровой среды на примере вооруженных нападений на образовательные организации»**, подготовленный У. Б. Гриненко, аспирантом кафедры клинической и судебной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Итоги конференции были подведены в завершении работы каждой из секций и обобщены организаторами.

Участники выразили единодушное мнение о необходимости продолжения проведения конференции, расширяя ее повестку вопросами междисциплинарного взаимодействия, более широким освещением зарубежного опыта изучения и противодействия девиантному поведению. Работа секционных заседаний показала различные направления совершенствования – от расширения состава участников, путем вовлечения исследовательских групп, работающих в разных регионах страны и зарубежья, до привлечения девиантологов, соответствующих тематике каждой из секций – представителей академической науки, специалистов различной направленности, научно-педагогических работников.

Участники отметили, что конкурс стендовых докладов явился неотъемлемой и полезной частью конференции. Он позволил оказать информационно-статусную поддержку исследователей девиантного поведения, обобщить и распространить передовой опыт проведения экспериментальных и эмпирических работ в междисциплинарном поле изучения девиаций.

Завершая обзор конференции, следует признать первую конференцию «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», состоявшейся, пожелать всем ее участникам научных побед и жизненных удач, а организаторам – успехов в подготовке новой встречи девиантологов в 2023 году.

Список литературы

- Андрялович, Е. С. (2022). Особенности склонности к отклоняющемуся поведению у сотрудников правоохранительных органов с разным локусом контроля. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика*: материалы международной научно-практической конференции (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 127-131). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN LYEEVK.
- Ашарова, К. М. (2022). К вопросу профилактики девиантного поведения детей и молодежи средствами физической культуры и спорта в образовательных организациях. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика*: материалы международной научно-практической конференции (30 сентября 2022 года,

- Санкт-Петербург, стр. 323–327). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN BEMUUP.
- Берилова, Е. И. (2022). Психологические предпосылки деструктивного самоутверждения в подростковом и юношеском возрасте. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 132–137). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN DTHTXJ.
- Вашкевич, А. В., Голод, Е. П., Толочко, Е. И. (2022). Использование проектного метода в профилактике девиаций несовершеннолетних в сфере дорожного движения. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 249–254). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN TVVKCJ.
- Власов, А. Э. (2022). Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел Российской Федерации как средство превенции девиантного поведения в образовательных организациях МВД России. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 145–149). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN QWIIIEJ.
- Гишинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 7–10). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN NMEMXG.
- Грошев, И. Л., Грошева, И. А. (2022). Девиация коммеморативных практик молодёжи в условиях информационной среды. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 23–28). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN SIIYGG.
- Грошева, Л. И. (2022). Деформационные процессы в определении социальной нормы в сознании молодёжи. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 76–82). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN MIXXBV.
- Дворянчиков, Н. В., Нечесова, С. В. (2022). Иерархический кластерный анализ аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении серийных сексуальных преступников. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 161–168). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN WXATIP.
- Добряков, И. В., Котова, В. С., Лисковский, О. В. (2022). Роль сверхценных идей в формировании девиантного поведения. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 29–34). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN IPFHVO.
- Злоказов, К. В. (2022). Репрезентация причин девиантного поведения социальным окружением субъекта. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 39–44). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN VVX-CJV.
- Каверина, Л. В. (2022). Управление научным журналом университета с помощью электронной редакции. В А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая (ред.), *Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России: сборник статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции* (17 июня 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 144–148). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN LIZXJW.
- Кизиярова, А. А. (2022). Проблемные вопросы при диагностике суицидального поведения военнослужащих. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 169–174).

Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN KTVAJG.

Кобозев, И. Ю. (2022). Влияние ценностной сферы психики на формирование коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 175-179). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN TAZZBM.

Пегашова, С. О., Калина, Е. С., Санников, Р. В. (2022). Конфликты в семьях, признанных в социально опасном положении: специфика протекания и возможности урегулирования споров между родителями и подростками. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 274-279). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN GOBAAT.

Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, 30 сентября 2022 года (2022). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. ISBN 978-5-91837-583-9, EDN CISDBJ.

Севостьянов, Р. А. (2022). Вопросы психологической помощи лицам с диссоциальным расстройством личности. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 303-306). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN UL-QGKR.

Топилина, А. В. (2022). Роль относительной депривации в формировании мотивации для совершения отдельных видов деликтов. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 104-108). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN CVALOL.

Чебуренков, А. А. (2022). Лжесвидетельство как разновидность девиантного поведения: особенности, механизм детерминации, меры предупреждения В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 115-122). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN SINBYK.

Шайкова, М. В. (2022). Психолого-правовые концепции девиантного поведения несовершеннолетних женского пола. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 202-207). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN PIGKSU.

Шипунова, Т. В. (2022). Биологическая перспектива изучения и профилактики преступности В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 64-70). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN TQOHWU.

References

Andrialovich, E. S. (2022). Osobennosti sklonnosti k otklonyayushchemusya povedeniyu u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov s raznym lokus kontrol'em. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 127-131). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN LYEEVK.

Asharova, K. M. (2022). K voprosu profilaktiki deviantnogo povedeniya detej i molodezhi sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta v obrazovatel'nyh organizacijah. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 323-327). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN BEMUUP.

Berilova, E. I. (2022). Psihologicheskie predposylki destruktivnogo samoutverzhdeniya v podrostkovom i yunosheskom vozraste. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 132-137). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN DTHTXJ.

- Vashkevich, A. V., Golod, E. P., Tolochko, E. I. (2022). Ispol'zovanie proektnogo metoda v profilaktike devijacij nesovershennoletnih v sfere dorozhnogo dvizheniya. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 249-254). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN TVVKCJ.
- Vlasov, A. E. (2022). Professional'nyj psihologicheskij otbor na sluzhbu v organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii kak sredstvo prevencii deviantnogo povedeniya v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 145-149). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN QWIIIEJ.
- Gilinskij, Ya. I. (2022). Deviantologiya postmoderna. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 7-10). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN NMEMXG.
- Groshev, I. L., Grosheva, I. A. (2022). Deviaciya kommemorativnyh praktik molodyozhi v usloviyah informacionnoj sredy. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 23-28). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN SIIYGG.
- Grosheva, L. I. (2022). Deformacionnye processy v opredelenii social'noj normy v soznanii molodyozhi. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 76-82). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN MIXXBB.
- Dvoryanchikov, N. V., Nechesova, S. V. (2022). Ierarhicheskij klasternyj analiz anomalij lichnosti i seksual'nogo sadizma v prostranstvennom povedenii serijnyh seksual'nyh prestupnikov. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 161-168). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN WXATIP.
- Dobryakov, I. V., Kotova, V. S., Liskovskij, O. V. (2022). Rol' sverhcennyh idej v formirovanii deviantnogo povedeniya. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 29-34). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN IPFHVO.
- Zlokazov, K. V. (2022). Reprerentaciya prichin deviantnogo povedeniya social'nym okruzeniem sub'ekta. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 39-44). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN VVXCJV.
- Kaverina, L. V. (2022). Upravlenie nauchnym zhurnalom universiteta s pomoshch'yu elektronnoj redakcii. V A. A. Zhavoronkova, O. I. Gorodovaya (red.), *Aktual'nye problemy i tendencii razvitiya nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii: sbornik statej po itogam vnutrivedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (17 iyunya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 144-148). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN LIZXJW.
- Kiziyarova, A. A. (2022). Problemnye voprosy pri diagnostike suicidal'nogo povedeniya voennosluzhashchih. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 169-174). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN KTVAJG.
- Kobozev, I. Yu. (2022). Vliyanie cennostnoj sfery psihiki na formirovanie korrupcionnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 175-179). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN TAZZBM.
- Pegashova, S. O., Kalina, E. S., Sannikov, R. V. (2022). Konflikty v sem'yah, priznannyh v social'no opasnom polozenii: specifika protekaniya i vozmozhnosti uregulirovaniya sporov mezhdru roditelyami i podrostkami. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 274-279). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN GOBAAT.
- Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 30 sentyabrya 2022 goda (2022). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. ISBN 978-5-91837-583-9, EDN CISDBJ.

- Sevost'yanov, R. A. (2022). Voprosy psihologicheskoy pomoshchi licam s dissocial'nym rasstrojstvom lichnosti. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 303-306). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN ULQGKR.
- Topilina, A. V. (2022). Rol' otnositel'noj deprivacii v formirovanii motivacii dlya soversheniya otdel'nyh vidov deliktov. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 104-108). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN CVALOL.
- Cheburenkov, A. A. (2022). Lzhesvidetel'stvo kak raznovidnost' deviantnogo povedeniya: osobennosti, mekhanizm determinacii, mery preduprezhdeniya V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 115-122). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN SINBYK.
- Shajkova, M. V. (2022). Psihologo-pravovye koncepcii deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih zhenskogo pola. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 202-207). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN PIGKSU.
- Shipunova, T. V. (2022). Biologicheskaya perspektiva izucheniya i profilaktiki prestupnosti V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 64-70). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN TQOHWU.

Информация об авторах:

Злоказов Кирилл Витальевич – кандидат психологических наук, доцент.

Лариса Викторовна Каверина – кандидат филологических наук.

About the authors:

Kirill V. Zlokazov – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

Larisa V. Kaverina – Cand. Sci. (Phil.)

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.10.2022

Одобрена после рецензирования 14.10.2022

Опубликована 29.10.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 7, 2022

Approved after reviewing October 14, 2022

Accepted October 29, 2022

Международная Ассоциация девиантологов
Академия Национального образования и науки
UK Academy of Education
Международная академия ювенологии
Международная Академия Психологических Наук
Международная профессиональная Ассоциация психологов

Уважаемый коллега!

Организационный комитет приглашает Вас и заинтересованных коллег принять участие в работе **III-го Международного Конгресса девиантологов «Девиантология XXI столетия», посвященного 70-летию со дня рождения и 40-летию научно-педагогической деятельности** доктора психологических наук, доктора педагогических наук, профессора Ю.А.Клейберга, который будет проходить **заочно 11 января 2023 года в г. Твери.**

Работа Конгресса будет проходить по следующим основным направлениям:

- методология современной девиантологии: теоретические подходы и концепции, научные школы (рук. доктор юридических наук, профессор Я.И.Гишинский);
- психология и педагогика девиантного поведения: теория и практика (рук. доктор психологических наук, профессор А.Л. Сиротюк).
- *veria* (материалы по другим направлениям, соответствующим тематике Конгресса).

Материалы Конгресса будут опубликованы в коллективной монографии, научных журналах «Вопросы девиантологии» (РИНЦ, ISSN), «UK Academy of Education: scientific magazine» (РИНЦ, ISSN).

Заявку и статью присылать **до 1 декабря 2022 года** на электронный адрес: klab53@rambler.ru.

Публикации в журналах – бесплатны.

Публикуемая работа должна быть тщательно отредактирована и вычитана.

Компьютерный набор рукописи статьи (для журнала – не более 12 стр.; для коллективной монографии – не более 16 стр.), предназначенной для публикации, должен строго соответствовать следующим требованиям:

- Цветное фото обязательно 4x6 см
- 1-ая страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;
- Поля – все по 2 см;
- Гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими **критериями:**

- Название статьи – полужирным шрифтом с выравниванием по центру прописными буквами.
- Через интервал – И.О. Фамилия автора (авторов) с выравниванием по правому краю.

- Через интервал, по ширине – Аннотация статьи – 40-50 слов (на русском и английском языках).
- Ключевые слова – не более 7 слов (на русском и английском языках).
- Через интервал, по ширине – текст статьи: введение, цель, исследовательские задачи, методология и методы исследования, результаты, выводы.
- Библиографический список.

В тексте ссылки на литературу оформляется следующим образом: [Иванов, 2009, с. 231]. Если в ссылке содержатся сведения о нескольких источниках, то группы сведений разделяются точкой с запятой: [Иванов, 2008; Сидоров, 2007; Петров, 2009]. Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова «Цит. по:», например: [Цит. по: Козлов, 2004, с. 39-40].

Рисунки (не более 2-х!), выполненные средствами редактора в контрастной шкале серого цвета, должны быть сгруппированы и расположены в тексте. Рисунки и таблицы должны иметь подписи и обозначения.

В конце должен быть приведен библиографический список источников, указанных в ссылках, расположенных в алфавитном порядке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100-2018.

ЗАЯВКА

на участие или выступление на Международном Конгрессе «Девиантология XXI столетия»

Фамилия, имя, отчество (полностью): _____

Направление участия или выступления: _____

Тема выступления: _____

Ученая степень, ученое звание,
почетное звание: _____

Место работы: _____

Домашний адрес с индексом: _____

Телефон: _____

E-mail: _____